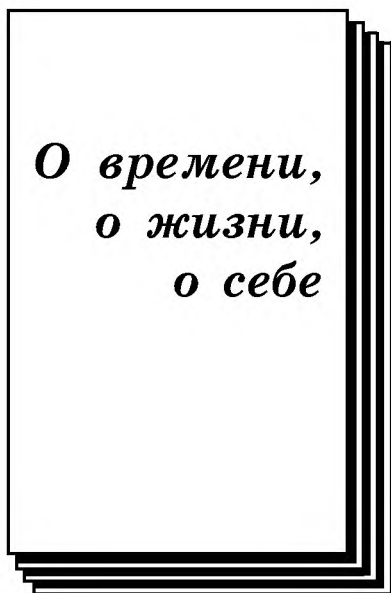

Рафаэль Мустафин

Казань • Татарское книжное издательство • 2002

УДК 820/89(470)
ББК 84(2Рос=Рус)-4
М11

Мустафин Р.А.

М11 О времени, о жизни, о себе.– Казань: Татар.кн.
изд-во, 2002.– 207 с.

Арабески – своеобразный и почти забытый жанр литературных произведений, небольших по размеру и отточенных по форме. В русской литературе этот жанр известен со времени «Арабесок» Н.В.Гоголя. В татарской же литературе арабески приобрели своеобразную форму насэра, в котором преобладает лирико-философская струя. «Арабески» Рафаэля Мустафина, которые уже известны читателю по публикациям в периодической прессе, плодотворно продолжают обе эти традиции.

ПАРАДОКСЫ ЖИЗНИ

Внук мой торопит время: «Когда же я вырасту? Скоро ли стану большим? Скорее бы уж...»

Глядя на него, я вспоминаю, что когда-то так же торопил часы и минуты. Когда же, наконец, окончу школу, потом университет и начну самостоятельную жизнь? Ждал свидания с любимой, затем с родными и близкими, возвращения домой после долгой разлуки... И все казалось: самое интересное, самое заманчивое там, впереди... Когда издам свою книгу, защищу диссертацию, стану членом писательского союза...

И вот, когда я добился почти всего, о чем так страстно мечтал, вдруг пришло понимание, что в этом-то ожидании и была вся прелесть жизни. Я торопил время, а оно тащило медленно, как скрипучая арба. Сейчас я всеми силами пытаюсь удержать его, а оно неумолимо несется вперед. Не успеешь оглянуться – год прошел. Откладываешь встречу с другом, думаешь – успеется. И вдруг узнаешь, что друга уже нет.

Каждый миг нашей жизни – это обретение и утрата одновременно. И едва родившись, мы начинаем свой путь к той грани, за которой – вечная тайна небытия...

ПОХОРОНЫ

Провожая в последний путь своего давнего и лучшего друга, я не чувствовал невозвратимости утраты. Как будто это не расставание навеки, а разлука ненадолго. Как будто мы вскоре встретимся, чтобы больше не расставаться никогда. Ведь он уходил в ту страну, куда я тоже вскоре приду, приду обязательно...

ПОСЛЕ ПОЕЗДКИ «ЗА БУГОР»

Что больше всего поразило в Швеции? Не высокий уровень жизни. И не чистота и порядок на улицах, хотя улицы и даже загородные шоссе там регулярно моют особым шампунем. Пожалуй, больше всего поразило то, что шведы – все без исключения – живут сегодняшним днем.

У всех, даже у молодых, только вступающих в жизнь, – свои квартиры. Часто купленные в рассрочку, не шикарные, но достаточно просторные, со всеми удобствами, отвечающие современным требованиям гигиены и санитарии.

Все, даже безработные, получают достаточно, чтобы не только не голодать, но и вести вполне достойный образ жизни. Нормально одеваться, платить за квартиру и социально-бытовые услуги. Конечно, и там есть богатые и бедные. Но, как я ни старался, не мог отличить по одежде или цвету лица миллионера от мусорщика. И там кому-то везет больше, а кому-то – меньше. Но никто не чувствует себя обделенным, в чем-то ущербным, отверженным. Во всяком случае, я этого не заметил.

Мы плыли на пароме из Финляндии в Швецию. Цены на каюты отличаются значительно, иногда в десятки раз. Но даже в самой дешевой каюте самого низкого класса – а мы плыли именно в такой – были и душ, и туалет, и телефон, и кондиционер, и все прочие современные удобства. Я уж не говорю об идеальной чистоте, вежливости стюардов, накрахмаленных полотенцах и простынях – это подразумевается само собой. Каюты разного класса, но музыкальный и курительный салоны, многочисленные бары и рестораны равно открыты для всех. И шведский стол для всех одинаков – бери, что твоей душе угодно и сколько хочешь. Хоть ананасы, хоть икру, хоть клубнику, хоть осетрину...

Это и есть тот самый «северный социализм», о котором мы столько слышали.

И невольно задумываешься о нашем родном, реальном социализме. Сколько себя помню, нам всегда твердили: «Вам плохо, трудно? Не хватает жилплощади, одежды, нормального питания? Потерпите немного. К восьмидесятому году у каждой советской семьи будет отдельная квартира». Потом, правда, исполнение мечты отодвинули до двухтысячного года. А когда выяснилось, что и это нереально, замолчали... «К девяностому году будет выполнена Продовольственная программа». Так и писали – с большой буквы...

Если вдуматься – о чем мы мечтали? О том, чтобы вдоволь было еды. Одежды. Обuvi...

Чтобы без стояния в многочасовых очередях, без толкучки и хамства купить обыкновенной «мокрой» колбасы. Чтобы было где жить... Нет, не о коттеджах, не о роскошных виллах на берегу лазурного моря, а чтобы не капало сверху и не пахло помойкой из окон... В сущности, мы жили «отложенной» жизнью, надеясь когда-нибудь, в далеком будущем, пожить по-человечески. А жизнь, между прочим, прошла. И другой не будет.

ПРОСЛОЙКА

Во времена коммунистической идеологии признавали реально существующими только два класса: пролетариат (гегемон, ведущая сила общества) и колхозное крестьянство. Интеллигенцию за класс не считали – так, прослойка между классами. Строго следили, чтобы в партию шло побольше «гегемона» и поменьше этой самой «прослойки».

Но что бы стало с нашей жизнью без этой тончайшей, как амальгама, образованной прослойки? Без Цветаевой, Ахматовой, Шостаковича, Сахарова? Без Тукая, Джалиля, Туфана, Сайдашева? Жизнь утратила бы самую суть, цвет и аромат.

МЕТАМОРФОЗЫ

Все дети хороши. Ясноглазы, доверчивы, беззлобны, улыбчивы... И все пахнут первыми подснежниками...

Как же их должна уродовать и калечить жизнь – бить, топтать, подсовывать самые дурные, отвратительные примеры, – чтобы из них выросли бюрократы, хамы, бандиты, убийцы, доносчики, палачи?

БЕРЕЗЫ НА БОЛОТЕ

В гнилой болотной воде царство лягушек и ужей. В воздухе кишат зудящие надоедливые комары, считающие себя хозяевами воздушного пространства. А среди кочек, осоки и рогоза там и сям растут березки. Хилые, низкорослые, с усохшими вершинами. По темной бородавчатой коре некоторых из них хищно карабкаются округлые, дурно пахнущие наросты древесного гриба. Эти – уже не жильцы на белом свете, им скоро конец. А другие все еще как-то держатся, зеленеют, пылят спелыми сережками...

Глядя на эти замороченные березки, думаю о том, что и мы росли и работали в таком же болоте. В тине застоя, идеологических запретов, драконовской цензуры, под недремлющим оком КГБ. Корни наши уходили не в плодородную почву мировой цивилизации, а мерзли в гнилой воде «Сусловского марксизма». Оттого-то и мысли у нас были чахлые, и смелость весьма относительная, и произведения с явной червоточиной.

Конечно, березы не виноваты в том, что им выпала такая участь. Что ни говори, они по мере сил скрашивают однообразие пейзажа, дают кислород и спасительную тень,

выполняют свое предназначение на земле. Но до крепких, рослых, белоствольных берез, что растут чуть выше, им все же далеко...

НЕ ГАСИТЬ ОГНЯ

Мне уже доводилось писать о том незабываемом впечатлении, которое произвела на меня Капова пещера (Башкортостан). Бесконечная анфилада залов, один другого величественней, один другого просторней... Подземные речки, ручьи и озера... Прозрачные, в матовых натеках сосульки сталактитов, колонны сталагмитов, вспыхивающие под лучами карманного фонарика то розовым, то желтым, то синим...

Капова пещера была обитаемой в течение нескольких тысячелетий еще до нашей эры. Здесь жили далекие предки, люди каменного века. Следы их обитания сохранились до сих пор: налеты копоты на стенах и потолке пещерных залов, черепки, обгорелые кости диких животных, рисунки охрой и громадные кострища, слой золы в которых достигает нескольких метров. Исследуя эти кучи, ученые пришли к выводу, что огонь здесь поддерживался непрерывно в течение двух, а то и трех тысяч лет. Видимо, пещерные люди уже научились поддерживать огонь, но добывать его еще не умели. Вот и приходилось денно и ночью следить за костром, чтобы огонь, не дай Бог, не погас.

Напрашивается аналогия с современной цивилизацией. Не дать угаснуть огню человечности, доброты, подлинной духовности, высокой культуры... Поддерживать пламя непрерывно в течение тысячелетий. Иначе – вечная сырость, холод и мрак, возвращение на уровень пещерного человека...

КОГДА НЕ ХВАТАЕТ НЕБА

В Нью-Йорке мы провели всего два дня. Остановились в роскошном отеле «Хаят» в самом сердце Манхеттена. Обслуживание – на высшем уровне. Скоростные лифты, сауны, бассейн с искусственным солнцем. Спортзалы, предупредительные и вежливые официанты... Выйдешь на Бродвей и чувствуешь себя, как в фантастическом фильме о будущем: бесчисленные магазины, кафе, рестораны, ночные клубы... Огни рекламы, бегущие световые картинки... Редкие деревца украшены лампочками, подобно рождественским елкам.

И все эти дни меня не покидало ощущение какого-то дискомфорта, тревожное и давящее чувство, причину кото-

рого я долго не мог уяснить. Только когда, собираясь улететь на родину, мы вышли на летное поле и впервые за эти дни увидели линию горизонта, я понял причину душевного неуютта: дело, оказывается, в том, что в Нью-Йорке мало неба.

УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ...

Немецкий писатель Леон Небенцаль, отлично знавший русский язык, имел привычку вставать рано-рано и в одиночестве бродить по улицам Казани. Думаю, эта его привычка доставила немало хлопот нашим кагэбешникам, хотя ничего плохого против нашей страны Небенцаль и в мыслях не держал. Просто как человек пытливый, мыслящий, к тому же пишущий, он искренне пытался как можно больше узнать и понять.

В один из своих приездов в Казань он забрел на рынок. И был до глубины души поражен тем, что какой-то бойкий паренек в расстегнутой до пупа ковбойке торговал... перегоревшими электрическими лампочками. «Представляете, он и не скрывал, что они – перегоревшие. Да это видно, как говорится, невооруженным глазом. И их у него берут. Недорого, конечно. Да ведь и сами лампочки стоят у вас копейки. Спрашиваю у покупателей: зачем вам эти лампочки? А они улыбаются, отводят глаза, мямлят что-то невразумительное. Мол, пригодятся... Ну, я понимаю – дефицит, в магазине лампочек нет. Если бы он хоть продавал исправные, пусть – втридорога... А то – перегоревшие... Объясните мне, ради Бога...»

Тут настала пора растерянно улыбаться и мямлить что-то невразумительное мне. Мол, наши умельцы все могут... Встряхнут как следует, чтобы волосок снова зацепился, и лампочка снова горит. Только, мол, это по силам не каждому...

Не мог же я открыть ему «государственную тайну», что перегоревшие лампочки меняют на предприятиях и в учреждениях на целые. Ведь как у нас: выдадут завхозу сколько-то лампочек и требуют потом отчитаться перегоревшими. Да, не мог... Еще подумает гость, что у нас поголовно все жулики...

ЗАКАТ В ТРОПИКАХ

Есть в тропических вечерах щемящий момент, когда солнце прощается с небом, как душа – с телом.

Светящаяся амальгама неба отражается в тягучем стекле воды. Океан лениво играет бицепсами. С одной стороны –

золотистое свечение неба, а с другой наползает серебристо-пепельная темнота. Слепящий изнурительный зной сменяется парными сумерками, вслед за которыми тут же разливается густая, прясная смола ночи. Пахнет рыбой, йодом и мокрыми простынями.

А душа тоскует по далекому Татарстану, по чуткой прохладе вечернего леса, где настоялись мягкая тишина и нежность.

ЖЕМЧУЖНОЕ УТРО

Ялта. Берег моря. Солнце уже взошло, но еще скрыто матовой пеленой. Дали размывчаты, неявны. То ли туман, то ли низко нависшая гряда облаков. Едва уловимым контуром темнеют горы. Йодистый, настоянный на морских водорослях и росистой свежести воздух неподвижен. Ни один листок на громадных, в три обхвата каштанах не шелохнется. И лишь море – огромное, соленое, прохладное вздыхает, потягивается, играет литыми мускулами.

Сколько времени прошло с тех пор? Лет двадцать, не меньше. А утро осталось как подарок судьбы, как улыбка счастья. Как память о тех временах, когда можно было, получив отпускные и выстояв очередь у кассы, запросто махнуть с семьей на юг...

В ГОСТЯХ У НЕБА

Высотное здание университета. 13-й этаж... Заседание кафедры – скучное, муторное... Никому не хочется зря терять время. Но все понимают, что, согласно плану учебно-воспитательной работы, раз в месяц надо потратить полтора-два часа на болтовню об улучшении учебного процесса, повышении успеваемости и прочих вещах. Которые, конечно же, от этого не улучшаются. Как шло, так и идет...

Иные, правда, зачастую используют эти заседания, чтобы свести застарелые счета, одернуть «зарвавшихся», как-то заявить о себе и вообще нажить политический капитал. Все это так знакомо! Заранее известно, кто что будет говорить и в чей огород швырять камушки. И я развлекаюсь тем, что смотрю в высокие светлые окна, обращенные на запад, любуюсь красками вечеряющего неба, наблюдаю за движением облаков.

Волнистая рябь, снизу розоватая, а сверху подернутая пеплом... Белые волокна, золотистые запятые, синеватые холмы и вершины... И все это непрерывно движется, меняет форму, цвет, очертания... В них и грусть,

и сладкая боль, и покой, и отрешенность от всего мирского, суетного.

Полет облаков – и это скучное заседание. Две реальности, столь же различные, сколь и несовместимые. Что этим клубам легчайшего пара до наших мелочных склок и распрей? Что им до нашей мышины возни, борьбы самомнений, желания выслужиться, кого-то уязвить, задеть?..

Облака не бывают ни добрыми, ни злыми, ни ироничными, ни язвительными. Конечно, людская фантазия может наделить их какими угодно человеческими свойствами даже эротикой. Скажем, так:

Облака – полногрудые женщины – плывут над землей нагишом...

Но это, пожалуй, скорее о летних, плотных облаках, а не о зимних, тонких, как мазки акварельной краски в полкасанья. Да и нет облакам никакого дела до наших досужих выдумок. Как плыли миллионы лет назад, так и будут плыть, когда на планете, возможно, и след человеческий простынет... Глядя на них, можно сказать лишь о том, будет ли завтра обильный снегопад или, наоборот, ударит морозец. Да и то с изрядной долей вероятности...

Цвет неба постепенно густеет. Горизонт сузился, небосвод потерял глубину и объемность, а облака стали неразличимы на темном фоне... Розовая полоска у самой линии горизонта гаснет. В разрывах туч уже мерцают первые умытые звездочки. И лишь одно – самое высокое облачко над местом, куда закатилось солнце, еще блистает и трепещет, как золотая фольга.

Тут и совещание закончилось. Люди поднимаются, расправляют затекшие члены. Усталые, раздраженные... Одни – тем, что их несправедливо обидели. Другие – тем, что не успели высказать в глаза противной стороне все, что о них думают и что те, по их мнению, заслуживают.

И все с недоумением посматривают на меня – умиротворенного, размягченно улыбающегося... Словно я и не от мира сего. И вправду не от мира – ведь я все это время был в гостях у неба.

ФАНТОМНЫЕ БОЛИ

Первые послевоенные годы. Небольшой провинциальный городок Абдулино. Протекающая через городок степная речка. Не помню ее названия, а скорее всего, никогда и не знал – речка и речка. Помню только, что была она довольно грязной, вся в радужных пятнах мазута от стоков паровозного депо. Это, однако, не мешало нам, мальчиш-

кам, целыми днями пропадать на ее захламленных, неопрятных берегах – купаться, загорать, играть в свои мальчишечьи игры.

Довольно часто к нам присоединялся безногий фронтовик... Как же его звали? Тоже не помню. Нам он казался взрослым, бывалым мужчиной. Но сейчас понимаю, что был он безусым мальчишкой лет двадцати, не больше. И от нас отличался только тем, что успел понюхать пороху, потерять ногу и повалиться по госпиталям. То ли нигде не работал, то ли у него было каникулярное время... А к нам он присоединялся потому, что не мог без посторонней помощи входить в воду и выходить из нее. Правда, в воде он плескался и плавал ничуть не хуже других...

Помню, лежим мы под ласковым солнышком, загораем... А он все ворочается, кряхтит, жалуется: «Пальцы (отрубленной ноги!) чешутся... Спасу нет!» Меня это страшно тогда поразило – ноги нет, ампутирована по самое бедро, а пальцы чешутся, а иногда, по его словам, болят, ноют, спать не дают...

Много позднее знакомый врач объяснил: в медицинской практике такое встречается довольно часто. Даже термин такой есть – фантомные боли...

Думаю, термин этот приложим не только к медицине. Разве не бывает так, что тоскуешь не о том, что было, а о том, чего никогда не было. Могло быть, могло случиться, но не было и уже не будет никогда. Иной раз реальная потеря не столь непереносима, как вот такая, фантомная боль о несбывшемся...

ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Теория относительности Эйнштейна, согласно которой одновременно может существовать множество параллельных временных систем, для меня лично – не сухая абстракция, а самая обыкновенная, повседневная реальность.

Вот я сижу, работаю. Звонит телефон. Но пока я, оторвавшись от пишущей машинки, бросаю последний взгляд на лист бумаги (чтобы не потерять нить мысли) и поднимаюсь со стула, жена успевает прибежать с кухни, где она возилась с кастрюльками, схватить трубку и при этом еще бросить убийственный взгляд на меня: сидишь, мол, в двух шагах от телефона, а задницу от стула оторвать не можешь.

И вообще у нас с нею, как выражался Шукшин, «разные скорости», а говоря по-научному, разный темп психических

процессов. Достаточно любого пустяка (с моей точки зрения), чтобы вывести жену из себя. Я еще не успеваю даже сообразить, что к чему, а она уже пых-пах! Трах-тарарах! Зато она и остывает первой. Я еще злюсь и не разговариваю, а она уже и думать забыла о недавней ссоре и искренне удивляется, чего это я дуюсь, как мышь на крупу...

Это – в быту. А если посмотреть шире, в глобальном масштабе? Вот, скажем, сегодняшняя Чечня с ее шариатским судом, публичными казнями, похищениями людей ради выкупа и прочими средневековыми штучками... Она живет во времени, отстоящем от нашего лет эдак на двести – триста. И то, что при этом неверную жену не забрасывают камнями, а расстреливают из автомата Калашникова, ничего, в сущности, не меняет.

Даже с наступлением космической эры в дебрях Амазонки или на острове Борнео можно встретить племена, занимающиеся примитивной охотой и собирательством и, по существу, не вышедшие из каменного века.

Каждый раз, выезжая в США или страны Западной Европы, я ощущаю себя так, будто попал если не на другую планету, то в другое временное измерение. Возможно, мы тоже когда-нибудь будем жить так же, как в Стокгольме или Вашингтоне. В смысле материальной обеспеченности, социальной защищенности... Но когда?

ОБАЯНИЕ НЕЗАВЕРШЕННОСТИ

Можете ли вы представить себе Венеру Милосскую... с руками? Я, например, не могу. Не странно ли: скульптура, ставшая эталоном не только женской красоты, но и искусства вообще, хороша именно своим... несовершенством.

В музеях Каира и Берлина хранятся скульптурные портреты египетской царицы Нефертити. Среди них есть завершенные – пестрораскрашенные, в высоком и пышном головном уборе. Есть и незавершенные – без раскраски. Насколько последние тоньше, изящнее, поэтичнее!

Что же из этого следует? Не то ли, что художник не должен доводить свое произведение до логического конца, полной завершенности? Известная недосказанность, «открытость» только активизирует воображение зрителя, делает его как бы участником творческого процесса. Говоря по-научному, акт эстетического восприятия превращается в акт сотворчества.

Известный русский художник Александр Иванов более двадцати лет работал над монументальным полотном «Явление Христа народу». Старался добиться идеального совер-

шенства, абсолютной завершенности. Оттачивал каждую деталь, каждую складку одежды, оттенок живого тела, парок над водой, божественность сияния вокруг головы Христа... И в результате... безбожно засушил и умертвил свою работу. Его живые, непосредственные эскизы к картине впечатляют куда сильнее. Нынешние художники отлично понимают это и стараются не «зализывать» свои полотна.

Из всего этого вытекает один из основополагающих принципов искусства: истинное художественное произведение должно быть в чем-то неоконченным, незавершенным. Лучше недосказать, чем пересказать...

ПРИЧУДЫ ПАМЯТИ

Память под старость – как пересохшее озеро. Схлынула вода повседневности, хлопотливой будничной суеты, и вдруг обнажилось дно. Выступили затопленные когда-то коряги, вросшие в землю остовы машин, гниющие бревна, старые, затянутые ряской пни... Все, что было давным-давно, вдруг оказалось на поверхности. А вот самой жизни – с рыбками в глубине и веселой толчеей солнечных бликов на волнах – в озере уже нет...

ШАГАЛОВСКИЙ ВЕЧЕР

Целый день лил дождь – нудный, осенний. Под вечер небо прояснилось. Серые тучи на закате окрасились в золотые и багровые тона. Ветер стих, омытый город неузнаваемо преобразился. Такое ощущение, будто над ним пролетел герой знаменитой картины Марка Шагала за руку со своей подругой...

СЫН

Маленькая, сухонькая, сгорбленная старушка всюду носит с собой все, что осталось от единственного сына: несколько выцветших желтых фотографий и разошедшуюся на сгибах коричневую бумажку с синей печатью – «похоронку» на сына. Все считают ее полоумной, всячески избегают, а если войдет, стараются поскорее выпроводить.

Ей ничего не надо: только, развернув серую от времени тряпицу, показать эти карточки, напомнить, что был такой человек – ее сынок, кровинушка, ненаглядный. Мальчишки – жестокие от природы или по недоумству своему – дразнят: мол, не было у тебя никакого сына, выдумала все, а «фотки» украла. Старушка выходит из себя, осыпает их

грязными ругательствами, потрясает маленьким жилистым кулачком, гоняется за ними. А им только того и надо...

Где она живет, чем питается, никто не знает. Кажется, в какой-то халупе на краю пригородного поселка. И пенсию, наверное, получает. Иначе – на что жить? Да много ли ей надо: поклюет, как птичка, крошки от пересохшей булки, запьет водичкой и ходит целыми днями в поисках слушателей.

Впрочем, в этом году ее что-то не видно...

ДВА АНГЕЛА

Мама еще в раннем детстве говорила мне, что у каждого человека на плечах сидят два ангела. Один считает и записывает в свою книгу все добрые дела, а другой – грехи и проступки. И настанет судный день, когда по этим записям определят, куда тебя направить – в рай, ад или чистилище...

Прожив немалую жизнь – почти семьдесят лет! – ощущаю, чувствую: есть они, двое невидимых. Один помогает во всем, отводит беду нависшую. А другой, наоборот, искушает, втягивает в сомнительные авантюры. Один наставляет уму-разуму, оберегает от тюрьмы да от сумы, а другой толкает на ложный путь, все время подзуживает: жизнь-то одна! Спешить жить, ухватить за хвост птицу счастья, получить все сорок четыре удовольствия...

Вот так в борении противоречивых чувств жизнь и прошла...

В РЕСТОРАНЕ

Субботний вечер... Зал заштатного рестораника на окраине города переполнен. Залихватски гремит джаз. Шум, гул, пьяные физиономии, дым коромыслом...

Неподалеку в компании трех «лиц кавказской национальности» сидит крашенная блондинка в смелом декольте и вызывающе коротенькой юбочке. На вид ей не больше двадцати. Впрочем, из-за подкрашенных век и густо наложенной помады реальный возраст определить трудно: может, ей на несколько лет больше или меньше (скорее – последнее). «Кавалеры» всю ее уже обшлюнявили жадными похотливыми взглядами. Она, конечно же, сильно нетрезвая – мокрые губы приоткрыты, глаза затуманены... Не выпуская изо рта сигареты, охотно подставляет рюмку – наливайте еще. Видимо, не дошла пока до нужного градуса...

ЛОГЕРЕЯ

Оказывается, есть такая психическая болезнь с красивым научным названием – логерея. А попросту, по-народному – недержание речи.

Сколько мне пришлось сталкиваться с такими! Зайдет с пустяковым делом, а отнимет два–три часа. Начинает непременно с Адама и Евы – короче не может. Пока он дойдет до сути, весь изведешься, измаешься. Потом болит голова и ни за что братья не хочется – видимо, болезнь эта как-то воздействует на окружающих.

Лечить таких надо! Только неизвестно – как...

О СМЕЛОСТИ

Что такое смелость? Вовсе не отсутствие страха. Такого вообще не бывает. Разве только у психически больных, неполноценных людей. А их к настоящему делу нельзя подпускать.

Смелость, как сказано в одном из учебников по психологии, – это форма осознанного, волевого преодоления страха.

Замечательно точное определение!

ДВЕ РОССИИ

Приятель из дальнего зарубежья прислал письмо, спрашивает: «Ну как там у вас, в России? Как люди живут? И вообще...»

Сел отвечать ему и задумался. А ведь единой России давно нет. Есть две разные, совсем не похожие друг на друга страны.

В первой люди живут в загородных коттеджах или престижных, роскошно обставленных квартирах. Отдыхают на Канарах или в Испании, в крайнем случае – в Анталии. У них новенькие, сверкающие свежим лаком иномарки, сотовые телефоны и одежда от Версаче.

Во второй люди живут в так называемых «хрущобах» или панельных десятиэтажках. Многие – в частных домах с печным отоплением и «удобствами во дворе». Отдыхают преимущественно в средней полосе, то бишь вкалывают на своих приусадебных участках или «дачах», запасаясь на зиму картошкой, овощами, всякими соленьями-вареньями. О кредитных карточках и банковских счетах за границей

понятия не имеют. Многие доллара даже в руках не держали.

Если в первой России доход на каждого члена семьи составляет не менее 500 «зеленых» в месяц, то во второй – в среднем 50 «баксов» на одного работающего. Если первые могут себе позволить сорить деньгами направо и налево, то вторые вынуждены экономить на всем – еде, лекарствах, одежде. Зарплату часто задерживают, к тому же велик риск остаться вовсе без работы.

Жители первой страны в основном молоды, энергичны, знают языки, часто бывают за границей. Много работают и в целом довольны жизнью, хотя всегда стремятся заработать еще больше. Во второй стране очень много престарелых, больных, увечных. Здесь получают денег в двадцать раз меньше, а пьют во столько же раз больше. Трудятся, как привыкли еще в прежние времена, – «от» и «до» и при каждом удобном случае стараются увильнуть от работы. В выходные и праздники развлекаются тем, что, напившись «в стельку», устраивают дебоши, драки, а то и поножовщину.

Первая Россия – это менее одной десятой населения, преимущественно жители столицы и крупных городов: «новые русские», «красные» директора, депутаты, олигархи... Вторая – вся остальная страна...

В ВОЛЧЬЕЙ СТАЕ

Как-то мне довелось присутствовать на судебном процессе над группой подростков. Судили их за коллективное избиение с отягчающими последствиями: их сверстник из соседней группировки скончался в больнице от полученных травм.

На скамье подсудимых сидел отрок лет шестнадцати – совсем мальчишка. Тонкая шея, узкие сутулые плечи, затравленный взгляд. Обритая наголо голова обнажала глубокую ямку на шее и делала его по-детски незащищенным, даже трогательным. И как-то не верилось, что руки его – в крови.

Мать вообще отказывалась верить: «Да что вы! Такой тихий, послушный! Да он мухи не обидит! Кошку, бывало, и ту пожалеет, с места не сгонит... Да вы его не знаете! На него просто клеветают, сваливают вину. Во всем виновата дурная компания, а он ни при чем!»

Но все материалы дела – показания свидетелей, потерпевших, признания самого подростка – свидетель-

ствовали об обратном. Бил, да еще как! Куском железной арматуры – по голове, со всего размаха! Именно он проломил череп жертвы – на их языке это называлось «сделать копилку». Остроумно, ничего не скажешь... И – страшно! Подросток действовал в коллективном угаре, не ведая, что творит. Впрочем, так ли уж не ведая? Ведь паспорт на руках, должен отвечать за свои поступки...

Просто дома, с одинокой затравленной матерью, и в школе, среди своих сверстников, он – один. А в волчьей стае с ее жестокими законами – совсем другой. Там требуется показать себя бесстрашным, ничего не боящимся и – беспощадным. Иначе тебя не будут «уважать», ни в грош не будут ставить. С точки зрения стаи его поступок – доблесть, о которой долго еще будут шептаться, восхищаясь его «геройством».

Конечно, если копнуть глубже, во всем виноват «авторитет» – лидер молодежной группировки. С помощью таких вот зеленых пацанов он собирал дань со всего микрорайона, купил себе «Жигули». И проводимая им операция устрашения нужна была для того, чтобы держать людей в страхе, чтобы никто не «жмотничал». Но попробуй докажи это! Он не участвовал в драке, его в это время даже в городе не было...

Пареньку дали восемь лет в колонии строгого режима. Если он и выйдет на волю, то, скорее всего, отпетым бандитом. Конечно, жалко юнца. А жертву его ни в чем не повинную – не жалко? И если спускать такое с рук, что будет дальше? Ведь мальчишки совсем распояшутся...

Сложное это дело – подростковая преступность...

БОКОВОЕ ЗРЕНИЕ

Как-то я пошел за грибами со старым опытным грибником. Сам-то я в грибах не больно разбираюсь, поганки от опенка не отличу... Идем по пригородной рощице рядком... Мой спутник уже полкорзины нарезал, а я ни одного не нашел. На мой недоуменный вопрос грибник объяснил:

– Ты смотришь только вперед, только себе под ноги... А надо видеть все, что вокруг... Грибы – они под листочками прячутся... Их большей частью замечаешь боковым зрением... И не напрягайся так – они этого не любят...

Я послушался доброго совета, сумел немного расслабиться и особым образом «настроить глаза». И грибы действительно начали попадаться. Вроде бы совсем уже мимо прошел, а все же замечаешь их как бы ненароком...

...На днях случайно встретил старого знакомого. Бросилось в глаза: что-то с ним неладно. Весь какой-то потухший, поникший, увядший, словно шарик, из которого воздух выпустили... Спрашиваю у тех, кто с ним работает, сидит в одной комнате, что с ним? Пожимают плечами: «Да вроде ничего». Они общаются с ним постоянно, изо дня в день, а никаких перемен не заметили. И только потом я узнал, что, оказывается, сын у него стал наркоманом. Тащит все из дома, отнимает деньги, может и поколотить отца... Большого несчастья не придумашь. А сослуживцы ничего не замечали. Верно сказано: лицом к лицу лица не увидать...

Бывает и так: бьешься над какой-то проблемой. И так прикидываешь, и эдак. А желанное решение все не находится. Вопрос слишком серьезный, очень велика цена ошибки... Отсюда и напряг...

В таких случаях я стараюсь не торопить события. Пусть проблема отлежится в сознании, созреет. Можешь переключиться на другое, думать о чем-то своем, взять в руки какой-нибудь глупый детектив, привлечь отдохнуть... И вдруг в минуту сладкой дремоты, совсем неожиданно, словно само собой, всплывает решение... Вот же оно! Лежало совсем рядом. Только ты его в упор не видел, так как слишком старался, чересчур напрягался. Оказывается, его можно было увидеть только боковым зрением...

МЫСЛИ В ДОРОГЕ

Мчимся на новенькой «Волге» по загородному шоссе. И вдруг – удар. Малюсенький камушек, выбитый колесами встречной машины, ударил в лобовое стекло и образовал целую сеть мелких трещин. Неприятно, конечно, но ехать можно...

Точно такие же микроскопические трещинки образуются в душе от любого удара: одного неосторожного слова, незаслуженной обиды, бестактного замечания... Жить, конечно, можно, а душа мутнеет, теряет прежнюю ясность, прозрачность.

ПО ГЛАЗАМ

Как-то давным-давно, выступая в незнакомой аудитории, я безошибочно вычислил среди слушателей стукача-осведомителя. Потом, когда поделился своим наблюдением со знающими людьми, они удивлялись: «Точно... Но как ты мог догадаться?» А я узнал его по глазам: у всех глаза как глаза – доверчиво распахнутые, заинтересованные, скептически прищуренные, скучающие – всякие. А у этого – настороженно бегающие и цепкие как репей.

ПЕРИОД БОЛЬШОГО ХАПКА

Помаем голову над тем, как назвать нашу эпоху: *перестройка, постперестройка, переход к рыночной экономике, постсоветский период?* Честно говоря, меня это не очень волнует: историки будущего придумают и нас не спросят. Но одним соображением все же хочу поделиться.

В истории нашего государства была полоса повального беззакония – в 30–40-е годы... Повального двуличия – в эпоху застоя. А затем, с крушением коммунистического режима и отменой прежних ограничений, наступила эпоха повального воровства. Из ничего, из каких-то финансовых пирамид или пустых бумажек – ваучеров возникали огромные состояния. Поэтому по аналогии с китайским термином предлагаю название: период большого хапка.

КТО АВТОР?

Однажды в очереди за пивом я услышал хорошо знакомое слово: «Надо будет автору звякнуть...» «А у них кто автор?» Разговаривали два бритоголовых «качка» в тренировочных брюках – явно не об авторе книги или статьи...

Лагерное растрение нашей свободы не прошло бесследно. Жизнь города все больше криминализуется. И вовсе не случайно, что гении нынешнего бизнеса – в основном из жулья. А кто заправляет нашей жизнью? Раньше были райкомы, потом возникли районные администрации. Но наряду с ними город разделен позонно: зона влияния группировки «Хади Такташ», «Грязи», «Жилка» и т.д. Они контролируют рынки, большой и малый бизнес, мелкую торговлю и прочее. Авторитеты преступного мира (те самые авторы) и претендуют сегодня на роль хозяев жизни...

СОСНА НАД ОБРЫВОМ

Еще зеленая, могучая, но уже обреченная. Подмытые половодьем корни, судорожно скрючившись, болтаются в воздухе. В сухой траве под кроной – обильная рыжая хвоя. Осыпается раньше времени... И вершинка уже облысела. Сосна еще живая, но уже наклоненная, подкошенная...

Есть в тебе что-то общее с моей судьбой. И меня вот так же безжалостно подмывает река времени. И я уже начинаю усыхать, но пока что держусь, наклонившись навстречу ветру.

МОТЫЛЕК

Ясный августовский вечер, постепенно переходящий в ночь. На темно-лиловом, с фиолетовым отливом небе прорезаются еле различимые, булавочные уколы звезд.

Сажу на застекленной веранде. Читаю, перебираю свои старые записи. А больше слушаю плывущую над миром гулкую торжественную тишину. Вокруг настольной лампы настойчивыми кругами порхает бабочка.

Ночь настраивает на философский лад.

Вечность далеких мирозданий и скоротечная жизнь мотылька-однодневки. Прохлада ночи, простершей свой бархатный занавес над половиной планеты, и маленькое траурное знамя, мечущееся у самых ресниц. Вселенская тишина, нарушаемая лишь стуком падающих яблок, и бархат кардинальской мантии...

Вот они, вечные символы нашей жизни, где человек – лишь песчинка, а людское существование – глоток в океане вечности.

ЛЬДИНКИ

Брожу по темным садам и скверам в старой части города. Дышу весенним морозцем. Похрустываю корочками льда в белых сухих лужах. Слушаю рев магнитофонов в укромных уголках парка (магические звуки!), где кучкуются совсем еще юные девочки («скверные» девочки) и мальчишки. Пьют «из горла», гогочут, похабно извиваются, время от времени уединяются в кустах, спугивая бродячих собак, собирающихся на свои весенние свадьбы.

Беру в руки пластинчатую ломкую льдинку, ощутив жгучий холодок в ладонях, болью отдающийся в сердце. Все же человек – не собака...

ДЕВОЧКИ ПРЕДМЕСТЬЯ

Я встречаю их каждый вечер на улице Баумана. Короткие юбочки. Разноцветные лосины. Стройные ножки. Крашенные пухлые губки. Наивно-порочные глаза. До жути одинаковые в своем стремлении не отстать от моды и половину скудной зарплаты тратящие на косметику. Но именно это и выдает их с головой.

Они бродят стайками, диковато-робкие и нахальные одновременно. Мечтают сорвать выигрыш в неверной лотерее любви. Но и в центре им почему-то попадают не принцы, а те же «крутые парни» из предместий, мечтающие сорвать нечто другое.

Пройдет какое-то время, и одни из них превратятся в задастых баб, вульгарных и горластых. Другие – в худых, изможденных алкашек в мятых юбках и спущенных чулках. Но кое-кому, возможно, удастся прожить свою жизнь по-человечески.

БАВЛЫ

Стою на крутобоком холме. За спиной начинается кудрявый дубняк. Впереди – сочный бархат пшеничного поля с бегущими по нему ажурными вилами электрических опор. Чуть поодаль – сизые полотнища колосающейся ржи, многочисленные станки-качалки с черными кругами выжженной земли вокруг, серебристые баки нефтехранилищ. Под ногами, подобно пламени спички, плещутся алые маки, слегка припахивающие нефтью.

Щедрая, богатая земля! И тени облаков скользят по ней бесшумно.

КОМНАТЫ

Мне иногда снятся комнаты. Пустые комнаты с голыми стенами. Без окон, одни двери. Бесконечная анфилада комнат, пустых, безлюдных. И двери, открывающиеся одна за другой, одна за другой... И я иду по этой анфиладе, безотчетно томясь геометрией стен.

Есть в этом сне что-то пугающе-притягательное. Хочется идти и идти по этим комнатам, несмотря на их пустоту и однообразие. Идти, не надеясь на выход и даже не мечтая о нем. Только ни в коем случае не останавливаться. Хотя, собственно говоря, почему?

ПРЕДЧУВСТВИЕ

У каждого в жизни, наверное, бывает такое. Вроде бы, все хорошо, все нормально. И дома, и на работе. Как говорится «все путем»... Но из какой-то невидимой щели тянет еле заметным сквознячком. Холодным, неприятным, с запахом тлена. Впрочем, заглушить это чувство не так уж трудно – работой, поездками, встречами, дружеским застольем... Заглушить, но не избавиться. Потому что в минуты отрешенного одиночества, чаще всего ночью, когда не спится, вдруг почувствуешь уже не сквознячок – ледяное дыхание...

Проходят несколько томительно-беспокойных дней, и вдруг приходит сообщение о смерти близкого тебе человека. Причем, несчастье произошло в ту самую ночь, в те же часы и минуты, когда ты маялся непонятной бессонницей.

Что это? Знак свыше? Телепатия? Просто обостренное чувство интуиции? Пооди разберись...

ПОЗДНЕЕ ПРОЗРЕНИЕ

С октябрятских лет мы самозабвенно пели: «Весь мир насилья мы разрушим...»

Разрушили. До основания. И только сейчас спохватились: а зачем?

Вслед за нашими воспитательницами в детском садике мы послушно повторяли: богатство – это плохо. Богатые – жадюги. Они «сплотаторь». Бедность – хорошо. Долой богачей! Да здравствуют бедные!

И вот богатых в нашей стране не осталось. Куда ни посмотри, все бедные.

В пионерские годы мы дружно маршировали под лозунгом: мир хижинам, война дворцам!

И дворцов не стало, одни хижины...

Надо было зайти в полный экономический и идеологический тупик, чтобы наконец понять: что-то в нашем королевстве идет не так. И лозунги не те, и идем не туда. Теперь мы пытаемся дать задний ход. Но при этом можно вернуться лишь к исходной точке, на семьдесят лет назад. А мир за это время снова уйдет далеко вперед.

КАК ВСЕ...

Быть как все. Ничем не выделяться. Не высовываться... Не высказывать...

Распространенное, спасительное и очень опасное стремление.

Все бегут, и ты бежишь. Все пьют, и ты пьешь. Все

воруют, и ты тащишь в своюнору. Все поклоняются очередному кумиру, и ты, за компанию.

А в случае чего – взятки гладки. Не ты один, все так делали. Никто конкретно не виноват: время было такое...

ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕК ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ НЕСЧАСТНЫМ?

Козьма Прутков говаривал: «Хочешь быть счастливым – будь им». Шутка шуткой, а американские психоаналитики взяли это правило за основу своей работы. Люди приходят к ним со своими бедами и несчастьями. А они поговорят с ними, потолкуют по душам (конечно, не бесплатно!), проанализируют причины, и пациент приходит к убеждению, что все не так уж и плохо, что можно продолжать жить и радоваться жизни. Ведь что такое счастье? Это значит воспринимать жизнь как бесценный подарок судьбы и жить в удовольствие.

Как правило, человек редко бывает доволен своей жизнью и самим собой. Почему? Психоаналитики выделили 11 причин. Ровно 11! Я пытался придумать что-нибудь новое, но ничего у меня не получилось. Может, у вас получится? Итак, причины такие.

1. Чаще всего человек страдает от того, что кто-то его не любит. Особенно тяжело переживают это женщины.

В таких случаях психоаналитики говорят, что нет и не может быть жесткой необходимости быть любимым и одобряемым каждым человеком в значимом окружении. Поскольку каждый свободен в своих чувствах, он имеет право кого-то любить или не любить. Как говорят в народе, на всех не угодишь и насильно мил не будешь. Кто-то тебя не любит, а кто-то – полюбит. Кому-то ты не мил, а кому-то – мил. Все естественно, все так и должно быть. Стоит осознать это, и уже становится легче на душе.

2. Зачастую человек мучается оттого, что чего-то не знает или не умеет (в профессиональном отношении). Но, во-первых, незнающий может узнать, неумеющий – научиться. А во-вторых – и на это психоаналитики делают особый упор – человек и не обязан все знать и уметь. Достаточно того, что он является специалистом в одной, пусть достаточно узкой области. Тот же Козьма Прутков изрекал: никто необъятного объять не может...

3. Многие, обманувшись в жизни раз, боятся обмануться в другой. Так, первая несчастная любовь может наложить негативный отпечаток на всю жизнь. Один оказался нечестным, обманул в лучших чувствах. И у женщины готово убеждение, что все мужчины такие, что им ничего,

кроме «этого самого», не надо. Иными словами, обжегшись на молоке, дуют на воду.

Психоаналитики убеждают своих пациентов: не обобщайте. Если один плох – это еще не значит, что все плохие. Люди неодинаковы. Надо уметь различать их...

4. Люди очень тяжело переживают крушение своих жизненных планов. Скажем, кто-то мечтал поступить в вуз, но срезался на экзамене. Хотел жениться на какой-то девице, а она предпочла другого.

По мнению психоаналитиков, это неприятность, но не жизненная катастрофа. Надо лишь вовремя осознать это, понять, что жизнь иной раз диктует необходимость сменить планы. Не заикливаться на прежних расчетах, а осознать, что, может быть, требуется как-то подкорректировать свои намерения, набраться, скажем, практического опыта. А в отношении девицы... Как поется в популярной когда-то песне, «если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло».

5. Многие чувствуют себя несчастными оттого, что не верят в свои силы. Где уж мне, мол... Такая моя судьба, а против судьбы не попрешь.

Психоаналитики же стараются убедить каждого, что человек сам кузнец своего счастья. И его судьба будет такой, какой он сам ее выкует. То есть призывают не к смирению, а к активности.

6. А если случится настоящее горе, подлинное несчастье?

Смерть близких, неизлечимая тяжелая болезнь, развод с любимым человеком?

Психоаналитики убеждают своих пациентов, что и в этом случае жизнь продолжается. Надо как-то приспособиться к новой ситуации. Несчастье нужно воспринимать не пассивно, а активно бороться с его последствиями. От болезни – лечиться... Как-то увековечить память о близких... Делать что-то хорошее во имя их. Да мало ли что! Главное, не сидеть сложа руки и не лелеять свое несчастье.

7. Зачастую и несчастья-то настоящего нет, а человек ощущает себя глубоко несчастным. А все потому, что боится трудностей, всячески избегает их. Психоаналитики же стараются внушить своим пациентам, что трудностей надо не избегать, а преодолевать их. Иначе не нарастишь мускулатуру воли, характера, упорства...

8. Многие несчастны только потому, что убеждены в этом. Я, мол, от рождения такой... Рос в бедной семье, у нас преуспевающих не было... Т.е. человек заранее смирился с тем, что он слаб и обречен на несчастья. Стоит преодолеть этот стереотип – и человек неузнаваемо преобразуется. У него буквально вырастают крылья. Но пре-

одолеть такой стереотип бывает труднее всего. Иногда приходится прибегать к помощи гипноза.

9. В жизни каждого бывают и счастливые моменты, и несчастья. Важно не заикливаться на несчастьях, не застревать в своем прошлом (муж бросил, ребенок умер, отец – пьяница или преступник). Надо уметь отряхнуть прах прошлого и идти по жизни дальше. Ведь жизнь одна, другой не будет.

10. Иной раз человек ведет себя пассивно оттого, что боится совершить ошибку. Пойти не в тот вуз, жениться не на той, сделать что-то не так... И человек вообще ничего не делает, ничего не предпринимает. И чувствует себя при этом жалким и несчастным.

Психоаналитики же убеждают, что ошибки неизбежны. Если их бояться, не сделаешь и шагу. Ошибки можно преодолевать и на ходу, в процессе работы. Так, лайнер, взлетевший в неверном направлении, всегда может развернуться и полететь куда надо.

11. И, наконец, последняя причина – крайний эгоизм. Человек думает только о себе, а от других небрежно отмахивается: это, мол, не мои проблемы. Но точно так же, как он отмахивается от других, и от него могут отмахнуться в трудную минуту. И тогда человек оказывается в полном одиночестве.

Вот, кажется, и все, что я вычитал в трудах американских психоаналитиков. Пока у нас своих подобных специалистов практически нет, каждый может прикинуть это на себя и сам проанализировать причины своих бед и несчастий.

ИЗВЕЧНЫЙ РОССИЙСКИЙ ВОПРОС: КТО ВИНОВАТ?

Каждый отвечает на него по-своему.

Одни полагают, что во всем виноваты евреи... Продались иностранному капиталу, хапают и хапают, другим ходу не дают... Но вот уже евреев в Казани почти не осталось – перебрались на «землю обетованную», а жизнь наша от этого лучше не стала.

Другие во всем винят коммунистов. Это они, дескать, сбили Россию с пути истинного, они завели страну в тупик. Но вот и коммунистов скинули, как когда-то царя. А выхода из тупика все не видно...

Третьи уверены, что вся вина «на этих проклятых демократах – дерьмократах»... Каких только бранных кличек для них не придумано. А начнешь разбираться, кто же такие демократы, и оказывается, что это все те же любезные их сердцу коммунисты и партюкраты, только переукрасившиеся...

У кого-то во всем виноваты «лица кавказской националь-

ности», у кого-то – сами русские, воплощающие в себе имперские замашки... У одного – начальство, вечно гребущее под себя, у другого – народ, ленивый, нетрезвый, вороватый... Короче, каждый ищет образ врага. И находит! И мало кому приходит в голову, что вина возлагается обычно вовсе не на того, кто действительно виноват, а на того, кого не любят.

ЧТО ТАКОЕ ДЕФИЦИТ?

– Что такое дефицит? – спрашивает внук.

От души радуюсь, что он не знает этого. А ведь мы при дефиците выросли, у нас это понятие впиталось в плоть и кровь. Рассказываю ему анекдот: Брежнев и Табеев идут по Комсомольской площади в Москве (ее еще называют Площадью трех вокзалов, поскольку там расположены Казанский, Ярославский и Ленинградский, ныне Санкт-Петербургский, вокзалы). С Табеевым здоровается каждый встречный, причем называют по имени-отчеству, а Брежнева никто не приветствует. Задетый этим, он спрашивает своего спутника: «В чем дело?» – «Дело в том, – объясняет Табеев, – что только что подошел поезд «Татарстан», а значит, пол-Казани в Москву за мясом приехало...»

Внук по-прежнему не понимает: «А зачем надо было в Москву за мясом ездить? Что, его в магазинах не было?» – «Не было». – «А на базаре?» – «На базаре было, но продавали его втридорога. Сам посуди: купить 10 кило мяса на базаре или 30 – в московском магазине». И все-таки внук не понимает, зачем надо было отправлять мясо эшелонами в Москву, чтобы потом везти его обратно в сумках и сетках подтекшим, провонявшим.

В связи с этим вспомнился мне один эпизод, о котором я не стал рассказывать внуку. Иду я однажды по улице Баумана. И встречаю знакомую – симпатичную молодую женщину, к которой я был не совсем равнодушен. Нагружена, как среднеазиатский мул: в одной руке сетка с мороженой рыбой (большой дефицит по тем временам), в другой – огромная сумка, тоже чем-то забитая. А на шее висит розовая гирлянда из рулонов туалетной бумаги. Кто не жил в застойные времена, понятия не имеет, какой это был дефицит: если где-то вдруг «выбросили», хватай сколько сможешь. В следующий раз увидишь не раньше, чем через год...

Увидев меня, она вспыхнула до мочек ушей, отвела взгляд. И я постарался проскользнуть как можно незаметнее, будто ничего не видел. Казалось бы, ну что тут особенного: должна же рачительная хозяйка заботиться о своем семействе. Но испытанное тогда чувство неловкости живет во мне до сих пор...

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ СОСТОЯНИЯ

Мы привыкли судить по законам формальной логики: либо одно, либо другое. Третьего не дано... Либо человек спит, либо он бодрствует, либо жив, либо мертв... Либо любит, либо не любит. Закон исключенного третьего не допускает иных ответов.

Но бывают промежуточные состояния. Вот, скажем, ты засыпаешь, подремываешь, но еще не спишь. Еще что-то слышишь, как-то реагируешь на услышанное. А перед тобой уже витают какие-то фантастические образы и видения... В такие моменты в голову иной раз приходят такие счастливые плодотворные мысли, каких не дождешься при ясном свете разума...

Конечно, такие состояния кратковременны. Впрочем... Был в нашем доме старик. Сколько ему было лет, он, наверное, сам не помнил. Много. Так вот, он почти все время проводил в полудреме. Сидит перед телевизором, глаза открыты... А спросишь о чем-нибудь, переспрашивает, вскинувшись от неожиданности: «А? Чегось?» И опять погружается в полудрему. И так – целыми днями...

Казалось бы, жизнь и смерть разделены достаточно четко. Но вспомним известного генерала, получившего в Чечне серьезную травму головы. Много лет после этого он находится в состоянии между жизнью и смертью.

Жизнь вроде как-то теплится, сердце бьется, но ни на что окружающее он не реагирует, никого не узнает, не может ни двигаться, ни разговаривать... И такие случаи в медицинской практике не так уж редки.

Бывает и так: вроде здоров, но чувствуешь, что заболеваешь: голова туманна, во всем теле ломота, что-то тебя гнетет, все валится из рук... Еще не болен, но уже не здоров. Такие состояния тоже довольно устойчивы и могут тянуться годами. У психиатров есть такой вполне научный термин: пограничные состояния. Это когда человек еще не окончательный псих, но имеет явные отклонения от нормы. Его не считают психически больным, он, что называется, вполне вменяем, но может выкинуть такое, что только диву даешься. И вообще, сами врачи говорят, что граница между болезнью и нормой весьма и весьма условна. Более того, нет единого мнения, что же считать нормой.

Любовь и ненависть, казалось бы, прямо противоположные чувства. Но бывают супружеские пары, которые годами живут в промежуточном состоянии между любовью и ненавистью. Ссорятся, скандалят, иной раз даже дерутся... И в то же время жить друг без друга не могут. В

классификации любви это чувство выделено особо: любовь-ненависть (наряду с любовью-дружбой, любовью-благодарностью и т.д.)

Если не учитывать этих промежуточных состояний, мы ничего не поймем в жизни...

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СНОВА ОКАЗАЛАСЬ КРАЙНЕЙ...

(Из разговора двух представителей творческой интеллигенции)

Как мы возмущались засильем партократии! Шумели, протестовали, разоблачали... Становились «невъездными», непечатаемыми, опальными. Спасибо, что в наше время уже не сажали – в отличие от поколения тридцатых годов. Но не печататься для пишущего или печататься в куцем, урезанном, «кастрированном» виде – какая же это была мука!

Кое-кого, правда, сажали – для острастки. Помещали в специальные психдиспансеры, в лучшем случае высылали из страны. Это было уже ближе к концу эпохи застоя.

И ведь своего добились: свергли партократию! Настала вожделенная эра демократии, свободы слова, печати, митингов и демонстраций...

А в результате стало еще хуже: интеллигенты вконец обнищали, доцент университета получает тысячу рублей в месяц при потребительском бюджете около двух тысяч... А ведь ему надо еще содержать семью!

Стали не только беднее, но и морально ущербнее: мы уже никому не нужны, никто на нас внимания не обращает. Выживай как знаешь...

А выиграла все равно те же партократы. Они и при руководящих должностях, и пенсии у них как у госслужащих – полторы тысячи и больше, а не пятьсот, как у заслуженного деятеля искусств, и коттеджей себе понастроили... И детей своих учат за границей.

И мы же оказываемся виноватыми. Попробуй где-нибудь в очереди сказать, что ты демократ, – заклюют. А у компартии с каждым днем сторонников все больше. Пусть из протеста к нынешней власти, но ведь люди-то не все понимают... Сказывается ностальгия по прошлому. А может, и в самом деле раньше лучше было? Нас били, ругали, но по крайней мере читали. И считались – хотя бы с некоторыми.

Думаешь, придут коммунисты – лучше будет? Не надейся! Интеллигенция снова окажется крайней...

ЗАБЕГ К УХУ

В писательской среде существует такое выражение: забег к уху. Когда я его впервые услышал, сразу представил себе эдакое огромное ухо – с плавно изогнутой гигантской раковиной и торчащими из нее волосами. Государево ухо... И шептунов, которые в него нашептывают со всех сторон: этот пьет... а этот гуляет... а тот – он знаете, как о вас отзывался?.. энто? Он вообще диссидент, ярый враг партии и советской власти. Только внешне этого не показывает...

И на основе таких вот нашептываний Ухо принимает решения: одного наградить, другого устранить, одного возвысить, другого понизить, кому-то – премию, а кому-то – пинка под зад...

Фантастическая, почти сюрреалистическая картина... Однако очень точно отражающая сложившееся в застойные годы положение вещей. Когда все зависит от воли одного человека, к тому же весьма далекого от литературы, не читающего, а лишь просматривающего книги, такого рода «забеги» неизбежны. Кто-то должен же «информировать» начальство, «держат его в курсе». А те, кто часто бывает в коридорах власти, знают: все зависит даже не от самой информации, а от того, в каком свете ее преподнесешь. Можно и самые благородные порывы представить в негативном свете, и самую гадкую пакость поставить себе в заслугу...

К высочайшему Уху допускали далеко не всех – только избранных, особо доверенных. Обычно это были должностные лица. Они информировали начальство, так сказать, по долгу службы. Но помимо них у начальствующего Уха всегда находились и добровольные, своего рода внештатные информаторы. Так, забежит между делом в руководящее учреждение и покалякает с Ухом о том о сем... Анекдотец какой-нибудь расскажет, байку сочинит и между прочим последними сплетнями поделится. Кто из нас не без греха? За справедливость он не ручается, дескать, говорят... За что, мол, купил, за то и продаю.

Врет стервец... Купил-то он задешево, а продает не без выгоды для себя... Квартирку для дочки... Какую-никакую премийку отхватить... Собрание сочинений издать... Все де издают, а он чем хуже?

Ухо цену ему знает, особо не раскошелится. Но слушает не без удовольствия, похохатывает... И кое-что мотает себе на ус.

Вот на основе таких вот «забегов» часто и вершилась литературная политика. А историки литературы ломают головы: почему да зачем? на каком основании?

ПАРА

Я увидел их на какой-то презентации.

Он – типичный орангутанг: низколобый, приземистый, с короткими ногами и длинными волосатыми руками... Тяжелая нижняя челюсть и маленькие недобрые глазки под массивными надбровными дугами...

Она же – писаная красавица, вся какая-то воздушная, нежная, тонкая... Прелесть, одним словом. Глаз не оторвать! И что только толкнуло ее на этот явно неравный брак?

Но моя соседка по столу была противоположного мнения: – Да вы знаете, какими миллионами он ворочает? Да таких в нашем городе по пальцам пересчитать! Их и в России наперечет... А она? Что она собой представляет? Пустышка со смазливой мордашкой, только и всего...

И я понял, что брак этот не совсем уж неравный. Да, у него богатство – вполне ощутимая материальная сила. А разве красота, молодость, женское обаяние – не богатство? Деловые люди знают: красивая жена – лучшая реклама для мужа. Рядом с нею он резко выигрывает в глазах окружающих. Сразу видно, что он чего-то стоит.

Да и она не прогадала. Стабильная обеспеченная жизнь. Возможность не думать о хлебе насущном, о том, чем накормить детей. Не надрываться на нелюбимой изматывающей работе. Поездить по белу свету, осмотреть лучшие музеи и картинные галереи мира. Останавливаться в пятизвездочных отелях, одеваться в бутиках...

Одно другого стоит.

ГОНКА НА ЛАФЕТАХ

Первая половина восьмидесятых годов XX века войдет в историю нашей страны под кодовым названием «Эпоха гонки на лафетах». Похороны генсеков следовали одни за другими с интервалом в год-полтора. Люди уже знали: если, включив радио, вместо привычных победных реляций слышишь концерт симфонической музыки, значит, кто-то помер. Похороны превратились в своего рода шоу: собравшись вечером у телевизора, все члены семьи горячо обсуждали: кто председатель похоронной комиссии? кто первым идет за гробом и первым произносит надгробную речь? Значит, именно он и будет следующим генсеком и – через некоторое время – участником той же «гонки».

А может, эту эпоху назовут периодом геронтократии, т.е. правления престарелых. Основные черты эпохи: осторожность, боязнь всяческих перемен, откладывание на по-

том решение даже таких проблем, которые давно назрели и перезрели, пустая болтовня, очковтирательство... Впрочем, лучше многотомных исследований эпоху характеризуют бытовавшие в народе анекдоты.

Звонок в Политбюро ЦК КПСС:

– Вам члены Политбюро не нужны?

– Вы что, больной?

– Да! – отвечает радостный голос. – И очень старый...

Другой анекдот.

Поезд с генсеком вдруг останавливается на полпути.

Сталин:

– Па-чему стоим? Расстрелять всех – и машинистов, и кондукторов, и проводников!

Расстреляли. А поезд все равно стоит...

Хрущев:

– Всех реабилитировать!

Реабилитировали. Поезд все равно стоит.

Брежнев:

– А чего мы нервничаем? Давайте задернем занавески и сделаем вид, что едем.

Вот так и «делали вид». Одни делали вид, что платят, а другие делали вид, что работают...

И последний анекдот из той же серии.

Идет по морю пароходик. Ладный такой, симпатичный. Только ползет очень медленно – все другие пароходы легко обгоняют его и оставляют далеко позади. Пробуют заменить паровую машину, не жалеют угля – все равно отстает. И тогда капитан обращается к Богу: помоги, мол! хотя бы подскажи, в чем дело? А тот ему отвечает: у вас свой бог – Маркс, у него и спрашивайте. Спросили. А Маркс в ответ:

– У вас весь пар на гудок уходит. Оттого и отстаете...

Так вот и жили. Гудок был такой оглушительный – до сих пор звучит в ушах. А то, что ползли медленно, об этом многие стали забывать...

ДЕТСКИЙ САД

Из окна нашей квартиры видно двухэтажное здание детского садика. Воспитательница ведет куда-то ребятшек, выстроив их попарно. Каждый держится за веревочку, чтобы – не дай бог! – не потеряться. Такие трогательно-беспомощные, смешные, испуганно притихшие – разные.

Идут будущие адамы и евы, топ-модели и генералы, чикатило и леди макбет, каины и авели, герои труда и киллеры... Кто-то с любопытством глазает по сторонам, кто-то незаметно дергает за косичку идущую впереди де-

вочку, кто-то тягуче, на одной ноте, повторяет: «Марина Васильевна... А Рустик червяка съел... Марина Васильевна...» Трудно сдержат улыбку умиления...

Но настанет день, и Ева соблазнит Адама, Каин убьет Авеля, леди Макбет и Чикатило совершат свое черное дело... Герой совершит героический поступок, который прославит его в веках, а киллер убьет не только свою жертву, но и – через какое-то время – самого себя... Так было, есть и будет... Проходят века, меняются эпохи, а количество убийств и преступлений на земле не убывает. Убивают не ножом, так словом, не камнем, так клеветой, не пистолетом, так ракетой «воздух – земля»...

Можно ли перехитрить судьбу и изменить что-то в будущем этих симпатичных несмышленишек? Сделать так, чтобы они не убивали друг друга, а растили хлеб, лечили людей, плавил сталь и строили дома? Чтобы выживали сильнейшие, а не подлейшие?

Не знаю, не знаю... Хотим мы того или не хотим, но дети копируют нас, повторяют наши ошибки и заблуждения... И все, что есть в них хорошего и плохого, умильного и отталкивающего, – тоже от нас... А значит, измениться прежде всего должны мы сами...

КОРОВЬЯ СМЕРТЬ

Вагон трамвая. Укутанная платками бабка, видать, только что из деревни, жалуется то ли родственнице, то ли товарке. Дескать, выдала дочку замуж, да неудачно. Муж пьет, распускает руки. Беда, да и только... Хоть бы деньги зарабатывал... А то месяцами ничего не получает, а как получит, так и пропьет все... Сколько раз говорила дочери: «Да гони ты его в три шеи!» Не хочет...

– Что, собой больно хорош?

– Куда там! Страшный, как коровья смерть!

В разговор вступает сидящий рядом паренек, видимо, товаркин сын, похоже, студент:

– А что, коровья смерть не такая, как у людей?

Бабка почуяла иронию, улыбается, но отвечает убежденно:

– Конечно! Людская смерть – старуха с косой. Тоже страшная, но все же человечья. А у коров она другая...

Я тоже улыбаюсь, пытаюсь представить себе коровью смерть – страшные рога на белом черепе, выпирающие кости крестца, ребра наперечет... Такие скелеты у нас в деревне валялись в скотомогильнике... А уж воняли – мочи нет...

А бабушка продолжает, обращаясь к пареньку:

– Раньше-то, когда я еще девчонкой махонькой была, в хлеву черный лапоть вешали. Обмакнул в смолу и привяжут над самым входом, чтобы, значит, коровью смерть отпугнуть...

– Что, помогало?

– А кто ж его зна-ат... Раньше докторов коровьих не было... А когда мор скотский начинался, деревню плугом опахивали да проходили вокруг села с попом, с образами – от коровьей смерти оберегали. Отсюда и пошло... Это вы, молодежь, не знаете, что такое коровья смерть... А мы-то, деревенские, зна-ам...

ТЫБЫ

Встретил знакомого пенсионера. Расспрашиваю, как житье-бытье.

– Ну что тебе сказать, – отвечает с невеселой улыбкой, – до пенсии был Абузыром Султангалеевичем. А теперь превратился в Тыбы.

Выждав интригующую паузу, разъясняет:

– Утром после завтрака только разверну газету, жена тут как тут: «Ты бы за хлебом сходил...». Или: «Ты бы молочка принес – кашу варить не на чем...». Схожу в магазин, опять: «Картошка кончилась... Ты бы на базар съездил...». А там снова: «Ты бы ковер выбил...». «Ты бы косяк прибил, совсем расшатался».

До пенсии он был хоть и небольшим, но начальником. Привык командовать. Мало что оказался не у дел, да еще у жены под каблуком. Так, во всяком случае, ему казалось.

Через несколько лет встретились снова. С трудом узнал его – постарел, сгорбился, весь как-то усох... Осторожно расспрашиваю – не болен ли? Может, помощь какая нужна? А он смотрит на меня глазами побитого пса и с трудом выдавливая слова:

– Я ведь жену похоронил... Осиротел... Совсем один остался... У детей своя жизнь – им не до меня... Как теперь жить?

Вот тебе и Тыбы... Значит, под каблуком плохо, а без него – совсем худо...

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ И ПРЕСТУПНОСТИ

Всплеск преступности произошел в нашей стране одновременно с провозглашением свободы и демократии. Преступность – это уродливое, анархическое проявление свободы личности, то есть величайшего блага цивилизации.

Свобода без совести, без внутренней сдерживающей узды означает вседозволенность. Такая свобода – не шаг вперед, а шаг назад, в царство дикости и волчьих нравов.

Разум, не ограниченный совестью, всегда найдет способ обойти законы. Такая бессовестная свобода окончательно скомпрометировала себя в глазах масс. Вот почему многие предпочитают ей тоталитарное рабство. Мол, черт с ней, со свободой!

Лишь бы была колбаса, дешевая водка – и порядок!

ЕСЛИ ТЫ ТАКОЙ УМНЫЙ...

Любимое присловье современных новых русских: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?» Сколько в этих словах презрения к «высокособым», сколько самодовольства! Вы, мол, дураки, пашете, как папа Карло, а живете на грани нищеты. А мы ваших книг не читали и читать не будем, на ваши принципы наплевали и растерли. А живем как у Христа за пазухой. Вам такое и не снилось!

Что ответить на это? Что духовное богатство выше материального? Что богатство никогда еще не считалось достоинством? Да плевать хотели они на это все. И я мысленно отвечаю так: а потому я и бедный, что умный...

Непонятно? Поясню. Чем больше богатства, тем больше и опасности, что тебя преждевременно отправят на тот свет. Примеров – пруд пруди. Богатых убивают в подъездах, на дачах, иной раз – прямо на рабочем месте. Одна пуля в сердце и контрольный выстрел в голову. И никакие телохранители не спасают. Бояться, что украдут твоего ребенка, спалют дом, разорят вчистую? Нет уж, я предпочитаю спокойно спать и с чистой совестью есть свой честно заработанный кусок хлеба. Пусть и без красной икры...

ПОСТУПЬ ПРОГРЕССА

Выхожу погулять с внучкой. Весь двор заставлен машинами – шагу некуда ступить! Фырчат, грохочут моторами, над двором стоит серый чад. Внучке хочется покататься на велосипеде. Но движение по дорожкам – как на проезжей части улицы. Податься некуда!

Помнится, на заре XX века, когда автомобили из роскоши только-только начали превращаться в средство передвижения, многие передовые умы того времени горячо возражали против этой «шайтан-машины». Лошади, мол, лучше: не грохочут, воздух не загрязняют, а главное, не представ-

ляют смертельной опасности для окружающих. Безусловно, они были правы.

Но поступи технического прогресса остановить им не удалось. В свое время раздавались обоснованные протесты и против телефона (источник дополнительного стресса!), и против железобетона (в отличие от древесины он не гниет, не разлагается, а следовательно, навсегда засоряет Землю), даже против унитазов (медики уверяли, что привычный, проверенный веками способ отправлять естественные надобности и лучше, и естественнее)... Только прогресс ни с чем не считается.

...То ли еще будет!

НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ

Сейчас стало модным увлечение всяческими пророчествами и предсказаниями будущего... Одни предсказывают близкий конец света в результате падения гигантского метеорита. Другие – невиданной силы землетрясения и потопа, третьи – общественные катаклизмы...

Не верю я в эти пророчества! Ну кто, скажите, в начале 80-х годов мог предсказать развал Советского Союза? Разве кто-либо мог себе вообразить, что вчерашние страны Варшавского договора будут рваться в НАТО? Что в результате поражения в «холодной войне» мы окажемся на положении третьеразрядной державы? Что зарплата окажется ниже прожиточного минимума, да и ту будут задерживать по нескольку месяцев?

Нет, никто этого не предсказал. Даже представить себе не мог. А будущее? О нем можно сказать только одно: скорее всего, оно окажется таким же непредсказуемым...

ПОКАЗУХА

До чего же трудно бывает иной раз объяснить иностранцу самые простые понятия! То, что для нас обычные реалии нашей жизни, для них тайна за семью печатями...

Однажды, когда я работал на кафедре журналистики КГУ, мне поручили опекать американского аспиранта. Окончив университет где-то в западных штатах, он приехал знакомиться с российскими порядками, а заодно и попрактиковаться в русском языке, который изучал со свойственной ему старательностью и даже въедливостью.

И вот на каком-то совещании мой подопечный услышал новое для него слово – «показуха». И тут же вцепился в меня как клещ:

– Что это такое есть?

Покопавшись в своем не столь уж богатом запасе английских слов, я так и не нашел адекватного выражения. Заглянул в толстенные словари – и там ничего похожего. Ну нет у них такого слова! Что тут будешь делать? Пришлось объяснять на пальцах. Это, мол, когда пытаются втереть очки (это выражение тоже приходится долго растолковывать). Когда на самом деле дела идут неважно, пытаются создать впечатление, что все хорошо, все о'кей.

– О! – обрадованно закивал аспирант. – Могу понимать. У нас тоже есть... как вы сказали – показушная реклама... Товар так себе, а они утверждать – самый лучший в мире...

– Да нет, – уточняю я. – Показуха – нечто совсем другое. Реклама хвалит товар, который есть. А показуха – товар, которого нет. Понимаете? Не существует в природе...

– Как это? – недоумевает он.

Пришлось рассказать ему одну более или менее безобидную историю про показушные занятия спортом.

А дело было так. На крупном казанском предприятии выстроили спортивный комплекс. Да не какой-нибудь скромный зальчик, а как это принято у нас – строить, так уж с размахом! – целый дворец. С мраморными лестницами, импортными покрытиями, отделкой по самому последнему слову европейского дизайна. Ухнули на это дело уйму денег. А Дворец спорта пустует. Ну не ходят туда люди! То ли не приучены, то ли просто устают после работы...

Может, кто-то «телегу» об этом в Москву накатал, а может, сами надумали, только нагрянула на завод комиссия. И, как это у нас принято, прямо к директору. Так, мол, и так. Приехали проверить постановку спортивной работы. Настроены довольно решительно. Даже от положенного в таких случаях обеда отказываются – это, мол, потом. А сначала хотели бы посетить Дворец спорта и увидеть все своими глазами. Ну, директор охотно кивает, поддакивает. А сам подмаргивает своему заму: прими, мол, необходимые меры! Пока я тут поговорю с высокими гостями, введу их в курс дела...

Заму дважды повторять не надо – привык все схватывать на лету. Через какие-нибудь тридцать – сорок минут, когда члены комиссии прибыли во Дворец спорта, тут все кипело. Реально удалось собрать спортсменов всего секции на две. Но поскольку они быстренько переодевались и перебежали из одного зала в другой, создавалось впечатление, что работают десятки секций. Двигают, так сказать,

наш советский спорт на новые мировые рубежи. Растят будущих чемпионов и победителей Олимпийских игр.

Не ограничившись этим, члены комиссии потребовали показать им массовость и оздоровительное значение (ради чего, собственно, они и приехали), но и с этим у завода все оказалось в ажуре. Когда члены комиссии поднялись в большой спортивный зал, рассчитанный человек на пятьсот, весь он был заполнен до отказа. По приказу замдиректора сюда спешно согнали почти всех женщин заводоуправления – из финансового, планового и других чисто женских отделов. Уложили всех на пол в строгом порядке, а при приближении комиссии по команде тренера все они дружно задрали ноги кверху. На большее без спортивной одежды они, конечно, были не способны. Но это нехитрое упражнение проделали с особым старанием.

Впрочем, членам комиссии большего и не требовалось: заглянули, убедились – и пошли обратно. В другой зал, где их ждал теплый товарищеский ужин.

РАССКАЗ ПРОКУРОРА

Прокурор на пенсии (фамилию не привожу, так как не знаю, как он к этому отнесется) рассказывал.

В годы Отечественной войны он работал в военной прокуратуре. Было это, если не ошибаюсь, летом 1941 года – в самые трудные дни отступления, когда немцам сдавали город за городом... И вот когда немцы подошли к очередному городу и началась массовая эвакуация, больше похожая на паническое бегство, в прокуратуру поступил приказ: всех заключенных городской тюрьмы расстрелять.

Сегодня это кажется вопиющим беззаконием. Но поставьте себя на место городских властей. Транспорта не хватает даже на то, чтобы вывезти ценнейшее оборонное оборудование, семьи ответработников, детские дома и приюты... Выпустить? Уголовников, бандитов, рецидивистов, которые тут же начнут грабить и убивать мирных жителей? Политических – по понятиям тех лет, врагов народа, которые могут пойти на службу к немцам, или – того хуже – раструбить на весь мир о зверствах НКВД? Не знаю, думал ли обо всем этом наш прокурор. В любом случае приказы не обсуждают, а выполняют.

Техника расстрелов к этому времени была отработана до тонкостей и поставлена на поток. Закрытых машин не было – только открытые грузовики. Но это ничуть не смутило администрацию тюрьмы. Заключенных с завязанными за спиной руками в строгом порядке вывели из ка-

мер и уложили в кузова как дрова – лицом вниз, вплотную друг к другу в несколько слоев. По углам кузова сели два конвоира с автоматами наизготовку. Зеков строго-настрого предупредили: в того, кто во время перевозки поднимет голову или хотя бы шевельнется, будут стрелять без предупреждения. К тому же им, конечно, не объявили, куда их везут, – просто перевозят и все.

Свезили их на давно освоенное специальное закрытое стрельбище за городом, где были уже приготовлены глубокие рвы. Машины уезжали за новой партией, а тут начинал работу конвейер смерти. Заключенных по одному подводили к краю рва, прокурор спрашивал фамилию, заглядывал в свой список и ставил галочку. После этого кивал конвоиру, тот стрелял из пистолета в затылок и слегка подталкивал тело, чтобы оно упало в ров. Глаз не завязывали, ни о каких последних желаниях, конечно же, не спрашивали... По словам прокурора, так бывает только в старинных романах...

По мере того как ров наполнялся (машины возили зеков целый день с утра до вечера), место расстрела приходилось постепенно сдвигать... Сколько тысяч в этот день «обработали» – он не берется сказать. Но больше всего удивляет то, что ни один из этих тысяч не попытался вырваться, бежать, как-то протестовать, хотя бы на словах выразить свое недовольство... На их глазах совершалось чудовищное беззаконие... Люди, осужденные за растрату сотни рублей или за то, что ушли в самоволку из части, в том числе и те, кому оставалось сидеть совсем немного, а многие вообще без суда и следствия, тупо, покорно, как стадо баранов, шли на заклание, которое совершалось прямо у них на глазах...

Среди этих нескольких тысяч нашлись те (правда, немного), которые, подходя к краю рва, выкрикивали патристические лозунги типа: «Да здравствует великий Сталин!» или «За нашу Советскую Родину!» Как реагировали на это конвоиры? Только усмехались и подталкивали зеков: давай-давай, мол, пошевеливайся!

В общем, поставленную перед ними задачу конвоиры выполнили. Напрашивается слово «с честью» – если уместно в данном случае говорить о чести.

На этом можно бы поставить точку. Но мне почему-то вспомнился старый российский анекдот.

Приехали к нам иностранцы – не верят, что народ у нас безропотно работает за нищенскую зарплату. Им говорят: можете убедиться сами. Вызывают рабочих и объявляют: с завтрашнего дня урезаем вашу зарплату вдвое. Молчат. Что ж, мол, надо – так надо.

На следующий день опять собирают: будете отныне работать вообще без зарплаты. И опять никто ни гу-гу, покорно расходятся по своим рабочим местам. На третий день новое объявление: а завтра всех вас повесят. Тут кто-то из присутствующих тянет руку: а веревку с собой приносить или как?

ЛОГИКА АБСУРДА

Немецкая журналистка (я познакомился с нею в Берлине) рассказывала об увиденном собственными глазами.

Май 1945 года. Война только что закончилась. На пристанционных путях под Берлином стоит состав с техническим спиртом. К нему подходят советские солдаты – победители и дают очередь из автомата. Из дырочек начинают бить тугие струйки синеватого цвета (спирт этот слегка подкрашивали, чтобы легче было отличить). Солдаты подставляют кто ведро, кто котелок, кто пилотку, а кто просто пьет из горсти. Одни отходят с «ценным грузом», самые нетерпеливые пьют тут же, не отходя от цистерны. Проходит немного времени, и у некоторых начинаются судороги, другие падают замертво... А люди все равно пьют, подходят с котелками новые и новые любители... Пока, говорит, не поставили автоматчиков – отравились десятки, а может, сотни людей.

Нет, как это понимать? Пройти всю войну – под пулями, снарядами... Выжить в этой кровопролитнейшей из войн. И уже после победы, когда совсем недолго осталось до дома, до семьи – так нелепо, так глупо и варварски покончить с собой... Что, они не видели нарисованный на цистернах череп со скрещенными костями? Даже те, кого потом удалось спасти, либо ослепли, либо остались на всю жизнь инвалидами... Где тут логика? Вы можете мне это объяснить?

Мне было неловко за своих соотечественников. И я мямлил что-то о глупой бесшабашной удали, о надежде на русское «авось», о желании любой ценой забыться, «забалдеть», как сейчас говорят.

– Война есть война... Фронтовые «100 грамм» для многих обернулись хроническим алкоголизмом... А что, наркоманы разве лучше? Не знают, что наркотики – отравка, что наркоманы живут всего-то три – четыре года?... Даже если и не подхватят СПИД, гепатит или иную пакость... Здоровые нормальные молодые люди обрекают себя на смерть в 25, в лучшем случае – в 30 лет. Есть тут логика?

И мы с нею заговорили о том, что жизнь и в самом деле часто руководствуется логикой абсурда.

Не абсурдно ли: избегать как огня хорошей, умной, всей душой преданной тебе девушки и спутаться с какой-то дрянью, на которой, как говорится, клейма негде ставить... Подхватить дурную болезнь и потом маяться всю оставшуюся жизнь (к счастью – не столь долгой)...

Не абсурдно ли: стянуть во время погрузки ящик дорогого французского коньяка, загнать его за бесценюк, купить на эти деньги несколько бутылок водки (на закуску уже не хватило)... Напиться до полного одурения, подраться и загромоздить в милицию...

Не абсурдно ли: копаться в помойках, собирая пустые бутылки и всякий иной хлам, на вырученные деньги пить всякую дрянь (ибо даже на водку не хватает)... Питаться как попало и чем попало. Жить в таких условиях, что даже собака побрезгует... А от постоянной хорошей работы высокомерно отказываться: «Еще чего? Пахать, как папа Карло? Нашли дурака...»

Не абсурдно ли: парень из хорошей семьи – вполне обеспеченный, ни в чем не знающий отказа – связывается с криминальной компанией, участвует в квартирных кражах и грабежах? Какое-то время сорит деньгами направо и налево, в конце концов попадает... В результате – колония, туберкулез легких, моральный надлом. И вся жизнь – псу под хвост. А ведь она у него была одна – другой не будет...

АВАРИЯ

В начале 70-х годов (мне в ту пору – около сорока) я ехал домой с дачи. На вечер у нас с женой было запланировано посещение концерта какой-то знаменитости, кажется, Майи Кристалинской. До дому оставалось совсем ничего – каких-нибудь два-три квартала. И тут случилось непредвиденное...

Сколько лет прошло, а помню все буквально по секундам. Я ехал на своем малосильном, но верном мотороллере «Вятка» по Левобулачной. У самого перекрестка обзор загораживал оставленный кем-то весьма некстати грузовик. Подъезжая к перекрестку, увидел, что слева по мосту через Булак наперерез мне движется грузовой фургон. Если бы я слегка притормозил и пропустил его – ничего бы не было. Но я рассудил, что двигаюсь по основной магистрали, следовательно, имею преимущественное право проезда. Нажал на газ, чтобы поскорее проскочить закрытое про-

странство. Но то же самое проделал, оказывается, и водитель фургона. И я с разгону врезался ему в бок...

Если бы не каска – не писать бы мне сейчас эти строки. Да и с нею... Помню, как отчаянно нажал на тормоз, как, вылетев из седла, ударился головой о железную стенку фургона. И все... Отключка. С трудом прихожу в себя – как будто вынырываю из-под толщи воды... Вижу склоненные надо мной расплывчато-колеблющиеся лица, слышу какие-то голоса (смысл до сознания не доходит). Шофер злополучного фургона, видимо, чувствуя свою вину, на руках уносит меня и сажает в кабину (мотороллер он еще раньше, видимо, оттащил в сторону, чтобы расчистить дорогу). Впрочем, это меня не волнует. Полное безразличие и апатия. Лишь сильная тошнота и одна мысль – только бы не вырвало в кабине...

Потом опять провал в памяти, и очнулся я уже на больничной кушетке (шофер привез меня в расположенную неподалеку железнодорожную поликлинику). То ли от уколов, то ли от чего другого мне немного полегчало. Спрашивают: можете сесть? Сажусь. Можете самостоятельно дойти до дома? Становлюсь на ватные ноги и по стеночке иду к выходу...

Видимо, прохожие принимали меня за пьяного – меня качало из стороны в сторону. И я все шарил одной рукой, чтобы держаться спасительной стены... И все же пошел сначала к мотороллеру – хотя бы взглянуть, что с ним. Смотрю – стоит мой зеленый кузнечик на тротуаре... Даже не особо пострадал – только переднее крыло всмятку да фара разбита. А возле него сидит татарская эби в цветастом бумазейном платье и в белом платке, приспущенном на спине. Караулит... Увидев меня, вскочила, запричитала. Дескать, мальчишки хотели угнать и угнали бы, если б она не вмешалась. Значит, все это время – а меня не было часа три, не меньше – она по собственной воле сторожила имущество совсем незнакомого ей человека.

А я, кажется, даже спасибо ей не сказал – не до того было. Попросил посторожить еще, а сам заковылял домой.

Жена, забеспокоившись, что меня так долго нет, вышла навстречу. Чуюло сердце, говорит, – что-то неладно. Как увидела меня – все поняла без слов, подхватила под руки, привела домой, уложила... Далее тоже помню отрывками... Врач скорой помощи... Больничная палата... Плачущая жена под окном... Однако все обошлось без особых последствий.

С тех пор прошло лет 30. И я до сих пор с большой благодарностью думаю об этой безвестной старушке... Не

знаю ни ее адреса, ни имени. Не отблагодарил, даже пачку чая не купил. Она, конечно, на это и не рассчитывала – просто по доброте душевной сторожила мой мотороллер. Видимо, деревенская – они куда сердечнее, участливее... И вообще – из другого поколения. Вряд ли кто из нынешних стал бы тратить свое время ради других...

СВЕТ ИСТИНЫ

Слушаю по телевизору выступление одного из государственных деятелей. Уж так он старается – из кожи вон лезет, пытаясь доказать недоказуемое. Якобы принятое «на самом верху» решение является мудрым и продуманным. Якобы направлено оно на благо народа и всей страны, а не кучки олигархов. Чувствуется, самому неудобно. Мнет-ся, отводит глаза, многого не договаривает. Явно утверждает не то, что думает, а то, что велено...

А мне вспоминается далекое детство. Мне тогда было, наверное, лет пять. Я проснулся среди ночи от страшного грохота. Гремело, сверкало, лило как из ведра, завывало и снова грохотало так, что наш маленький трехконный домик весь сотрясался. Казалось, вот-вот дом совсем развалится и мы останемся во власти стихии. Я испуганно заплакал.

Мама подошла ко мне, ласково похлопала по спине, прижала к себе, успокоила как могла:

– Это гроза, улым, просто гроза... Сейчас пройдет... Закрой глаза и укройся одеялом...

Я послушно закрыл глаза и натянул одеяло на голову. Но вот что удивительно: свет молний проникал даже под толстое ватное одеяло и был виден сквозь закрытые веки. Это открытие меня настолько поразило, что даже страх отступил куда-то на задний план.

Почему мне это вспомнилось? Наверное, потому, что свет истины не менее ярок и пронзителен, чем свет молний. Можно говорить что угодно, «натягивать одеяло на голову», закрывать глаза на правду. А он все равно виден – даже сквозь сомкнутые веки...

ПАРАДОКСЫ ИСТОРИИ

История династии Романовых началась со знаменитого Ипатьевского монастыря в Костроме: в 1613 году находившемуся здесь боярину Михаилу Федоровичу Романову было объявлено об избрании его царем всея Руси. А закончи-

лась в ставшем ныне не менее знаменитом Ипатьевском доме в Екатеринбурге.

Дотошные исследователи подсчитали, что в подвалы Ипатьевского дома, где был совершен расстрел, вели 23 ступени – ровно столько, сколько лет сидел на престоле император Николай Второй.

Началом возвышения Романовых явилась казнь невинного мальчика – сына Марины Мнишек. Триста лет спустя эта кровь отлилась с казнью другого невинного мальчика – сына Николая Второго.

Таковы парадоксы истории...

ЕДИНСТВО НЕСОЕДИНИМОГО

Со школьных лет мы знаем: все вещества делятся на твердые и жидкие. Так, вода и камень стали символами чего-то несоединимого, прямо противоположного. Конечно, и вода в мороз становится твердой как камень. И камень при высокой температуре, скажем, в недрах вулканов, становится текучим как вода. Однако при этом логика не нарушается: становясь твердым, тело перестает быть жидким. И наоборот...

Но вот всем хорошо известная строительная смола. При комнатной температуре она тверда как камень. Колется при ударе на куски с острыми блестящими краями. Но в то же время смола остается текучей. Неосторожно оставленная на ночь, она растечется по всему полу, затечет в малейшие щелки, все на свете перемажет... Так было однажды в детстве со мною, и мне за это крепко попало – запомнил навсегда.

В жизни такое встречается сплошь и рядом. Как-то мне попала в руки книжка сына Берии. Да-да, того самого, Лаврентия Павловича, на совести которого миллионы расстрелянных, замученных, превращенных в лагерную пыль в бесчисленных лагерях сталинского ГУЛАГа. Так вот, сын пытается убедить нас, что отец его был хорошим, душевным и заботливым человеком. Более того – прогрессивным, видевшим дальше и понимавшим больше многих из соратников Сталина. Оказывается, он первым после смерти Сталина хотел пойти на смягчение режима, на улучшение отношений с Западом, разработал целую систему мер по демократизации страны...

Сначала такое отбеливание «черного кобеля» возмутило меня до глубины души. Но по мере чтения приводимые в книге факты убедили: да, верный пес Сталина мог быть и таким – в домашней обстановке, с детьми, родными и

близкими. Монстрами и моральными уродами не рождаются – ими становятся. Не сразу и не полностью...

И душа незабвенного Лаврентия Павловича – та же смола. Черная как ночь и твердая как камень. Но в то же время способная быть и мягкой, текучей, обволакивающей. Сына его я не виню, видимо, он именно так воспринимал отца. Но не хотел бы оказаться на его месте...

КОВАРНЫЙ КРОКОДИЛ

«У сильного всегда бессильный виноват...» Доказательством этой мысли служит такая африканская притча. Крокодил утащил купавшегося ребенка и собирается его съесть. Прибежавшая мать на коленях умоляет пощадить ребенка и вернуть его. Крокодил при всей своей кровожадности, видать, хотел не только сытно позавтракать, но и сохранить при этом свое реноме. Поэтому он философски ответил:

– Я верну тебе твое дитя... Но только в том случае, если ты скажешь правду о моих намерениях...

– Но ведь ты все равно не вернешь мне ребенка! – в отчаянии воскликнула мать.

– А вот и нет, – обрадованно подхватил коварный крокодил. – Я как раз собирался вернуть тебе ребенка. Но поскольку ты сказала неправду, я вынужден теперь его съесть...

А если бы женщина сказала, что он вернет ей ребенка, крокодил мог бы ответить, что она сказала неправду, что он и не думал возвращать. Выходит, она сказала неправду, а потому – сама виновата.

Это типичный пример так называемой патовой ситуации, когда в любом случае виноватым оказывается слабый, а правым – тот, у кого в руках сила и власть.

ДОРОГА ПО КОСТЯМ

Еду в автобусе по «камазовской» дороге. Вокруг – заснеженные поля, ряды стройных березок на лесополосе, редкие, утопающие в сугробах деревеньки... Из белесой снежной круговерти внезапно выныривают и с ревом проносятся мимо тяжело груженные «КамАЗы», фургоны, автоцистерны, тягачи с плетями труб... Между ними, нетерпеливо сигналив и обгоняя друг друга, несутся юркие разноцветные легковушки.

Вдруг движение резко замедляется. Пробка. Подъехав поближе, видим и причину задержки: разбитый «вмятку» и

перевернутый голубой «жигуленок»... Столкнувшийся с ним «КамАЗ» почти не пострадал, только крыло снесло да осталась глубокая вмятина на капоте. А с другой стороны дороги на обочине рядком лежат три трупа: мужчина, женщина, ребенок. Видимо, молодая семья. Тут же суетятся гаишники: замеряют тормозной путь, расспрашивают свидетелей, составляют протокол...

В автобусе воцаряется тишина. Только слышно, как пожилая татарка в белом шерстяном платке, приложив ладони к лицу, бормочет слова молитвы. Из всех пассажиров она одна догадалась помянуть души усопших.

– Да-а-а, – вразяжку тянет кто-то. – Что значит наша жизнь... Только что люди были живы, мечтали, строили планы, куда-то торопились... Глядь – и уже нет их. И ничегошеньки им не нужно.

– Не надо было так гнать...

– Девочку жалко. Сколько ей было? Годика четыре, не больше.

– Какое-то проклятое место... Дня не проходит, чтобы здесь что-нибудь не случилось: либо поцарапаются, либо машина слетит в кювет, либо еще что... Почему именно здесь?

– Там небольшой уклон, из-за которого не видно встречных машин. Дорога-то ровная, разгоняются, идут на обгон по встречной полосе... Ну и...

– Строители виноваты, надо было скрыть этот холмик к такой-то матери! Вечно у нас так.

– Если уж на то пошло, дело не в холме. Дорога узкая, не рассчитанная на такой поток машин. Пока не построят нормальной трассы с двусторонним движением и разделительной полосой между ними, аварии будут продолжаться...

– Да, но каких денег это стоит!

– А человеческая жизнь? Она ничего не стоит?

И тут в разговор вмешивается та самая пожилая татарка в белом платке, что читала отходную молитву:

– Причум тут деньга? Тут зират был, души умерших потревожили... Эрвах – по-татарски... Рази так можно?

Из дальнейшего разговора выясняется, что некогда на этом месте располагалось старое сельское кладбище. И строители проложили трассу прямо по нему, хотя местные жители и пытались протестовать. Да и кто их в те годы стал бы слушать? По словам эби, она своими глазами видела, как бульдозер не только срывал могильные камни и холмики, но и вгрызался глубже, выворачивая пожелтевшие кости и давя черепа с забитыми землей глазницами...

Надругательство над кладбищем – это великий грех. Вот души умерших и мстят людям...

Не верю ни в черта, ни в дьявола, ни в нечистую силу. И все же в словах этой мудрой старой женщины есть, как мне кажется, резон: нельзя осквернять могилы предков. Это так или иначе скажется либо на нас самих, либо на жизни последующих поколений.

КАК ПТИЦА В ПОЛЕТЕ

Американский кардиохирург Майкл Дебейки известен всему миру как лучший специалист в своей области. Он провел тысячи сложнейших операций на сердце, спас жизни огромному количеству людей. Лечил он и бывшего Президента России Бориса Ельцина. И вот что интересно: Ельцину тогда было 67 лет, а Майклу Дебейки – 90. Но американец казался гораздо моложе. Во всяком случае, намного подвижнее, энергичнее и деятельнее своего пациента...

Казалось бы, чего человеку надо? Всю жизнь работал на пределе сил и возможностей. Сколотил почти миллиардное состояние. Мог бы и отдохнуть, пожить в свое удовольствие... А Дебейки по-прежнему работает, проводит бессонные ночи у постели больного, ездит по всему миру. Мало того, как сообщила недавно американская печать, Дебейки разработал новый научно-коммерческий проект, рассчитанный на 20 лет. Смелый и довольно рискованный, но сулящий в случае удачи баснословные прибыли...

Невольно думаешь: неужели американец рассчитывает жить вечно? А потом обрываешь себя: а может, только так и следует жить? В трудах, в горении, в новых замыслах... А если смерть и настигнет, умереть на ходу, как птица в полете...

СИЛА ИНОСКАЗАНИЯ

Как-то в Финляндии мне довелось увидеть по телевизору спектакль. Не запомнил ни автора, ни названия, ни имен актеров. Но суть не в этом. Показана была обычная среднеобеспеченная семья: собственный двухэтажный домик, ухоженный садик, все чисто, аккуратно, благоприспособно. Муж где-то работает, жена смотрит за домом и детьми. Обычные разговоры на бытовые темы, мелкие ссоры, маленькие радости, планы на уик-энд...

Но вот однажды утром женщина выходит в сад и... проваливается в землю. В буквальном смысле, по щиколот-

ку. На крик матери прибегают встревоженные дети, пытаются помочь, но у них ничего не выходит. Приезжает с работы муж, вызывает полицию, бригаду медиков. Все хлопчут, стараются вытащить женщину из трясины, но ей больно, она кричит. Пытаются копать, но земля не поддается. В конце концов ее оставляют в покое, выносят теплые вещи, накрывают пледом...

Дни идут за днями, женщина погружается в землю все глубже: по колени, по пояс, по грудь... Окружающие, конечно же, переживают, вздыхают, повторяют попытки вытащить, но постепенно как-то смиряются с неизбежностью. Приносят страдалице поесть-попить, отвлекают то музыкой, то разговорами, и в то же время продолжают жить своей обычной жизнью – их-то лично эта беда пока что не коснулась.

И вот как-то утром муж выходит в сад, а жены нет. Ушла в землю. Как будто ее и не было! Только трава растет на этом месте...

Спектакль произвел на меня потрясающее впечатление. Ведь каждого в жизни подстерегает трясина. Это может быть рак, СПИД, наркомания, алкоголизм – что угодно. Будешь погружаться в трясины все глубже и глубже, пока не исчезнешь совсем. Об этом можно бы рассказать и прямо. Но иносказание действует куда сильнее! Оно подчеркивает скрытый философский смысл спектакля: берегись трясины! Можешь не выбраться...

СВЕТ И ТЬМА

В Книге Книг – Библии сказано:

«...И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, и что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму – ночью...»

С точки зрения примитивного атеизма – полнейшая чепуха и ересь. Как может быть свет смешан с тьмой? А если вчитаться в эти строки с учетом образного иносказания, мощной поэтической метафоры? Современная физика пришла к выводу, что в первое время после Большого взрыва, положившего начало нашей Вселенной, вещество и электромагнитное излучение были как бы перемешаны друг с другом. Они разделились только десять тысяч лет спустя. Выходит, свет был смешан с тьмой, и только потом они стали существовать по отдельности...

Можно расценивать это как случайное совпадение, а можно – и как гениальную догадку, предвосхитившую позднейшие фундаментальные открытия...

КЛУБОК

Бабушка вяжет носки для внука, а большой, туго намотанный клубок белой шерсти весело катается по полу. Забегает под лавку, тычется в ноги, прячется под нары, путается среди корзин и узлов. Бабушка с ласковым ворчанием достает его из-под нар и снова пускает кататься на воле.

На воле-то на воле, только – на ниточке. Чем сильнее тянут за ниточку, тем веселее катается клубок и... тем быстрее худеет. Прошло несколько вечеров, и клубок кончился – пора доставать новый.

Жизнь моя – тот же клубок на ниточке судьбы. Кто же держит конец нити, обмотав вокруг пальца? И долго ли еще кататься клубку, худеющему прямо на глазах?

ЭПОХА ИНТЕРНЕТА

С введением международной сети Интернет необходимость в энциклопедических знаниях постепенно отпадает. Зачем загружать свою голову бесчисленными фактами, цифрами, сведениями, если все, что надо, есть в сайтах и файлах Интернета? Не спать ночей, зубрить учебники и справочники, вести какие-то записи – занятие, которое все больше теряет смысл. Ведь любую справку в считанные минуты можно найти в международной копилке знаний – Интернете.

Да, Интернет знает все! Но по мере того, как все богаче и обширнее становится память всего человечества, все более куцей, короткой становится память отдельного человека. Более того, некоторые особи в этих условиях могут опускаться по уровню знаний на стадию неандертальца и даже ниже. Ибо неандертальцу, чтобы выжить, надо было знать повадки зверей и птиц, особенности окружающей местности, приметы, предвещающие перемены погоды, и многое, многое другое.

Приходится помнить, что Интернет – не более чем копилка. Интернет может освободить человека от рутинной, черновой работы. А сопоставлять факты и сведения, делать выводы, открывать новые законы природы и общества машина не в состоянии. Поэтому человеку и дальше придется оставаться энциклопедистом, не спать ночей, вести записи, загружать свою память и ломать голову.

ДВОЕМЫСЛИЕ

В эпоху партийного диктата все мы чуть ли не с пеленок были приучены говорить одно, думать другое, а делать третье. Что это – лицемерие? Хватало, конечно, и лицемерия... Но для подавляющего большинства это был способ существования, форма выживания в уродливом мире. Не назовешь же лицемером Штирлица? Он просто вел двойную игру, четко зная, по каким правилам действовать в одних случаях и по каким – в других. Точно так же умный, честный инженер, который только что возмущался ходом дел на предприятии и ругал райкомовское начальство, выйдя на трибуну, говорил совершенно противоположные вещи. Ибо знал: плетью обуха не перешибешь, только навредишь и себе, и другим.

Нет, это было не лицемерие, а скорее двоемыслие...

НАКОПИТЕЛЬ

Мне приснилось странное помещение – мрачное, казенное, холодное. Нечто вроде накопителя в аэропортах, где держат пассажиров перед посадкой в самолет. Вокруг – одни старики и старухи. В большинстве старухи – немощные, сгорбленные, с трудом передвигающие ноги. Угасшие взоры, проваленные рты, тяжелое, гнилостное дыхание.

С одной стороны в накопитель заталкивают все новых «пассажиров». Особо не церемонятся. И хотя вслух это не произносится, в воздухе парят слова и выражения вроде «зажились», «дармоеды», «пора освобождать жилплощадь», «дайте место молодым», «одна морока с вами», «корми вас, ухаживай», «пенсию плати», «а сколько средств надо на лекарства, больницы, санатории». «Пассажиры» же обреченно молчат, только горбятся и втягивают головы в плечи, что делает их еще меньше и беззащитнее.

А с другого конца из накопителя партиями отправляют «туда». Ловко, сноровисто освобождая места для новых «пассажиров». Никто здесь долго не засиживается, все благополучно отлетают куда следует.

ИСКУССТВО МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ

Сейчас разработаны многочисленные курсы скорочтения. При желании и настойчивой систематической учебе можно увеличить скорость чтения в среднем в два-четыре, а то и в десять раз. При такой скорости можно проглатывать в час более ста страниц текста, а при соответствующей практике – и больше.

Не отрицаю пользы беглого чтения при просмотре деловых бумаг, газетной хроники, при поиске нужной информации или при самом общем знакомстве с предметом. Если же речь идет о художественной литературе – не детективах, не так называемой массовой литературе, а о настоящей литературе, – то я сторонник медленного чтения. Полагаю, что это тоже искусство, которое дается не сразу и нужно не меньше, а может, и больше, чем искусство скорочтения.

Читать, всматриваясь в глубину текста, ощущая красоту и музыку фраз, улавливая глубоко запрятанную игру ассоциаций, богатство образов, узоры звукописи, отмечая тончайшие намеки и нюансы – что может быть прекраснее? Это – как умение слушать классическую музыку, тоже своего рода дар, который дается не каждому.

Полагаю, хорошо читать – значит, медленно читать. Конечно, смотря что.

МАРАЗМ – БОЛЕЗНЬ ЗАРАЗНАЯ

Н.Н. (назовем его так) занимает высокий пост. Давно занимает. Никто, в том числе и он сам, уже не помнит, когда и почему его поставили. Может, тогда он еще поумнее был. А может, других пересажали, больше некого было, вот и поставили.

Все знают, что у него старческий маразм. Поэтому по всем мало-мальски серьезным вопросам обращаются к заместителям. А он только восседает в своем роскошном кабинете, важно надувает щеки, подписывает кем-то приготовленные бумаги и время от времени попивает чай, заботливо приготовленный секретаршей. А больше сидит на разных заседаниях, совещаниях, конференциях, презентациях... Преимущественно в президиумах. Со стороны посмотреть – фигура! Крупный, седовласый, с благородной осанкой. Кажется – все понимает, во все вникает. А на самом деле – дремлет с открытыми глазами.

Так и сидит – может, сорок лет, а может, и все пятьдесят. Давно надо бы сменить, да как-то неловко. Все же – человек заслуженный. Как обидишь? Смирились...

Новый еще неизвестно как себя поведет, а этот – проверенный. Пороху, конечно, не выдумает, но и неожиданно фортеля не выкинет. С ним спокойнее. Дело в том, что и его непосредственные начальники сами страдают тем же. Маразм – болезнь заразная.

ПАДШИЙ АНГЕЛ

Помню ее совсем крохотулькой: белокурые, слегка вьющиеся волосы, белые туфельки, белоснежное газовое платье с оборками... Чистый ангелочек!

Время летит быстро. Вскоре она стала школьницей: темное платье, ослепительно белый передничек, ранец за плечами... Потом – старшеклассницей в короткой юбчонке и все с теми же белокурыми волосами, рассыпанными по плечам. Вокруг нее, как осы возле банки варенья, постоянно роились парни...

Не успели оглянуться – уже замуж выскочила. Весь двор сбежался поглазеть на нее в умопомрачительном свадебном наряде: широкополая белая шляпа с крыльями вуали по краям, длинное белое платье со шлейфом, белые розочки, искусно пришпиленные то тут, то там. И сама такая красивая, большеглазая, с пухлыми губками и исчезающе малым носиком... Ну прямо ангел во плоти!

Не успели переварить эту новость, слышим – уже развелась и вернулась к маме (она у нее продавщица). Устраивалась куда-то на работу, но нигде подолгу не задерживалась. Но – подрабатывала. По ночам...

Встретил ее как-то на днях. Вульгарная, вихляющая походка, лицо одутловато-бледное, покрытое толстым слоем макияжа... Символическая юбка и черные ажурные колготки... А глаза все такие же – огромные, с длинными загнутыми ресницами. Глаза, обещающие райское наслаждение. Только заплати. Вот возле нее притормозила иномарка. О чем-то деловито переговорили, затем распахнулась дверца, и машина укатила.

Ангел-то она ангел. Только – падший...

ВИРТУАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Говорят, когда-то он был неплохим художником-оформителем. Подавал большие надежды. Да и зарабатывал солидно. Но постепенно спился и превратился в заурядного бомжа: худой, небритый, с трясущимися руками, в засаленной куртке, явно знавшей лучшие времена, и разбитых вдрызг башмаках. И только лихо сдвинутый набекрень за-

мызганный берет да спадающие на плечи пегие волосы напоминают, что перед нами – художественная натура...

Время от времени какая-нибудь сердобольная женщина подбирает его, отмывает, одевает с ног до головы, дает ему уют и ласку. И он какое-то время держится: оформляет интерьеры магазинов и офисов, пишет рекламные щиты, выполняет другую «халтуру». Но стоит попасть в его руки каким-то деньгам, вновь срывается и уже не может остановиться. Спускает все – вплоть до исподнего, тащит из квартиры, где его пригрели, все, что можно продать. Может за бутылку загнать и холодильник, и телевизор. И, конечно, снова оказывается на улице.

Вроде бы есть человек – реальный и пока что живой. Толчется возле кафе и закусочных, блещит голодными, а пуще того – жаждущими выпить глазами... То и дело сглатывает слюну, видя сквозь оконные стекла, как другие заправляются сытным обедом с кружкой пива или рюмкой водки...

И в то же время – нет его. Не значится ни в каких списках. Паспорт свой то ли пропил давно, то ли потерял. Ни жилья, ни прописки. Когда нанимается на какую-нибудь работу, приходится оформляться на чужое имя, теряя при этом больше половины заработанного. Сунулся однажды в собес (говорили, там можно получить талоны на бесплатный обед, а если повезет, то и направление в ночлежку), получил от ворот поворот. Говорят: «А как вас оформлять? Нужен хоть какой-нибудь документ».

Нет документа – считай, нет человека. А то, что стоит перед вами, покачиваясь то ли от истощения, то ли от застарелой легочной болезни, – одна видимость. Так сказать, виртуальная личность.

ПРИЖИВАЛКА

Она жила у дальних родственников, которые приютили ее из милости, в темном узком чуланчике без окон. Спала на полу на куче тряпья, накрываясь изъеденной молью дубленкой. То ли беженка откуда-то из Таджикистана, потерявшая всех близких, то ли полоумная... Ни пенсии, ни каких-либо социальных выплат. Родственники попытались было выправить ей документы, чтобы оформить пенсию, но это оказалось таким хлопотным делом, что они вскоре отступились. Без поездки на прежнее место жительства было не обойтись. А кто ж туда потащится? У всех своих дел по горло...

Чтобы не быть родственникам в тягость, она каждое утро вставала еще затемно и рылась в помойках, подбирая объедки, иной раз – кое-что из одежды. Сдавала пустые бутылки,

этим и кормилась. И при этом ухитрялась выглядеть более или менее опрятно. Платье всегда чистое, носки заштопаны. Одним словом, бич: бывший интеллигентный человек....

Однажды под вечер я увидел ее во дворе на лавочке. Она сидела в одиночестве (вообще не стремилась к общению с дворовыми бабками), закинув голову. И улыбалась... И такое у нее было умиротворенно-блаженное лицо, что я с интересом посмотрел в направлении ее взгляда. Ничего особенного. Просто небо. Пустое небо...

Да нет, не пустое. Над крышами панельных десятиэтажек плыло высокое облако. Не облако, а сверкающее чудо, сотканное из чистейшей белизны. Легкое, невесомое, подсвеченное по контуру золотом заходящего солнца... Прекрасное, как мечта, как воспоминание о далекой юности...

После этого я уже совсем другими глазами смотрел на эту маленькую, высохшую, тихую, как моль, старушку.

ВЕДЬМЫ

Осенние сумерки. Темнеет, но фонари еще не зажглись. Низкие свинцовые тучи задевают за крыши многоэтажных домов. Резкий порывистый ветер закручивает в жгуты белую колючую крупку над тротуарами, и две седые патлатые ведьмы летят через пустынный двор. Взмахивают полами балахонов, резко взмывают вверх, ныряют вниз, хлопают крыльями... Мечутся отчаянно, а улететь все никак не могут. Что их удерживает? Лишь чахлый клен с черными ветвями да железные столбы, к которым приторочена бельевая веревка...

ДВЕНАДЦАТИЛЕТНИЙ ЦИКЛ

Не верю ни в астрологические прогнозы, ни в магию цифр... Но все же какая-то цикличность исторических событий несомненно прослеживается. В частности, ярко выраженный двенадцатилетний цикл, который в общих чертах совпадает с циклами солнечной активности.

На протяжении жизни моего поколения наблюдалось несколько таких циклов.

1956 год – так называемые «Венгерские события». Восстание, митинги, бунт толпы, советские танки в Будапеште, кровь, репрессии.

1968 год – «Пражская весна». И снова бунт, снова танки, теперь уже в Праге, лозунги: «Иван, уходи домой!», опять кровь и еще более жестокие репрессии.

1980 год – «Польское лето». Движение «Солидарность»,

митинги, бунты, брожение толпы. Правда, на этот раз обошлось без советских танков.

Конец 1991 – начало 1992 года – августовский путч в Москве. Танки, колонны демонстрантов, баррикады вокруг Белого дома. Затем сговор в Беловежской пуще и развал Советского Союза. Крови не так уж много, но зато революционного брожения – вдосталь.

Судя по такому раскладу, следующие бурные события ожидаются к концу 2003 – началу 2004 года. Что нас ждет впереди? Неужели опять бунт, кровь, танки?

«ЛЮБИТЕЛИ» ПРИРОДЫ

Июль в этом году выдался на редкость жарким. В городе – духота, пыль, гарь, чад. Поэтому на небольшое озеро – Малое Глубокое, что в пригороде Казани, по выходным съезжались десятки машин.

Заедут, смятая кусты, в приозерную чашобу. Ребятишки тут же с визгом кидаются в воду. А взрослые... садятся за импровизированные столы. Вытаскивают из багажников кульки и свертки – хлеб, огурцы, помидоры, копченых и вареных кур, яйца, сыр, колбасу... Этого количества снеди хватило бы на целую роту. А они уминают втроем – вчетвером. Впрочем, под пиво и водку, да еще на свежем воздухе, да еще в перерывах между купаниями хорошо естся...

Отвалившись от «стола» и наскоро окунувшись, мужчины принимаются мыть машины. Моют любовно и тщательно, не жалея специальных средств. Грязная вода, конечно же, стекает прямо в озеро. А женщины вытаскивают рулоны ковров, расстилают их на берегу и, вооружившись импортными моющими средствами, приступают к их стирке. Так сказать, сочетают приятное с полезным. Полощут ковры, понятное дело, в озере, где купаются их дети, собаки, да и они сами.

К середине дня основные хозяйственные работы обычно уже закончены. Кто-то храпит, развалившись на солнце и рискуя получить серьезные ожоги, кто-то снова припадает к «столу». А кто-то ухитряется заплыть на надувном матрасе на середину озера с двухлитровым баллоном пива. Все тридцать три удовольствия – солнце, воздух, вода, еда, выпивка. А у многих еще и «девочки» в придачу... Вот кто-то спьяну заплыл в глубину и начал тонуть... Еле откачали... Пьяные бессвязные выкрики, мат, размахивание кулаками. Впрочем, верные подруги не дают ссоре разрастись, грудью встают между драчунами, получая увесистые удары с обеих сторон... Но драку все же предотвращают.

Вечер... Машины разъезжаются, оставляя за собой мягкую, замазученную траву, поломанные кусты и деревья, кучи мусора, бутылок и банок, горы объедков. А уж в кусты лучше не суйся – всюду, извините, дерьмо, что неудивительно при столь обильной снеди. Озерцо ненадолго затихает, постепенно приходя в себя. И только дохлые лягушки вдоль берега да брошенные на дороге разлагающиеся трупы убитых ни за что ни про что ужат напоминают о недавнем нашествии «любителей» природы...

КРУГОВАЯ ПОРУКА

В 90-х годах практически возле каждого городка или районного центра в нашей республике выросли поселки из коттеджей. Их называют по-разному: Кулацкими, Новорусскими или Новотатарскими. Но чаще всего – Начальскими.

Среди коттеджей есть весьма оригинальные, а порою просто режущие глаз разухабистой роскошью; с замысловатыми башенками, зубчатыми карнизами, напоминающими средневековые замки, фигурными балконами и прочими архитектурными «наворотами». Мне не довелось бывать в таких коттеджах, но знающие люди говорят, что внутри они еще роскошнее: импортная сантехника, отделка по евростандартам, сауны, бассейны, бильярдные... Стоят такие «дворцы» в среднем около миллиона рублей. А отдельные по общим затратам на строительство приближаются к стоимости пятиэтажного жилого дома «хрущевского» типа на 60–80 квартир.

Это только в сказках дворцы вырастают по мановению волшебной палочки. А в жизни? Даже если откладывать из своей зарплаты по тысяче рублей в месяц, то потребовалась бы тысяча месяцев – чуть не сто лет! А они выросли за каких-нибудь два-три года. Как? Каким образом? Где она, та волшебная палочка?

Ответ на эти вопросы я получил во время недавней поездки в один из небольших поселков городского типа – из тех, где названия почти всех учреждений начинаются со слова «рай»: райпо, районо, райфо и т.д. Нет только прежних райкомов и райисполкомов – вместо них районные администрации. Судя по затрапезной одежке прохожих, жизнь в поселке не так чтобы очень уж райская. Но рай тут действительно есть. Однако не в самом поселке, а в прилегающем к нему «аппендиксе» начальственных коттеджей. По нему меня водил в качестве экскурсовода местный пенсионер, бывший учитель истории и активный

корреспондент многих газет, человек, который провел здесь всю жизнь и знает всю подноготную.

Первым делом он подвел меня к самому большому и заметному коттеджу из красного керамического кирпича. По его словам, кирпич этот доставили то ли из Чехии, то ли из Югославии, причем каждый кирпичик был обернут полиэтиленовой пленкой, как буханка хлеба в престижном магазине. Да и стоил, пожалуй, не меньше. Правда, из-за высоченного каменного забора нам мало что удалось рассмотреть.

С этого коттеджа, принадлежащего главе администрации, по его словам, и начался поселок. Причем глава, будучи человеком скромным, поначалу не хотел строиться. Зачем, мол? Достаточно и просторной пятикомнатной квартиры на четверых. Но его убедили. Приезжает, мол, высокое начальство – министры, депутаты, гости из Москвы, иностранцы... Как бы не ударить лицом в грязь. Всех надо достойно принять, угостить. От этого-де зависит и отношение к району, и предоставление ему кредитов, и утверждение выгодных планов, и всяческие льготы. Да и вообще несолидно главе жить в общем доме. Вон коллега в соседнем районе какой дворец отстроил! А мы чем хуже? Короче, уломали.

Я спросил, на какие деньги строился этот дворец – государственные или личные. Провожатый ответил неопределенным пожатием плеч:

– Как вам сказать... Формально – на свои. Судите сами. Участок ему выделили, конечно, бесплатно, впрочем, как и всем здесь. Ну заплатил, наверное, какой-то чисто символический налог. Банк выделил на строительство беспроцентный кредит сроком на десять лет. Прикиньте: человек взял в начале девяностого года, скажем, триста тысяч рублей. А отдавать будет, с учетом деноминации, 300 рублей. Как, по-вашему, можно за 300 рублей такой дворец отгрохать? Да вот эта медная щеколда на его калитке стоит дороже.

Стройматериалы отпускались самые лучшие, а по документам проходили как бросовые, низкосортные или вообще списанные. Мастеров и технику поставляла строительная организация. Правда, греха на душу не возьму, он им и сам платил. Но по сравнению с затратами государства это мизер. А по документам – уверен – все в ажуре, за все заплачено.

После того, как глава был обеспечен, зашевелилась свита – круг самых высокопоставленных (в районном масштабе) начальников. У этих, понятно, уже нет той власти и могущества, но зато у них – круговая порука. Один, скажем, сидит на кредитах, может предоставить их на самых

выгодных условиях. Другой командует земельными участками, может самую лучшую плодородную землю «оформить» как пустошь или неудобье. Третий руководит производством стройматериалов, у четвертого в руках строительная техника. Ну и так далее...

Куда прокурор смотрит? А все туда же! Ему, между прочим, первому вслед за главой и участок лучший выделили, и коттедж отгрохали. Слаб человек... А жизнь дается только раз... Печать? А что, редактор – не человек? Ему тоже выделили скромненький участочек в самом конце. И коттедж у него самый неприметный, всего два этажа...

Писали, как не писать! Только все письма возвращаются в район, поступают к тому же прокурору или редактору. А у них уже готова отписка: факты, мол, не подтвердились, все сделано законно. Ведь формально-то и на самом деле так. Только средства и стройматериалы, предназначенные фермерам, беженцам или остро нуждающимся очередникам, «уплыли». Тю-тю! Ищи ветра в поле!

Все более воодушевляясь, мой провожатый заговорил о том, что даже в застойные времена не было такой свободы хищения и личного обогащения за госсчет, как в период с 91-го по 97-й год. Контроль сверху ослаб, а у власти осталась та же партноменклатура, привыкшая командовать и «хапать» в партийные времена. Но тогда «аппетиты» были скромнее – еще существовали парткомиссии, народный контроль, ОБХСС и прочее. Вполне можно было лишиться партбилета, а то и высокого поста. А тут – сами себе и исполнительная, и законодательная власть. И СМИ в их руках как придаток номенклатурной власти. В общем, своя рука – владыка.

Мы прохаживались вдоль высоких заборов, слушали басовитый лай цепных псов. Людей практически не встречали. Лишь иногда проносились иномарки... А мой гид развивал теорию о том, что революция 1991 года была революцией сверху. И затронула почти исключительно верхние эшелоны власти. Среднее же и нижнее (районное) звенья как были, так и остались на своих местах. Ни одного нового человека к власти (и к кормушке, разумеется) не допустили! Какая там смена политических элит?! Вообще ничего не изменилось! Как командовали удельные князьки районного масштаба, так и командуют. Как лизоблюдовали перед «хозяином», так и лизоблюдствуют. Вот только воруют, пожалуй, больше. Куда там! Никакого сравнения быть не может!

ПЕНСИОНЕРКА И КРУТОЙ

Жили в одном доме Пенсионерка и Крутой. Пенсионерка занимала скромную однокомнатную квартирку на первом этаже, окном прямо на мусорные баки. А Крутой снимал две объединенные трехкомнатные квартиры на четвертом этаже в том же подъезде. Ну жили и жили... Так и хочется сказать: друг другу не мешали. Но не мешала только Пенсионерка. А Крутой очень даже мешал. И не только ей, а всему дому.

Дело в том, что у него была скверная привычка, подъезжая глубокой ночью к дому на своем роскошном джипе, громко сигналить. Сигнал предназначался благоверной: дескать, накрывай на стол, хозяин едет! Но при этом вздрагивал и просыпался весь дом. А Пенсионерка, которая и без того мучилась бессонницей, пила валерьянку, валокордин, но зачастую уснуть больше не могла.

Но и это бы еще ничего. Беда в том, что Крутой ставил свою машину под самым окном Пенсионерки. И частенько среди ночи вдруг срабатывала сигнализация – то ли какой подгулявший алкаш задел, то ли кошка мимо пробежала. И поднимался такой дикий рев, что весь дом стоял на ушах. У Пенсионерки подскакивало давление, и уже никакие капли и таблетки не помогали. Она пыталась поговорить с Крутым по-хорошему, дескать, нельзя ли ставить машину в другом месте или хотя бы выключать на ночь сигнализацию. Но Крутой отмахнулся от нее, как от надоедливой мухи: «Что? Спать мешает? А ты уши ватой затыкай! И вообще, топай отсюда, пока я добрый!»

Ходила Пенсионерка и к председателю жилищного кооператива (дом кооперативный). И хотя председательша полностью была на ее стороне и сама страдала «от такого безобразия», но связываться с Крутым не пожелала – себе дороже. Так все и тянулось, может, год, а может, и больше.

И все-таки Пенсионерка нашла управу на хулигана. Причем сама. У нее была давняя слабость: кормить голубей. Обычно она выкладывала на крышку канализационного люка остатки еды – кашу, размоченные куски хлеба и прочее. При одном ее появлении откуда-то слеталась целая голубиная стая. И вот однажды Пенсионерка с досады взяла и вывалила голубиный корм на крышу сверкающего тонированными стеклами и всяческими «прибамбасами» черного джипа.

Результат превзошел все ожидания! Прикормленная старушкой стая дружно села на автомобильную крышу и принялась клевать, усиленно разгребая корм лапками и царапая лаковое покрытие острыми, как бритва, коготками.. А

если к этому добавить еще едкий голубиный помет, то перспективу нетрудно представить...

Крутой не сразу заметил подвох. Днем он отсыпался и выходил из дому только к вечеру. А когда через несколько дней обратил внимание на подозрительные потеки, было уже поздно – импортный лак был безнадежно загублен, местами по крыше пошли уже ржавые пятна... Он, конечно, догадывался, чьих это рук дело. Но старуха благоразумно старалась в эти дни не попадаться ему на глаза. И на его настойчивые звонки дверь не открывала. Крутой же, выложив у двери весь свой запас отборного мата, в конце концов был вынужден отгонять машину на платную стоянку.

Дом вздохнул с облегчением...

ГЕРОЙ ИЛИ ЗЛОДЕЙ?

Одна из причин необычайной популярности «мыльных опер» – в четком делении действующих лиц на героев и злодеев. Зритель жаждет ясности. Ему надо сразу же определиться: кому сочувствовать, а от кого ждать подвохов и пакостей. При этом он невольно отождествляет себя с героем, а на злодея переносит все отрицательные черты, в том числе и свои. Тем самым он как бы освобождается от внутренней неудовлетворенности собой, ощущает себя лучше, сильнее, краше, чем он есть на самом деле. Лучше других эту особенность зрительской психологии поняли (и удачно эксплуатируют!) авторы мексиканских сериалов.

В жизни, конечно, все гораздо сложнее и противоречивее. Один и тот же человек в разных ситуациях может вести себя то как герой, то как отпетый злодей. Возьмем такую светлую фигуру, как Сергей Есенин. Каким он предстает в своих стихах? Умеющим любить глубоко и преданно, тонко чувствующим природу, нежным, тактичным, верным в любви и дружбе... Но тот же Есенин в воспоминаниях современников открывается с совершенно иной стороны: хулиган и дебошир, ловелас и пьяница, бросивший жену и детей, доставлявший своим близким массу неприятностей и огорчений. Как верно подметил поэт, в его натуре уживались светлый человек и черный человек...

Возьмем другую крайность – Лаврентий Берия. В том, что это злодей – не может быть никаких сомнений. Ведь на его совести не одна, не две – миллионы загубленных жизней, искалеченных судеб. Даже количество замученных им собственноручно, убитых без суда и следствия и зарытых во дворе его особняка не поддается точному исчислению...

А между тем именно Лаврентий Павлович вскоре после смерти Сталина выступил с наиболее радикальными законопроектами. Он предлагал пересмотреть дела «врагов народа», пойти на смягчение отношений с Западом, сокращение вооруженных сил, улучшение положения простого народа, прежде всего колхозников...

Его предложения были настолько смелыми, далеко идущими, что другие члены Политбюро, более ортодоксально настроенные, обвинили его в «буржуазном уклонизме» и «пособничестве Западу».

Однако, если вдуматься, этот поступок психологически вполне оправдан. Берия чувствовал за собой огромную вину, хотел как-то искупить ее, обелить себя в глазах будущих поколений.

Берию это, конечно, не спасло. И в глазах народа, в глазах истории он остался чернее дегтя.

К чему я это говорю? Сейчас, в разгар предвыборной кампании, идет война компроматов. Найдут какой-нибудь промах у депутата: снялся на фото не с тем человеком, помог не тому, что-то упустил... и готов ярлык: злодей! А между тем, чтобы верно оценить человека, нужно учитывать все – и то, что ему удалось сделать, и заслуги, и плюсы, и минусы. Нет совершенно безгрешных людей, как нет стопроцентных героев или злодеев...

УНИЖЕНИЕ ВЕЛИКИХ

Перед великими преклоняются, ими восхищаются, их превозносят... Но и втайне завидуют, недолюбливают. Пока великий на коне, перед ним снимают шляпу. Но стоит ему сорваться с седла – сочувствия не жди...

В годы Октябрьской революции Троцкий почитался наравне с Лениным. На старых фотографиях в государственных учреждениях и рабочих клубах их портреты висят рядом. И действительно, роль Троцкого в победах на фронтах гражданской войны огромна. Столь же большой была и его популярность. Стоило Троцкому приехать на какой-нибудь участок фронта, где начинался прорыв, как его страстные речи и решительные действия резко меняли ситуацию. Люди шли на смерть с именем «вождя революции Троцкого» на устах.

Но когда в конце 20-х годов его насильно выслали из страны, никто ему не сочувствовал. «Вождя революции» запикивают в вагон, награждают тумачами и пинками... Он истошно вопит, обращаясь к вокзальной публике: «Я – ТРОЦКИЙ! ТРОЦКИЙ!» Но никто за него не

заступился, не возмутился явным беззаконием, Наоборот, многие довольно ухмылялись: «Так тебе и надо! Покомандовал – и будя!»

«ПОДТАЛКИВАНИЕ» ЧУВСТВ

Дореволюционные антрепренеры во время ответственных премьер нередко подсаживали в зал безбилетников с условием хлопать посильнее. Это заражало других, передавалось всему залу и давало основание газетным репортерам писать, что «спектакль сопровождался бешеным успехом». После этого публика валом валила и на следующие спектакли...

Ту же практику применяли и на съездах партии в застойные годы. Специально подсаженные «люди в штатском» не только обеспечивали безопасность и следили за порядком в зале, но и первыми начинали аплодировать в нужных местах. И зал, до этого мирно дремавший, особо не вслушиваясь в журчание доклада, подхватывал эти аплодисменты. Все вставали и «выдавали» «бурные, долго не смолкающие», как с удовлетворением писалось потом в газетах.

Это явление нередко можно наблюдать и в обыденной жизни. Вот, скажем, парень уже много лет встречается с девушкой. А на женитьбу все никак не решается – то ли колеблется, то ли есть на примете другая. И тогда девушка для достижения своей цели прибегает к «подталкиванию» чувств: объявляет своему ухажеру, что кто-то якобы предлагает ей выйти за него замуж, а она сомневается и просит у него совета. Подтекст: либо ты немедленно женишься на мне, либо потеряешь навсегда. И это чаще всего срабатывает...

АРИСТОКРАТЫ НАШИХ ДНЕЙ

Однажды я возвращался из Москвы в одном поезде с участниками очередного партийного съезда. Все купе были заставлены подарками делегатам: телевизорами, холодильниками, коврами, тюками с меховыми изделиями, дубленками и т.д. Все это считалось тогда большим дефицитом и было недоступно простым смертным. А тут – «задарма»...

И все разговоры в вагоне крутились вокруг одного: на каком предприятии руководство оказалось щедрее и подарки были богаче. Ради справедливости надо отметить, что повезло не всем. На иных предприятиях отделялись какими-нибудь вазами, книгами или недорогими сувенирами. Таких ругали почему зря...

Моя однокурсница, сотрудница журнала «Работница», рас-

сказывала, что у них в редакции согласно спущенной из райкома разнарядки тоже принимали группу делегатов съезда. В основном так называемый «балласт»: передовых доярок, скотниц, свинок, звеньевых. Им рассказывают о тираже журнала, о секретах журналистского успеха, а они нетерпеливо ерзают и зыркают глазами: что подарят? что там, в коробках за столом президиума? А что могут подарить в редакции? Последний номер журнала с коробкой конфет в придачу... Гости были явно разочарованы: существующие тогда порядки развращали даже неплохих по натуре людей.

Именно тогда у меня родились горькие строки:

*И не краснеют от подачек
Аристократы наших дней...*

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ «ЧЕРНОГО НАЛА»

– Что есть «черный нал»? – недоумевает приезжий иностранец. Между прочим, дипломированный экономист, автор ряда научных работ на экономическую тему.

Объясняю на собственном примере. Недавно я затеял ремонт своей квартиры. Нанял «левака» (пришлось долго объяснять, что это такое). Он взял за работу три тысячи рублей, которые я отдал ему наличными, из рук в руки. А специализированная фирма взяла бы с меня вдвое дороже.

– Почему? – не понимает иностранец. – Ведь у них – техника, опытные специалисты, передовые технологии...

– А потому, – объясняю, – что фирма состоит на учете в налоговых органах. И платит налоги – на добавленную стоимость, на прибыль, плюс отчисления в Пенсионный фонд. Набирается около пятидесяти процентов от полученных денег... Да еще арендная плата, зарплата начальнику, бухгалтеру, секретарше, уборщице, прочие накладные расходы. Вот и получается вдвое дороже при всех их передовых технологиях.

– Понимаю, – соглашается иностранец. – Ваш, как это, лэвак утаил определенную сумму от налогообложения. У нас такое тоже бывает. Но ведь это не так уж много!

Привожу другой пример. Птицефабрика, согласно официальной отчетности, производит, допустим, миллион штук яиц. Сдав их в магазины, получает за это деньги, платит с этой суммы налоги и делает необходимые выплаты, все – по закону. Но это, повторяю, официально, на бумаге. На самом же деле она производит десять миллионов яиц. И девять из них реализует через частников или по подложным документам, которые тут же уничтожаются. Этими

деньгами расплачивается с поставщиками комбикормов, прочих необходимых в хозяйстве вещей.

– Но ведь это незаконно! Это открывает дорогу хищениям...

– Незаконно, конечно. И у многих нечестных руководителей кое-что прилипает к рукам. А откуда, вы думаете, у них «джипы» и «мерседесы», загородные коттеджи и поезда на Канары?

– Куда же смотрят ревизоры, проверяющие, налоговая инспекция, наконец?

– А им «отстегивают» из тех же «левых» денег... Или, на худой конец, заводят «крышу».

– Что есть «крышка»?

– Не крышка – это совсем другое, а крыша!

Снова приходится объяснять, что директор устанавливает связь с криминальными структурами, «отстегивает» им, положим, 20 процентов от прибыли...

– 20 процентов! – ужасается иностранец. – Но это же – колоссаль! Это слишком много.

– Да. Но если честно делать все выплаты государству, то на это уйдут все 50, а то и 70 процентов прибыли. А так он честно отстегивает «крыше», и у него ни о чем больше голова не болит.

– А если придет честный проверяющий? И вскрыет эти, как это, ма-хи-на-ции? Тогда – под суд?

– С честным проверяющим у мафиози разговор особый. Он отзовет его в сторонку и задушевно так скажет: «Ты живешь по такому-то адресу, верно? Сын учится в такой-то школе? Жена работает там-то?.. Хочешь, чтобы они живыми и здоровыми вернулись домой? Тогда – чтобы духу твоего больше здесь не было!» И проверяющий знает, что мафиози не шутит – на то он и мафиози. Вот вы бы поставили под удар свою семью?

Иностранец только потрясенно качает головой, начиная соображать, откуда в нашей стране берется так называемый «черный нал», который девятым валом катится по всей стране. Откуда появляются подпольные миллионеры и почему от их богатств ничего не перепадает ни государству, ни людям...

ШИЛО НА МЫЛО

Что такое взаимозачеты? Современники-то знают, а вот будущим поколениям, думается, это будет интересно.

Недавно я выступал перед читателями Республиканской юношеской библиотеки. Смотрю – второй этаж

установлен отличной мебелью: полки, шкафы, столы, стулья – все абсолютно новое. Красота! Спрашиваю у директора библиотеки Риты Салиховны: Откуда? Сами же жаловались, что уже несколько лет денег у Министерства культуры нет ни на что, кроме зарплат. Да и то впритык, с задержками...

Объясняет с улыбкой:

– В связи с переездом в новое здание мы попросили у министерства денег на обстановку. Их, конечно же, нет. Связались с поставщиками мебели, задолжавшими государству довольно большую сумму налогов, и договорились: они поставляют нам мебель, стоимость ее засчитывается как налог, уплаченный государству. А государство, в свою очередь, отмечает, что как бы выделило нам необходимую сумму.

Вот это и называется взаимозачетами. Это еще самая простенькая схемка. А бывают операции, в которых задействованы пять-шесть разных фирм, акционерных компаний и бюджетных организаций. Денег ни у кого нет, а все же что-то движется, шило меняется на мыло, а мыло – на свечи. И, главное, все довольны. Голь на выдумки хитра!

НЕМЫТАЯ РОССИЯ

Третий день едем по российской глубинке. Черные покосившиеся заборы, давно пришедшие в ветхость избы – как гнилые зубы. Возле мастерских – разбросанная, ржавеющая под дождями техника. Редко-редко попадаются новые кирпичные дома под сверкающей оцинкованной крышей, нормальные дороги, ухоженные сады...

Сколько лет прошло с лермонтовских времен, а Россия все такая же немытая, заброшенная, подгнивающая. Разве сравнить с веселыми, чистенькими улочками европейских городков!

Зачем ремонтировать, когда не свое – государственное?.. Зачем стараться, когда – казенное?.. А если и свое, то зачем выпендриваться? Бедность – не порок, а кулаков и мироедов у нас – к ногтю... Выросли целые поколения «пофигистов». Чего корячиться? Государство накормит... А не накормит, так украдем. Преступно? Ни черта! Не обеднеет – государство у нас богатое...

Больно сознавать, что мы далеко отстали не только от развитых стран Запада, но и от процветающих азиатских – Южной Кореи, Сингапура, Малайзии... Отстали не только по уровню жизни, но и по эстетике быта.

ПОЗДНИЙ «РЕАБИЛИТАНС»

Когда-нибудь историки разложат все по полочкам и отметят, что вслед за кровавой эпохой сталинских репрессий наступила эпоха сначала раннего, а затем и позднего «реабилитанса». Первая реабилитация была при Хрущеве – как сажали огульно, не особо разбираясь, виноват ты или не виноват, так и реабилитировали всех подряд. За исключением некоторых, особо заклеянных «оппозиционеров» и «двурушников» – Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Султангалиева и иже с ними. Их черед наступил десятилетия спустя, при Горбачеве. Тогда реабилитация шла уже не сверху, а снизу. Писали в газетах, выступали на съездах, принимали резолюции и слали письма в ЦК.

Если в результате раннего «реабилитанса» сотни тысяч людей вышли на свободу из лагерей и тюрем, вернулись из ссылки, то до позднего практически никто не дожил. Разве что дети и внуки «врагов народа»...

Еще одно существенное отличие. Если ранний «реабилитанс» стал крупным общественным событием, ознаменовавшим начало «оттепели», то поздний на фоне таких явлений, как свержение диктатуры компартии, отказ от прежнего строя и переход на цивилизованный (читай – капиталистический) путь развития, прошел почти незамеченным. Ну, пошумели немного – и затихли. И новые поколения восприняли это событие без особого энтузиазма. Жалко, конечно: пострадали ни за что. Но ведь сами виноваты! Сами начали «закручивать гайки», сажать и расстреливать. За что боролись, на то и напоролись. И вообще – таков закон истории: революция всегда пожирает собственных детей. Так было и во Франции, и в Китае, и везде, где нарушались нормы демократии во имя «светлых идеалов будущего».

КАЗАНСКИЕ КУРОПАТЫ

Глубокий, заросший бурьяном и одичавшими американскими кленами овраг... Ныне он оказался в черте города, а в 30-е годы находился в дальних безлюдных предместьях...

Среди свалок мусора и сухой, увядшей травы кое-где видны осевшие квадраты ям. Размытые, почти неразличимые за давностью лет. И только выбрав подходящую точку на склоне оврага, видишь, что их довольно много. Тянутся где рядом, где в шахматном порядке. Как соты... Соты,

заполненные прахом. Прахом молодых цветущих жизней, надежд, мечтаний, любви и ненависти... Своего рода пьедесталы, идущие не вверх, а вниз. Подножия памятников тысячам погибших.

Не было ни плача, ни похоронных маршей, ни слез прощания. Одни проклятия и огненные вспышки ненависти... Неоплаканные и неотпетые, они томятся без покаяния. Да и дождешься ли от палачей покаяния?

Возможно, когда-нибудь их перезахоронят по-человечески, а здесь воздвигнут монумент в память о репрессированных. Но пока что на это нет ни денег, ни особого желания. Так и остаются эти безымянные могилы ранами земли, ранами сердца...

ДИРЕКТОРСКИЙ КОРПУС

Одну из причин наших экономических неудач последнего десятилетия я вижу в том, что во главе преобразованных (часто только на бумаге) и акционированных предприятий в подавляющем большинстве остались прежние руководители. Да, это ценные, проверенные, заслуженные кадры, имеющие солидный опыт руководящей работы. Да, кого попало во главе крупного предприятия не поставишь – слишком многое от него зависит. Но все же, что это за люди и каков их опыт?

Лучше всего проследить это на конкретном примере. Я хорошо знаю одного из бессменных руководителей крупного казанского предприятия – Фатыха Фатыховича Н. (рабочие прозвали его Хватых Хватыхович, причем не без основания). Что привело его на высокую руководящую должность?

Во-первых, безупречная анкета. Национальный кадр, из крестьян-бедняков, член партии, не судим, не состоял, не привлекался...

Во-вторых, солидная внешность – как ни смешно, на это тоже обращали внимание, во всяком случае, щуплых, худосочных руководителей такого ранга я что-то не припомню.

В-третьих, и это, конечно, самое главное, – умение ладить с вышестоящим, прежде всего райкомовско-обкомовским, начальством. Оно, это начальство, его поставило, и оно же могло снять в любую минуту. А как же знание производства и технологических процессов? У него, конечно, был диплом. И почти все звенья низовой работы он прошел – был и рабочим, и бригадиром, и заместителем начальника цеха. Но основной его опыт приходился на

комсомольскую, профсоюзную и партийную работу. И в кресло директора завода он пересел, как тогда было принято, с должности секретаря парткома. Так что производство он знал весьма приблизительно.

Да этого тогда и не было нужно! Производство шло своим чередом. Сверху спускали план, под него давали сырье и комплектующие. При этом риск разорения, банкротства практически полностью исключался. Можно было не лезть из кожи вон в поисках наиболее выгодного и высококачественного сырья или потребителей своей продукции. Все до последнего шурупа было расписано Госпланом.

Проблема качества тоже, по существу, не стояла. В условиях монополии на определенный вид продукции конкурентов не было. А потребители – куда они денутся? Слопают, что дадут. Вот почему выпускаемые его предприятием механизмы были так громоздки, металлоемки, дороги и малопроизводительны – ничем не лучше производимых на десятках фабрик и заводов туфель-колодок и пальто-уродов. Это сейчас, когда есть с чем сравнивать, прежний наш «ширпотреб» выглядит так убого...

Да, опыт руководящей работы у Фатыха Фатыховича богатейший. Но это опыт, полученный в условиях внеконкурентной экономики, не имеющей проблем со сбытом и лишенной стимулов к дальнейшему совершенствованию. Ему в то время и в страшном сне не привиделось бы, что когда-нибудь все его склады будут забиты никому не нужной продукцией, ибо потребитель предпочитает пусть и дорогие, но более эффективные зарубежные образцы. Да, Н. умел ладить с начальством и «выбивать» кредиты. Но отдавать их так и не научился.

Поставленный в условия рыночной экономики, он растерялся. Предприятие стало лихорадить, рабочие по полгода не получали зарплаты, лучшие специалисты ушли. Единственное, что Н. сумел сделать в новых условиях, это хапнуть приличную сумму за счет подставных фирм и всяких махинаций. Хватательный рефлекс у него всегда был достаточно развит. Так что себя он не обидел. Некоторые же представители «старой гвардии» и этого не сумели – и предприятия разорили, и сами сидят без копейки.

К чему я клоню? Да, у старого директорского корпуса есть свои плюсы, свои несомненные заслуги. Но к условиям рыночной экономики он явно не приспособлен.

МАГИЯ ПОДПИСИ

В России, как ни в одной другой стране, сильна магия печати и подписи. Слово, пусть даже клятвенное обещание, – ничто. Слово к делу не пришьешь. А вот бумажка – все. Особенно с печатью и подписью... «Без бумажки ты – букашка, а с бумажкой – человек». Где еще могли придумать такую «народную мудрость»?

Даже в конце тридцатых годов, когда правосудие было чистой фикцией, когда «тройки», «пятерки» и прочие внесудебные органы посылали человека на смерть «за здорово живешь», и то для соблюдения формы требовалась подпись заключенного с признанием своей вины. Как она добывалась?

Один из репрессированных – бывший крупный партийный работник, рассказывал: его подпись в буквальном смысле выбивала женщина-следователь, которая, казалось бы, должна быть более гуманной. Ничего подобного! Она применяла такие садистские методы, что ради избавления от невыносимой физической боли он подписал бы что угодно.

Он надеялся, что на суде все всплывет, что подпись, добытая таким изуверским методом, будет признана недействительной. Не тут-то было! Заседание «тройки» прошло без привлечения сторон, то есть без права на защиту, и длилось всего пятнадцать минут. Зачитали приговор – «к высшей мере» – и дали три минуты для последнего слова. Он – о незаконных методах следствия, а ему в ответ: «Ваша подпись? Ваша! Сами признались, а теперь хотите отвертеться, не выйдет! В деле останется документ с вашей подписью, а слова ничего не значат...»

Каким-то чудом он остался жив. Один из немногих...

Сейчас вроде бы времена кардинально изменились, а отношение к бумажкам и подписям осталось прежним. Представьте: какой-нибудь мафиози подплавивает дряхлого одинокого старика, имеющего отдельную квартиру. Когда «клиент созреет», ему подсовывают бумажку. Дескать, тебе выделили пятьсот целковых как ветерану и заслуженному. Подпишись вот тут и тут. А еще паспорт нужен, без этого нельзя. Старик безропотно выполняет все просьбы своих «благодетелей». А в результате оказывается на улице, без квартиры.

Бедолага идет в милицию, а ее сотрудник, наверняка предварительно «подмазанный» дельцами, отвечает: «Ваша подпись? Ваша! Согласно этому документу вы добровольно продали свою квартиру за вполне приличную сумму. Все

законно: печати и подписи на месте, паспортные данные совпадают...»

Так-то вот. И это в лучшем случае! Куда чаще старики после такого «оформления документов» даже до милиции не доходят – исчезают бесследно. Их особо и не ищут, так как заявлять об этом некому. Может, в деревню уехал... Насовсем...

МНОГОГРАННОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Физики установили, что электрон ведет себя то как волна, то как частица. В первом случае надо использовать одни уравнения, во втором – совсем другие. Волновое движение описывается одним способом, движение частиц – совсем другим. Не совпадают и многие другие параметры. При этом оба подхода – верны!

Как выражаются те же физики, электрон имеет две проекции реальности, не вытекающие одна из другой и не тождественные друг другу. А ведь это – элементарная частица, так сказать, кирпичик мироздания... Что уж говорить об иных, более сложных образованиях. У них может быть не две, а несколько проекций, а то и великое множество.

Напрашивается аналогия с миром личности. По свойственной людям привычке все упрощать мы видим, как правило, всего одну проекцию. Либо герой, либо злодей. Либо положительный, либо отрицательный. Короче, стараемся вместить мир личности в одну плоскость. А между тем у личности может быть не одна, а несколько проекций. А то и великое множество...

Возьмем всем хорошо известную личность – Сталина.

Кто он в глазах коммунистов? Мудрый вождь и учитель, отец народов, один из основателей партии большевиков и советского государства, гениальный стратег, приведший наш народ к Великой Победе в Отечественной войне, и так далее, и тому подобное.

Верно? Верно! И спорить с этим бесполезно. А кто он в глазах демократов, особенно тех, кто пострадал от сталинских репрессий? Тиран, узурпатор, сатрап, сосредоточивший в своих руках такую власть, какой не было даже у царей. Палач, убийца, виновный в гибели миллионов ни в чем не повинных людей... Совсем другая проекция. И тоже верная – не поспоришь.

А есть еще и другие проекции.

Террорист, бомбист, который уже на заре революцион-

ной деятельности запятнал свои руки кровью, пусть даже во имя высокой идеи (у всех террористов есть своя высокая идея, только погибшим от их рук от этого не легче).

Провокатор, подозреваемый (и не без основания) в связях с царской охранкой.

Не слишком примерный отец, отказавшийся от сына Якова («Я своих солдат на генералов не меняю») и избаловавший и, в общем-то, погубивший другого сына – Василия (пусть даже невольно, из-за чрезмерной занятости). Да и дочь Светлана отзывается об отце без особого пиетета. Деспотичный, грубый муж, доведший жену до самоубийства. Черствый дедушка, ни разу не видевший своих внуков...

Таких проекций и в самом деле много.

«Большой ученый, в языкознании познавший толк». Покровитель искусств, без санкции которого не мог выйти ни один фильм, а зачастую и многие книги...

Человек, стоявший у руля коллективизации, индустриализации, оборонной, атомной промышленности...

Зачастую одна проекция не вытекает из другой, противоречит предыдущим. Но все верно!

Пример этот убедительно показывает, что мир личности куда сложнее, чем принято думать. Выходит, надо избегать однолинейных оценок, односторонних суждений. А противоречий бояться не надо...

НА ЧЬЕЙ СОВЕСТИ?

В одной из татарских деревень на юго-востоке республики произошел такой случай.

Во время афганской войны сюда доставили спецрейсом из Афганистана цинковый гроб. Погиб солдат-первогодок, девятнадцатилетний безусый паренек, только что окончивший среднюю школу, не успевший не то что жениться – даже завести любимую девушку.

Когда прошел первый шок от трагического известия, односельчане засомневались: правда ли, что в гробу лежит именно их земляк? Отчего это сопровождающий офицер ни в какую не разрешает вскрыть гроб? Пытались втолковать ему, что по мусульманским обычаям хоронить надо в саване, а в гробу хоронят только христиан. А он твердит одно: «Не положено! Я получил соответствующие инструкции...»

Конечно, убитым горем родителям, да и всей родне не до того. Но все же сомнение коснулось и их: а вдруг и в самом деле в гробу не он? Мало ли на войне бывает ошибок.

Протопили для гостей баньку, испекли бэлиш, поставили на стол водку, пиво, угощали от души. А когда захмелевший офицер и два сопровождавших гроб солдата уснули, быстро привезли сварочный аппарат и вскрыли цинковый ящик. Открывшаяся их взорам картина ужаснула даже бывалых фронтовиков. Да, это был он. Но с отрезанными ушами, носом, выколотыми глазами и перерезанным горлом. Видать, солдатика перед смертью долго пытали и всячески издевались над ним.

Родителям, конечно, труп не показали, только сказали, что это действительно их сын. Гроб снова запаляли и наутро похоронили со всеми почестями. Сколько лет прошло с тех пор, а я все думаю: за что парень принял такие муки? Стоит ли того так называемый интернациональный долг? И можно ли винить в его смерти тех, кто вполне резонно считал его захватчиком, оккупантом, незванным гостем на чужой земле?

Сейчас нередко говорят и пишут, что ежегодно от фальшивой водки людей гибнет больше, чем во всей афганской войне. В цифрах это, может, и так. Но совсем не хочется равнять этого безусого парнишку с последними алкашами. Ему была дарована одна-единственная и неповторимая жизнь И ее так безжалостно оборвали. По чьей вине? И на чьей совести эта несостоявшаяся жизнь?

НЕ МЕСТО КРАСИТ ЧЕЛОВЕКА

Великий акын Акмулла (его именем позднее назван город Акмолинск), писавший и на татарском, и на башкирском, и на казахском языках, а больше выступавший с устными импровизациями на актуальные темы, пользовался огромным авторитетом в степях Казахстана. Среди казахов о нем до сих пор ходят легенды. Вот одна из них.

В одной из своих искрометных импровизаций акын чем-то обидел родовитого бая, владельца несметных табунов и отар. Решив отплатить обидчику, бай пригласил его на званый той. И когда Акмулла появился в его богато убранной и украшенной коврами юрте, указал ему место не в красном углу, как положено столь именитому гостю, а у самого входа, где обычно сидели лишь слуги да нищие. Гости замерли, ожидая, как отреагирует Акмулла на неслышанное оскорбление. А Акмулла только усмехнулся и громко произнес:

— О досточтимый бай! Какой же великий почет ты оказываешь этому месту!

Эта реплика вскоре облетела всю великую казахскую степь, и бай был посрамлен.

Вывод из притчи: если человек чего-то стоит, никакое место его не унижит.

СВОИМ - НЕЛЬЗЯ

Для республиканского медицинского центра закупили за границей страшно дорогой и крайне необходимый прибор. Правительство специальным постановлением выделило крупную сумму в валюте. Все были довольны – и врачи, и особенно больные.

Но едва закончился оговоренный в контракте гарантийный срок, как прибор вышел из строя. Главврач звонит фирме-поставщику, а там отвечают: «Ваши представители сами отказались подписывать договор об эксплуатации прибора (решили сэкономить.– Р.М.). Перечисляйте 30 тысяч долларов в порядке предоплаты, и мы вышлем к вам специалистов». Пришлось главврачу полгода ходить по инстанциям. Прибор все это время бездействовал. Наконец деньги дошли до адресата, приехали три представителя фирмы, починили прибор и дали гарантию на шесть месяцев.

О дальнейшем нетрудно догадаться. Ровно через полгода прибор опять вышел из строя. На этот раз в Кабмине с главврачом и разговаривать не стали: «Денег нет и не будет! Сами сидим без валюты». Как быть? Уж больно нужный прибор, многим людям жизнь спас.

И тут заходит к главврачу простой электрик, работавший в том же центре. «Слышал,– говорит,– у вас загвоздка с импортным прибором. Я в армии был электронщиком, кое-что кумекаю. Можно взглянуть?» Главврач сначала засомневался: «А если запорешь? Придется всю жизнь до самой пенсии вычитать из зарплат». Но парень, видать, верил в свои силы: «Вычитайте!» В конце концов главврач согласился: а что оставалось делать?

Электрик, обложившись схемами и словарями, провозился три дня. И ведь нашел-таки неисправность, устранил ее, и прибор заработал. Главврач не верил своим глазам, долго тряс пареньку руку, благодарил. Дал ему три дня отгула и выписал премию – 300 рублей. «Но ведь иностранным специалистам вы заплатили за эту же работу 30 тысяч долларов»,– робко заикнулся было местный умелец. «Иностранным – можно,– ответил главврач.– А своим – нельзя. Ты уж, браток, извини – не положено...»

КАКАЯ ПОГОДА В ИТАЛИИ?

Переводчица с итальянского, которой пришлось в годы застоя работать с иностранными специалистами, рассказывала:

– Как-то на один из казанских заводов приехала группа итальянских технологов. Они устанавливали и запускали на нем свое оборудование. Одному из них зачем-то понадобилось съездить в Дербышки. Он честно спрашивает: «Можно?» Приставленный к их группе сотрудник КГБ отвечает: «Нет, нельзя. Закрытый город». Итальянец не понимает: «Что такое – закрытый город?» Кагэбэшник, спохватившись, что сболтнул лишнее, говорит переводчице: «Ничего не объясняйте!» Пришлось той выкручиваться: «Он просто оговорился».

В другой раз им захотелось прогуляться по лесу – они жили в Кировском районе, недалеко от порохового завода. Спрашивают: «Можно?» – «Нельзя!» Хотят познакомиться с оборудованием, произведенным в Японии, сравнить, может, что-то применить у себя. «Можно?» – «Нельзя!» – «Но ведь полное описание этого оборудования есть у нас в Италии, мы только не взяли его с собой...» – «Не положено по инструкции» – «А можно познакомиться с вашими инструкциями, чтобы знать, что можно, что нельзя?» – «Нет, нельзя».

Когда кагэбэшника не было, один из специалистов говорит переводчице: «Представьте себе комнату, где стоит много стульев. На одни из них можно садиться. На другие – нельзя. Но на какие именно, мы не знаем. Поэтому вынуждены либо все время стоять, либо садиться, рискуя получить пинок под зад...»

Однажды итальянцы ехали мимо тюремного двора. Увидели высокий забор с колючей проволокой, вышки с часовыми. Спрашивают: «Что это?» «Зона», – отвечает кагэбэшник. «А что такое зона?» И опять службист спохватился, говорит переводчице: «Отвлеките их внимание». – «Но они ждут ответа на свой вопрос». – «А вы спросите их, какая в Италии погода». Она честно перевела им вопрос. Итальянцы весело переглянулись – все сразу поняли. И в дальнейшем, когда задавали какой-нибудь «неудобный» вопрос, первыми предлагали: «Может, лучше поговорим о погоде в Италии?».

АВГУСТ. ДАЧА

Теплые яблочные сумерки. Тени неподвижных кустов и деревьев постепенно багровеют, густеют, как смородиновое варенье. Не слышно птиц, затихли детские голоса. Не видно копошащихся на грядках. Час ужина и телевизионных известий. И высокое темнеющее небо принимает на западе цвет остывающего чая...

ЗВАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Отчего в русском языке исчез звательный падеж? Остались лишь обращения к Всевышнему типа: «Боже праведный!», «Отче наш...» Не потому ли, что все равно никто не отзывался, и лишь надежда на Бога все еще до конца не потеряна?

ВОРОЖБА

В послевоенные годы я какое-то время жил в русском селе Шарлык Оренбургской области. После больших городов (до этого мы жили в Москве и Ленинграде) меня особенно поразили патриархальные обычаи, идущие, как я сейчас понимаю, из глубины веков.

Мужа квартирной хозяйки, передового механизатора МТС, наградили путевкой на южный курорт. Такое в те годы случалось нечасто, об этом шумело все село. Ну и соседки, конечно, беззлобно подначивали хозяйку: «Ой, смотри, уведут у тебя мужика-то... Там такие бабы – не чета нам, деревенским...»

Хозяйка ревновала, хотя виду и не подавала, отшучивалась: «Кому он нужен, все пузо в мазуте...» Но меры все-таки приняла. Пришила к мужниным кальсонам изнутри белую нитку на самом интимном месте и завязала ее тройным узлом – чтобы на других женщин – ни-ни.

А еще мне запомнился другой случай. Девушка влюбилась в парня, а он на нее – ноль внимания. Городские бы мучились, переживали. А эта пошла к ворожее. Та выслушала ее и велела принести клочок волос с головы парня или ногти, а еще кусочек ткани от его рубашки. Девушка сделала все, что велели. Ворожея с наговорами, с пришептываниями сожгла волосы и ногти, завернутые в клочок материи, а пепел собрала и велела девушке зарыть под порогом своего дома.

И что вы думаете? После этого парень стал сам не свой. Закручинился, даже с лица спал, стал каким-то кве-

лым, как в воду опущенным. Думаю, дело тут не столько в ворожбе, сколько в психологическом воздействии – слух-то доходит... Мать его пришла к девушке: «Отпусти парня! Пожалей, пропадет ведь...» А та ни в какую: «Пушай женится! Иначе ворожба не позволяет. Не будет ему житья ни с кем, кроме меня».

И ведь женился – деваться некуда. Не знаю уж, как они там жили... Думаю, не хуже других-прочих...

НЕСООТВЕТСТВИЯ

Сидим мы как-то со знакомым грузином Ираклием, потягиваем холодное пиво с воблой. Он изливает душу:

– И что это за русская женщина, не понимаю. Ну встретились, ну сошлись... Я удовольствие получил, она удовольствие получила... Думаешь – все? На другой день звонит: «Когда встретимся?» Ладно, встретились, потом еще и еще. Потом я уехал. Только приехал, она: «Люблю, соскучилась, почему не писал?» А ко мне жена должна приехать. Я ей говорю, она свое: «Давай разводишься, будем жить с тобой». Значит, если я переспал с ней, так сразу и женись? Жену бросай, детей бросай... Да если на всех жениться – султаном надо быть... Нет, я русская женщина не понимаю...

А я ему в свою очередь – о грузинских женщинах. Был я как-то в Грузии и видел такую картину. Еще не старая и не лишенная привлекательности грузинка ходит в черном платке, черном до пят платье и черных чулках. И это в летнюю жару! Носит траур по умершему свекру. А свекор умер десять лет назад. Но она так и будет ходить в траурном наряде до самой смерти. Даже в праздники.

Это – нормально, по-твоему?

Но Ираклий никакого несоответствия в этом не видел: «Но это же хорошо! Значит, она уважает свой свекор, соблюдает обычай. Значит, она верная жена своему мужу. Как ты не понимаешь?»

Я это к тому, что нельзя подходить со своими мерками к жизни другого народа. Как говорят у русских, в чужой монастырь со своим уставом не суйся!

Другой мой знакомый, осетинский писатель, рассказывал. Как-то осетинка вышла замуж за ингуша. Такое случалось нечасто, особенно в стародавние времена, еще до революции. Но сердцу не прикажешь – ведь живут-то рядом. Через некоторое время она заболела и умер-

ла. Люди пришли на похороны, смотрят – на лице и по всему телу синяки. Просто-напросто трупные пятна. А родственники решили, что муж забил ее до смерти. Подстерегли его в горах, когда он вышел пасти овец, взяли за горло: «Признавайся – за что ты ее убил?» Уж как он клялся, как божился: «Не убивал я ее, сама скончалась!» Не поверили, зарезали его. Тогда ингуши собрались на совет: нельзя, мол, этого так оставить, иначе проклятие падет на весь род. И началась кровная месть. Ингуши режут осетин, осетины режут ингушей... Так продолжается уже лет сто... Нынешнее поколение образованное, понимает, что на теле могут выступать трупные пятна... И все равно режут... Шанс выжить имеют только те, кто покинет родные места и уедет куда подальше...

Еще пример, на этот раз из Чечни. Какой-то крупный чиновник помог парню из своего тейпа устроиться на работу. Собственно, ему это ничего не стоило – снял трубку, позвонил, и вопрос решен. Но по чеченским обычаям с тех самых пор этот парень стал его преданным нукером. Скажем, нужно чиновнику убрать какого-то человека – чем-то не угодил или долг не отдает, или еще что. Зовет парня, угощает его, делает подарки. А потом говорит: «Надо убить такого-то». И парень идет и убивает. Даже не спрашивает, за что, почему. Если попадется – безропотно садится в тюрьму. Может и жизни лишиться. Ничего не поделаешь – таков обычай...

МАЛЯРИЙНЫЙ ПЛАЗМОДИЙ

В детстве я болел малярией. Помню, как меня трясло всего, бросало то в жар, то в холод, ломило тело, и голова наливалась свинцом. Спасался акрихином – до сих пор его горечь стоит во рту. Потом прошло, вроде бы вылечился...

Но иногда что-то накатывает. Обычно это случается весной, на мартовском солнце. Вдруг ни с того ни с сего начинает трясти, зуб на зуб не попадает. Закутываюсь в три одеяла и никак не могу согреться... Врачи говорят, какой-то плазмодий в крови остался. Он-то и дает рецидивы...

Вот так же и давняя любовь. Вроде бы давно прошла, вылечился. Ан нет! Вдруг ни с того ни с сего накатит и кружит голову, бередит сердце. Тоже, видно, какой-то плазмодий в крови остался...

ДО И ПОСЛЕ

Все, что мы делаем (я имею в виду серьезные, общественно значимые дела), можно подразделить на три категории: довременные, своевременные и послевременные.

За довременные – бьют, сажают, в лучшем случае – высмеивают и третируют.

Над послевременными – смеются и скучают.

Хороши и уместны только своевременные. Но...

Не будь довременных речей и выступлений, никогда не наступит пора своевременных. Кто-то должен это поднимать, готовить общественное мнение, напоминать власть имущим о необходимости перемен. Даже рискуя при этом нажить синяки и шишки, получить по шапке, а то и загреметь, куда Макар телят не гонял... Это потом потомки могут и похвалить, и отметить в анналах твои заслуги, даже памятник поставить – много лет спустя после твоей смерти.

Своевременные же дела и речи очень быстро переходят в разряд послевременных. Как только они становятся разрешенными – в них уже не остается никакого геройства, никакой заслуги. Зато нажиться и получить политические дивиденды на них можно. Что с успехом и делают самые ловкие и осторожные...

СТРАНА СПЕЦИАЛЬ

Мой трехлетний внук придумал сказочную страну – Специаль. Все в ней особое, «специальное», все не как у нас. Конфеты и мороженое – бесплатные, все живут хорошо, всем всего хватает, и никто никого не обижает... Даже каша там вкусная-превкусная – спецкаша и варезки не колючие – спецварезки...

Думаю, его фантазия зародилась не на пустом месте. Видимо, он наслушался разговоров взрослых о всевозможных «спецпривилегиях». (Это было в конце 80-х, когда об этом заговорили вслух.) Всех возмущало, что партноменклатура живет в специально построенных престижных домах, лечится в спецполиклиниках, отдыхает в специальных санаториях ЦК КПСС, питается в спецбуфетах и получает спецпаек.

Это и в самом деле было особое царство, своего рода государство в государстве. Даже язык в этой стране был особый – сухой, бесстрастный, состоящий из давно апробированных идеологических штампов и целых блоков.

Начало 90-х годов ознаменовалось борьбой с привилегиями. Спецбольницу отдали ветеранам, гостиницу для номенклатурных боссов – под детскую поликлинику, престижный дом возле Чеховского рынка – участникам войны в Афганистане. Добрались даже до некоторых загородных дач для высоких гостей. Но вскоре эта кампания благополучно закончилась, и все вернулось на круги своя.

Не может же в самом деле большой начальник жить, как все простые смертные, питаться в обычной столовке и лежать в общей палате с другими больными!

Нынешние привилегии – не чета прежним. И коттеджи посolidнее, в два-три этажа, с мансардами, гаражами, бассейнами, бильярдными и прочими «архитектурными излишествами». И машины – могучие, как танки, джипы с тонированными стеклами и всяческими прибабасами. И банковские счета – в долларах.

Единственно, от чего отказалась нынешняя номенклатура, – от стыдливой приставки «спец». А страна Специаль как была, так и осталась...

ИВАНУШКА-ДУРАЧОК

«Жил-был старик. И было у него три сына: двое умных, а третий – Иванушка-дурачок...»

Читаю внучке сказку, а сам размышляю над скрытой в подтексте народной мудростью. Да, во все времена среди людей были бесхитростные дурачки и умные, по-нынешнему – прагматики. Разве станет умный ночью напролет сторожить пшеницу? Он лучше закутается в тулуп и выспится. А утром что-нибудь придумает в свое оправдание. Дурачок же дрожит от холода (о тулупе он не подумал) и всю ночь не смыкает глаз... Зато именно он, Иванушка-дурачок, а не его умные братья, хватается за хвост птицу счастья – Жар-птицу...

Иванушка-дурачок, даже будучи страшно голодным, жалеет бедного зайчишку и отпускает его на волю, не подстреливает зазевавшуюся утку. Умный бы на их мольбы и внимания не обратил – самому жрать охота. Но ведь именно быстроногий заяц и резвая утка помогают потом Иванушке одолеть Кощея Бессмертного... Умный даже целей таких перед собой не ставит. Зачем ему связываться с бессмертным?

Так кто же такой Иванушка-дурачок? Это человек, не умеющий хитрить, выгадывать, как-то приспособливаться к обстоятельствам. Это тот, кто пожалеет слабого и беспо-

мощного, кто поступает в ущерб себе, как сейчас говорят – неадекватно.

Однако в итоге именно этот «божий человек» оказывается куда мудрее и дальновиднее своих умных, расчетливых братьев. Те руководствуются соображениями личной выгоды. А дурачок поступает по зову сердца. Он идет непроторенным, непредсказуемым путем и добивается куда большего.

Прагматики тоже нужны, не спорю. Без трезвого расчета, умения устраивать свои дела на свете не прожить. Тем более – в период перехода к рыночным отношениям. Но если бы не было «дурачков», жизнь наша сделалась бы совсем невыносимой. Не было бы ни бескорыстной доброты, ни самоотверженных поступков, ни людей, способных просто выслушать, помочь делом и добрым советом...

АПОКАЛИПСИС

У всех народов существуют пророчества о предстоящем конце света. В христианстве это Апокалипсис – откровение Иоанна Богослова из Нового Завета. У мусульман – ахырзаман – Конец Времени. Тот момент, когда равнины сморщатся и станут горами, а горы разглядятся. Потекут огненные реки, и небо упадет на землю. Когда сын не узнает отца, а дочь – мать... Когда протрубят горние трубы, созывая грешников на Страшный суд...

В далеком детстве мама много рассказывала мне об этом. И я верил, слушал ее с замиранием сердца и только теснее прижимался к ней. Когда немного подрос, понял, что все это – глупые сказки, призванные держать простой народ в страхе и покорности. А когда повзрослел, осознал, что это правда. Только понимать ее надо несколько иначе.

Да, апокалипсис (или ахырзаман, называй как хочешь) уже был в истории человечества, и не раз. Всемирный потоп – пусть даже он охватил не весь мир, а лишь тогдашнюю ойкумену – низменное пространство между Тигром и Евфратом... Гибель Атлантиды – пусть даже не целого континента, а цветущего, густо населенного острова в Эгейском море... Извержение Везувия и последний день Помпеи. Чем не апокалипсис для жителей мирных городов?.. Нашествия гуннов... Монгольские завоевания... Падение Казанского ханства... Да мало ли таких моментов в истории любого народа!

А что нас ожидает в будущем? Атомный апокалипсис?

Термоядерная зима и сплошной мрак над планетой? А может, экологическая катастрофа и постепенное вырождение человечества? Ведь если дело пойдет такими темпами, то где-то к середине третьего тысячелетия чуть ли не все станут дебилами, физическими или нравственными уродами... И это, пожалуй, страшнее всего.

ЛЮБОВЬ К НАЦИИ...

Любовь к нации... Она так же естественна для любого нормального человека, как любовь к матери. Но большинство выражает эту любовь не словами, а действием, своим трудом. Артисты играют на сцене, писатели пишут книги, историки изучают прошлое своего народа, архитекторы проектируют дома с элементами национальной архитектуры, строители строят их и т.д. и т.п.

Но есть определенная категория людей, которая сделала любовь к нации своей профессией. Об этом они кричат на митингах, пишут в статьях и заметках, заявляют в декларациях и резолюциях. Я давно приглядываюсь к подобным людям и пришел к выводу, что подавляющее большинство из них – люди несостоявшиеся. Обладая непомерными претензиями и колоссальным тщеславием, они так и не смогли проявить себя ни в какой другой профессии: то ли таланта не хватило, то ли образования и профессиональных знаний. А заявить о себе миру, показать, что они есть, ой как хочется...

Вот они-то и постарались встать во главе новых партий, движений и общественных организаций. Как только открылась такая возможность и за это перестали сажать, они прямо поперли изо всех щелей. В ход шло все: интриги, подсиживания, беззастенчивая самореклама, взаимные нападки... Только что созданные организации тут же раскалывались, возникали новые, ибо на всех желающих руководящих постов не хватало.

Прошло какое-то время, самодеятельный пыл угас, прежнего энтузиазма поубавилось. Выяснилось, что национальное движение – это политика, а в политике, как и в любом деле, нужны профессионалы. А для профессиональной, постоянной работы эта категория годилась меньше всего. Покричать, пошуметь, помитинговать – пожалуйста! А работать – тут нужны несколько иные качества. Новоявленные «вожди нации» перессорились друг с другом, загубили и то немногое, чего успели достичь, и сгнули в неизвестность...

ПРИНЦИП ПАСТЕРА-РЕДДИ

Как-то я прочел в одной из научных книг об открытом еще в середине XIX века фундаментальном законе природы, получившем название принципа Пастера-Редди. Формулируется он, как и все гениальное, предельно просто: все живое – только от живого.

Прочел и даже присвистнул про себя: знакомые слова! Мой покойный дед, нигде не учившийся и не имевший ни малейшего представления ни о Пастере, ни о Редди, не раз повторял то же самое. Может, только другими словами. От кошки – кошка, от собаки – собака, от пшеницы – пшеница (но никогда не рожь, как утверждал академик Лысенко), от человека – человек. И я еще мальчишкой усвоил, что закон этот не знает исключений. «Если на то не будет воли Аллаха», – добавлял дед с лукавой улыбкой.

Конечно, в отличие от деда, ученым пришлось доказывать этот закон, ставить серию тонких, остроумных опытов, бороться с существовавшими со времен средневековья теориями самозарождения жизни. Полагали, например, что в куске мяса, оставленном в теплом месте, сами собой, из «ничего», зарождаются черви, так называемые опарыши. Луи Пастер опытным путем доказал, что эти белые противные червячки с черными головками – не что иное, как личинки мясной мухи. И зарождаются они не сами собой, а лишь из отложенных мухами или занесенных вместе с пылью яичек.

Выходит, обыкновенный здравый смысл, простая крестьянская наблюдательность могут предвосхитить гениальные открытия века? И мой неграмотный дед в каком-то смысле стал ровень с великими учеными? А почему бы и нет?

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Плоский белый камушек, не большой и не маленький, как раз по руке, резким взмахом запущенный вверх (сказывается выучка мальчишеских лет!), взлетает в поднебесье и, чуть помедлив, отвесно падает вниз. Врезается в воду почти без брызг (в этом весь шик!). С бульканьем вырывается увлеченный камнем пузырь воздуха. Вслед за ним поднимается крохотный фонтанчик. Плавно расходится валик круговой волны, качнув прибрежную осоку и стебли рогоза. И снова тишь да гладь...

Не так ли и наша жизнь? Взлет. Недолгое парение в небесах. И неотвратимое падение. Был – и нет тебя. Только белый плоский камень с датами рождения и смерти, подтверждающий, что ты был на самом деле, жил на этой земле.

ГЛОТОК ПУСТЫНИ

И все же я счастливый человек! Мне довелось побывать за свою жизнь во многих местах, разных странах и континентах. В том числе и в Африке. Той самой, о которой я слышал в раннем-прераннем детстве: «А в Африке, а в Африке, на черной Лимпопо...» Тогда мне Африка представлялась почти нереальной сказочной страной. То ли есть она на самом деле, то ли нет ее... А уж о том, чтобы побывать здесь, я даже не мечтал.

...Автобус мчит по великолепной асфальтированной магистрали, ведущей от порта Касабланка в глубь материка. С разделительной полосой, указателями, заправочными и ремонтными станциями, аварийными телефонами. «Нам бы такие дороги», – вздыхают советские граждане, которых туристская фирма вывезла на экскурсию «Глоток пустыни». Поехали, правда, далеко не все, многие предпочли базар-барахолку в Касабланке.

По обеим сторонам автотрассы расстилается безжизненная, но далеко не однообразная пустыня. То десятки километров едешь через равнины мелкого бурого щебня с торчащими там и тут обломками таких же бурых скал. То начинается серый обкатанный галечник, обозначающий русла давно исчезнувших рек. Но преобладают пески: белые, как сахар, желтые, красноватые, серые, мелкие, как пыль.

Конец января, а мы даже в легких рубашках изнываем от жары. А летом температура в тени здесь держится на уровне 50-55 градусов по Цельсию, в раскаленном песке можно варить яйца вкрутую.

Пейзаж оживляют оазисы: несколько финиковых пальм, глинобитные или кирпичные домики, сады, огороды, посевы ячменя и проса. Полуголые кривоногие ребятишки с большими животами... Изможденные женщины в длинных пестрых одеяниях с обугленными от солнца лицами...

Но все это, так сказать, ожидаемая экзотика, знакомая по фильмам и передачам клуба кинопутешественников. А неожиданными для меня оказались многочисленные следы брошенного человеческого жилья: полузанесенные песком каменные ограды, скелеты прямоугольных строений, высохшие колодцы.

В ответ на наш недоуменный вопрос гид поясняет, что когда-то здесь были цветущие оазисы, жили люди. Но пустыня наступает со скоростью нескольких километров в год.

Несколько десятков тысяч лет назад большую часть нынешней Сахары занимали тропические леса и саванны. В них обитали бесчисленные звери: слоны, носороги, гиппопотамы, антилопы, зебры, жирафы. На них охотились хищники – львы, леопарды и другие, которые как-то регулировали численность копытных и не давали им слишком размножиться.

Это экологическое равновесие было нарушено появлением человека. Именно тут, в Африке, впервые в истории человечества занялись скотоводством. Разводили в основном коз и длиннорогих коров, выразительные рисунки которых сохранились на фресках Тассили, насчитывающих не менее десятка тысяч лет. Археологические раскопки показывают вспышку человеческой популяции в этих местах, благодатных по климату и обильных по корму.

Скот вытапывал траву. Человек, чтобы готовить себе пищу и согреваться холодными ночами, вырубал деревья и кустарники. А вслед за этим пересыхали родники и шло опустынивание местности. Так возникла величайшая пустыня мира – Сахара, занимающая почти 80 процентов африканского континента.

Примерно такая же картина наблюдалась и на Аравийском полуострове, и в наших среднеазиатских пустынях, – везде, где и без того хрупкое экологическое равновесие нарушалось неразумным и неосознанным вмешательством человека.

Так что глоток пустыни оказался горьким и весьма поучительным.

ДУРМАН ПОКИНУТЫХ ДЕРЕВЕНЬ

Грустное зрелище – брошенные, покинутые людьми деревни.

Сначала сюда еще навевываются жители близлежащих сел. Кто за жесткими, мелкими, червивыми яблоками брошенного сада или одичавшей малиной и смородиной. Кто за всякими хозяйственными надобностями. Выламывают оконные рамы и дверные косяки (на баньку или парник). Забирают недогнившие доски и бревна. Грузят на машины кирпичи и камни фундамента. Одним словом, мародерствуют вовсю.

А потом здесь устанавливается нежилая пугающая тиши-

на. Только ворона сердито каркает на кладбищенской березе да сорока предупреждающе протрещит.

Зеленое половодье бурьяна и крапивы скрывает разор: развалины сарая, ямы фундамента, ржавеющие остовы кровати, холодильника, мотоцикла... Куклы с оторванными головами... Кастрюли и тазы без дна... И над всем этим – тяжелый гнетущий дух заброшенного жилья – гниющей древесины, прелой соломы и глухой крапивы.

Проходит несколько лет. Ямы и канавы сглаживаются. Железяки уходят в землю. И все зарастает неизвестно откуда взявшейся дикой коноплей. Темно-зеленой, дурно пахнувшей, годной разве что на наркотическое зелье.

Ветры, дожди и пасущийся скот довершают дело, подтверждая тем самым справедливость третьего закона термодинамики: теплое остывает, сложное разрушается. И вскоре от бывшей деревни и от расположенного по соседству кладбища не остается никакого следа. Даже старожилов, помнящих, что когда-то здесь была так называемая малая деревня, и тех не остается.

Боль души моей – забытые деревни...

РАЗБИТЫЙ АНГЕЛ

Однажды, когда я возвращался из дальней поездки, наш самолет, реактивный лайнер ТУ, весь содрогнулся от сильного удара. Как будто по корпусу в носовой части кувалдой бабахнули. Пассажиры, конечно, переполошились: в чем дело? Но появившаяся вскоре миловидная стюардесса успокоила: столкнулись с какой-то птицей, видимо, вороной. Ничего страшного. Повреждений нет, все обошлось...

Это было уже на подлете, когда самолет сбавил скорость. Сели мы вполне благополучно.

Нам ничего, а птице? А может, это была и не птица вовсе, а мой персональный ангел-хранитель? На этот раз ценой собственной жизни он меня уберег. А дальше? Как я буду жить без ангела-хранителя?

ЖИВОЕ ПЛАМЯ

Как-то во время сенокоса мы с дедом ночевали на дальней делянке. Сидели у костерка, дожидаясь, пока закипит вода в прокопченном чайнике. Подкладывали сухие будылья полыни и коровьи лепешки – «кормили» пламя,

что в голой безлесной степи не так-то просто. И дед говорил, что пламя – живое, ибо постоянно нуждается в пище. Вот, например, вода. Бежит, журчит, как живая. Но зачерпни ее ведром, поставь на лавку – так и будет стоять много дней. А пламя? Без пищи тут же погаснет, умрет. Подобно всему живому, огонь зарождается только от другого пламени. «Помнишь, как у соседа стожок сгорел? Поленились, не затоптали костер как следует, не залили водой. А ночью ветер раздул угольки, пламя по сухой траве и перекинулось...»

– А как же спички?

– Ну, это когда придумали? Совсем недавно. А раньше в деревне спичек не было. Огонь берегли, холили, как малое дитя. Ночью несколько раз вставали и подкладывали полешки, чтобы, не дай Бог, не погасло. Случалось, конечно, что и гасло. Тогда брали горшок с углями и бежали за огоньком к соседям. Отсюда и пошло выражение «ут к[р]ше» – «соседи по огню» – самые близкие люди, всегда готовые выручить в трудную минуту.

И еще он говорил, что у огня есть душа, характер. Есть добрый, послушный огонь, как в этом костерке. А есть огонь, как необъезженный жеребец. Его так и называют – айгыр-ут (пламя-жеребец). Такой огонь во время пожаров слизывает целые деревни, перепрыгивает от дома к дому, даже через улицу перескакивает.

Поэтому, – продолжал дедушка, – в огонь нельзя плевать – на губах чирьи выскочат. Ни в коем случае нельзя оправляться – «оправка» отсохнет. Огонь может так отомстить – не поздоровится. И он рассказывал о пожарах, уносивших всю деревню, оставлявших без крова и пищи сотни людей.

И еще мне запомнились его рассуждения об усталости пламени. Во времена, когда пламя годами поддерживалось в очагах, люди начинали замечать, что огонь стал не тот. И вода в котлах долго не закипает, и тепло в избе не держится, и, вообще, сила у пламени не та. Значит, огонь устал, пора его менять на новый. Старый огонь по всей деревне тушили и вместо него зажигали пламя от свежего, молодого огня. Лучше всего – от молнии. Пламя от нее горячее, жаркое, долго не устает. Можно и от пожара – тоже хорошее. На худой конец – от кремня или огнива. Иногда за огнем за десятки верст ездили...

А что, пламя и в самом деле устает! В том числе и пламя страсти, пламя таланта, творчества...

КАЛЕНДАРЬ

Обрывая листки настенного календаря, надо бы чаще думать о том, что когда-нибудь, рано или поздно, каждый из нас оторвет свой последний листок.

Тогда, может, меньше было бы грязи и подлости. Зачем ловчить, обманывать, копить деньги, дрожать над золотом, если с собой в могилу ничего не унесешь – все другим достанется? Зачем хамить, грубить, портить людям жизнь, если – все там будем?

КОРНИ СЕРДЦА

Любой отъезд всегда печален.
Насильственный – невыносим.

Меня иногда спрашивают: не собираюсь ли я уехать за границу? Все же едут...

Не собираюсь. Даже в мыслях не держу. Не только потому, что боюсь не найти себе места там, а прежде всего потому, что не хочу потерять своего места здесь. Здесь я врос в землю родную корнями, годами, всем сердцем своим...

Сердце – как влажное, сочное, перемазанное черноземом корневище. Оно сплошь опутано паутиной мельчайших отростков: белых нитей, нежных, живых ответвлений, тончайших капиллярных сосудиков, пронизывающих жизнь, судьбу, землю родную, язык, всосанный с молоком матери, улицы города...

Можно рвать корни в надежде, что на новом месте отрастут новые. Но даже для юных сердец этот процесс не безболезнен. А уж в моем возрасте... Татары говорят: чем быть султаном в чужих краях, лучше быть подметкой на своей земле.

Вполне понимаю тех, кому не хочется быть подметкой, кто рвется к султанской жизни и готов ради этого хоть за тридевять земель. Вольному – воля. Не надо только никого ни удерживать, ни принуждать насильно к отъезду. Разлука с Родиной – всегда трагедия. Не лучше ли улучшать жизнь на родной земле совместными усилиями?

МУЗЫКА ПЛАМЕНИ

Как-то поздней осенью я приехал на дачу. Подморозило, но снега еще не было. В простывшем доме было полутемно, пахло мышами и казалось еще холоднее, чем на улице. Я принес из поленницы под навесом охапку березовых поленьев – сухих, чисто белых, с серебристым блес-

ком инея на сколе. Вскоре по ним заплясало пламя, горячее и уютное. Печь задышала, загудела, чугунная крышка постукивала от напора воздуха. Забыв обо всем на свете, я долго смотрел на ворожбу огня и слушал музыку пламени. В ней мне чудились пляски неандертальцев вокруг костра, их гортанные крики и хищный блеск в глазах.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ РАЗУМА

Всю жизнь я преклонялся перед разумом, доверял только ему, презирал всякую мистику и чертовщину. Но по мере накопления жизненного опыта убеждался, что одного лишь разума – как бы ни был он велик и пронизателен, недостаточно. Замечали ли вы, что «шибко умные», слишком рациональные натуры часто бывают в чем-то ограниченными? Они плохо чувствуют настроение других, не понимают юмора, намека, иносказания. Такие люди хорошо ориентируются там, где достаточно очевидных фактов. И бессильно разводят руками, если фактов не хватает.

А гениальный полководец, не имея на руках точных разведанных, интуитивно разгадывает замысел врага, предусмотрительно строит ловушку и – побеждает. Даже в такой рациональной игре, как шахматы, интуиция играет огромную роль. Там, где другой лихорадочно просчитывает варианты, гениальный игрок не столько знает, сколько чувствует, как надо ходить.

Дети и собаки подсознательно чувствуют недоброе и, как правило, безошибочно отличают хорошего человека от плохого, даже если он и маскируется изо всех сил. И женщина, не имеющая ни высокоразвитого интеллекта, ни достаточного жизненного опыта, всегда определит, где настоящее чувство, а где – имитация.

Поэт слагает стихи, полагаясь почти исключительно на «слепое» наитие, вдохновение. Спроси у него: что ты хотел этим сказать? Он только плечами пожмет. Да и что говорить? Созданный им шедевр говорит сам за себя. Причем настолько красноречиво, что сотня мудрецов-толкователей не сможет до конца вскрыть всей бездны скрытого смысла. Между прочим, истинные любители поэзии, простые читатели чувствуют эти глубины и без всяких толкований. Они в разжевывании просто не нуждаются.

Не только поэзия, но и искусство вообще, особенно музыка и живопись, апеллируют не столько к разуму, сколько к тому, что кроется «за разумом» и «под разумом». Называйте это как хотите – подсознанием, душой, эмоциональным миром, скрытыми глубинами сердца. Вот почему деятели

искусства могут вторгаться в такие сферы, перед которыми останавливается «голое», рациональное слово.

Да и в сфере науки интуиция помогает ученому прийти к открытию наиболее коротким и экономным путем. Конечно, одно не исключает другого. Скрупулезное изучение фактов, сотни, тысячи трудоемких экспериментов – все это играет свою роль в понимании предмета, осмыслении явления. Но где-то ученый сталкивается с пределом, когда строго логическое, рациональное мышление, основанное на очевидных фактах, отказывается. Фактов уйма, а что за ними – неясно. И тогда случайная вспышка мысли, озарение, произвольная игра фантазии «вдруг» рождает нетривиальное решение. Те, кто слишком держится за факты, вычисления, формальную логику, часто неспособны на длинные открытия. И наоборот, те, кто не сковывает свою фантазию, кто доверяет интуиции, поднимаются над рутинным уровнем общепринятых теорий. Короче, без фантазии, игры воображения, интуиции невозможно создание ни одной более или менее смелой гипотезы.

Конечно, далеко не все, что подсказано фантазией, может выдержать проверку на истинность. Без логики и строгого разума тут не обойтись. Но и разум может быть ограниченным, бескрылым.

ПОТЕРЯТЬ ЛИЦО

Человек остается человеком, пока он сохраняет себя как личность. Со своим внутренним миром, убеждениями, совестью. Слово «личность» происходит от слова «лицо». Сохранить себя – значит, сохранить лицо. Потерять себя – потерять лицо. Как это происходит?

Где-то пошел против совести. Сподличал, соврал, пофривил душой... Никто, может, об этом и не узнает. Во всяком случае, те, кого ты уважаешь и мнением которых дорожишь. Но при этом ты неизбежно досадливо скривись. Раз-другой – и вот уже на лице отпечаталась досадливая гримаса. Подходишь к зеркалу и видишь на лице что-то незнакомое, какие-то презрительные складочки в уголках губ. Может, со стороны и не очень заметные, но себя не обманешь. По мере того, как складки углубляются, растет и червоточинка в душе. И вот близкий, родной человек говорит тебе задумчиво: какой-то ты стал не такой... что-то в тебе изменилось...

Еще бы! Потерял лицо. Впрочем, теперь это тебя не очень и волнует. Ты уже действительно другой, не прежний...

ИТОГ ПЕРЕЖИТОГО

Сегодня опять перехватило дыхание. Боль за грудиной... Отдает в левую лопатку так, что покрываешься холодной испариной и торопливо, и в то же время боясь сделать лишнее движение, лезешь за валидолом...

Кажется, отпустило... Страшна не сама по себе боль – она уже стала привычной, а накаТЫВАЮЩИЙ одновременно ужас смерти. Черный, холодный, беспросветный. Отпускает боль – отходит, прячется куда-то и страх смерти.

Вдруг подумалось: в чем же итог пережитого, соль мудрости земной? Не в том ли, что без боли не бывает радости? Без горя, неудач, несчастий и разочарований – счастья и чувства умиротворенности?.. Так же, как без голода нет аппетита и удовольствия от вкусной еды, без холода – ощущения тепла, без усталости – приятной расслабленности. Как бы ни хотелось избежать неприятностей – не удается. Надо только помнить, что жизнь не состоит из них одних. Как говорят матросы, жизнь – тельняшка, в полосочку. Черное чередуется с белым. Белое – с черным.

Может, не такая уж это великая мудрость. Но каждый должен прийти к ней сам – на основе собственного опыта, собственных ошибок, болей и трагедий. Пока осознаешь это, глядишь – а жизнь уже кончается.

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Кого считать интеллигентным человеком? На Западе такими считают тех, кто получил диплом о высшем образовании и преуспел в какой-то области знания. Но ведь и с дипломом в кармане можно оставаться дремучим невеждой. Во всем, что выходит за рамки избранной специальности.

В России интеллигентными традиционно называли тех, кто ведет интенсивную духовную жизнь, стремится к разрешению «роковых вопросов» общественной жизни. Тех, кто готов жизнь положить за правду и превыше всего ставит поиски истины. Истины, опять же, не чисто научной, а той, что помогает изменить мир к лучшему. Истины, нужной народу, необходимой ему.

Поэтому интеллигентность и нравственность стали у нас почти что синонимами. Интеллигентный человек – тот, кто ясно видит грань, отделяющую добро от зла. Это человек с общественной совестью. И еще. Для российской интеллигенции всегда было свойственно обостренное чувство собственной вины. Вины перед народом, живущим плохо и трудно.

Сейчас положение кардинально изменилось. Сегодня любой неквалифицированный работяга получает не меньше и ест не хуже любого высокообразованного интеллигента. А уж пьет – наверняка больше. А чувство вины все равно осталось. Именно оно и толкало наших диссидентствующих интеллигентов (официальная пропаганда презрительно называла их «интеллигентами») в лагерь, в тюрьмы, «пострадать» за правду-истину, народ. Тот самый народ, который чихал на них с высокой башни.

Впрочем, если поразмыслить, вина у российской интеллигенции действительно есть. Ведь именно она, во всяком случае, ее левое крыло, втравила Россию в революцию. Сначала готовила ее в умах и душах, всячески приближала ее, звала Русь к топору. А когда русский мужик действительно взялся за топор, первой ужаснулась и забила отбой (Горький в «Несвоевременных мыслях», Короленко в «Письмах к Луначарскому» и др.). Но было поздно. Плодами революции воспользовались совсем другие, а вину опять же свалили на нее, интеллигенцию.

У нашего поколения интеллигенции идет процесс духовного прозрения, отрезвления и покаяния. У лучшей, наиболее честной части, конечно. Идет осмысление трагедии, выпавшей на долю не столько народа, сколько самой интеллигенции. Интеллигенцию опять обдурили, обвели вокруг пальца, сыграв на демократических идеалах. Когда эйфория прошла, люди, считавшие себя совестью нации и ее моральной опорой, вдруг увидели: под дымовой завесой демократических идеалов, под лозунгами борьбы с тоталитаризмом и засильем партноменклатуры к власти пришел новый тоталитаризм, новая деспотия, ничуть не уступающая прежней. А кое в чем и превосходящая ее.

Что же остается интеллигентам? Утешаться тем, что пока не сажают?

НУЖЕН ВЗГЛЯД СВЕРХУ

Политики, государственные деятели, представители властных структур находятся внутри политического процесса. Поэтому, принимая те или иные решения, они ориентируются на сиюминутную выгоду. Их можно понять: иначе не удержаться на плаву.

Но для того, чтобы принять верное, дальновидное решение, надо заглянуть хотя бы на несколько ходов вперед. Как в шахматах: пожертвовать пешку или другую фигуру, чтобы улучшить позицию в целом.

Для того, чтобы верно оценить ситуацию, надо быть не

внутри потока, бурного и мутного, а выше него или где-то в стороне. Вот почему люди, далекие от политической жизни, часто вернее оценивают расстановку сил и только пожимают плечами при виде скороспелых решений.

Истинный, большой политик тот, кто умеет хотя бы ненадолго отрешиться от текущей политической суеты и бросить взгляд сверху, с высот мировой истории и глобальных процессов современности.

ТРИ ТИПА ЛИЧНОСТИ

Есть люди, живущие прошлым. Памятью, пережитыми когда-то волнениями, любовью, счастьем, опасностями... Чаще всего это люди пожилые, пережившие разочарование, несчастье. В настоящем и будущем ничего хорошего им не светит, вот и приходится утешаться прошлым. К их числу можно отнести и тех, кто занимается прошлым в силу своей профессии: историков, архивариусов и пр. Это люди познания, коллекционирующие факты прошлого и пытающиеся их осмыслить.

Есть люди, живущие настоящим. Настоящей любовью, опасностями, удовольствиями, радостями жизни. Им подавай все сейчас, немедленно: развлечения, выпивку, вкусную еду, модную одежду, красивых женщин, приключения... Это люди ощущения, не особенно задумывающиеся ни о прошлом, ни о будущем.

И, наконец, есть люди, живущие будущим. Они отказывают себе во многих благах, многих удовольствиях ради большой цели, ради будущего. Они строят свою судьбу сами, сознательно и упорно, как архитектор планирует и возводит строение. Это люди воли, — на мой взгляд, самый притягательный тип.

Конечно, в обыденной жизни эти типы чаще всего перемешаны. В каждом есть всего помаленьку... Но какой-то преобладающий тип поведения, какую-то доминанту все равно выделить можно.

У КАЖДОГО СВОЕ ПРОШЛОЕ

Собрались однокурсники. Четверть века со дня окончания университета. Объятия, расспросы, возгласы: «Ах! Ох! Не может быть!» И, конечно же, бесконечные воспоминания: А помнишь? Неужели не помнишь? Глаза блестят, лица порозовели от возбуждения, все мысленно перенеслись на двадцать пять лет назад, в молодость — прекрасную, неповторимую.

Я слушал своих друзей и поражался тому, как индивидуально-избирательна память. Мне восторженно толкуют о событии, свидетелем и непосредственным участником которого я, несомненно, был, но которое никак не отложилось в памяти. Просто не задело сознания, а потому забылось. И наоборот, другое событие, которое врезалось мне не только в память, в подсознание, и часто вставало в кошмарных снах, прошло мимо них.

Одни и те же лица в воспоминаниях одних предстают в розовом, у других – в черном свете. А ведь жили вместе, варились в общем котле...

Выходит, сколько людей, столько и разновидностей прошлого?.. Прошлое, конечно же, одно. А вот отпечаталось оно в памяти действительно по-разному.

Нечто подобное мы видим и в трактовке исторических событий. Одни выдвигают на первый план одни факты и события. Другие – прямо противоположные. Взять хотя бы события в Чечне. Уже сейчас одни и те же явления трактуются по-разному. А что будет сто, двести лет спустя? Какой простор для самых разнообразных мнений, индивидуальных суждений! В зависимости от конъюнктуры оценки будут меняться от плюса к минусу и наоборот.

Сколько раз менялась оценка движения Шамиля, эпоса «Идегей», татаро-монгольского ига, таких исторических личностей, как, например, Гаяз Исхаки. Не зря же про Россию говорят, что это страна с самым непредсказуемым прошлым.

ПРОЗРЕНИЕ

Десять лет назад, с началом так называемой перестройки, мне, да и не только мне, казалось, что наконец-то наступило прозрение. Мы отвергли застой, партократию и ее идеологию, отвергли покорство и раболепие. Провозгласили идеалы демократии, выступили в защиту слабых, обездоленных, униженных.

Но почему же тогда жизнь с каждым днем становится не лучше, а хуже? На вздыбленных окраинах России льется кровь, слышны стоны падающих, умирающих под развалинами, под бомбами и снарядами. Толпы беженцев, лишенных крова и элементарных условий для существования, затопили страну. Немало их и в Казани. Не знаю, как другие, а я не могу смотреть в глаза детей, сидящих, протянув руки, на каменном полу продутого морозными ветрами подземного перехода... Ручонки грязные, покрытые паршой и коростой...

Кто же вызвал эту войну этносов? Почему все попытки примирения тщетны? Неужели мы не можем без сильной руки диктатора, без кнута и тюремных решеток?

Одни обвиняют во всем криминальные структуры и так называемые бандформирования. Другие во всем винят имперские амбиции России... Каждый этнос пытается склонить других на свою сторону. И каждый – одновременно и жертва, и агрессор... Люди теперь делятся на своих и чужих, «наших» и «не наших». Не с этого ли все и началось?

Когда же оно придет, прозрение?

НАСИЛИЕ ДОБРА

Молодая мамаша кормит ребенка овсянкой. А он не хочет, капризничает.

– Ешь! – На повышенных нотах, чуть не плача, требует мать. – Ну и что, что не любишь... Это очень полезная каша, тебе расти надо... Ешь, кому говорят! Ах, ты так! – взрывается она, увидев, как сынишка попытался исподтишка вывалить ложку каши на пол. – Я старалась, готовила... На чистом молоке, со сливочным маслом. Все это денег стоит... Даром что ли они достаются... Ну так я заставлю тебя есть, змееныш...

Она вкладывает в эти слова всю злость на непутевого мужа, на нищенскую зарплату, на свою неудавшуюся жизнь... И кормит малыша насильно, впихивая кашу в рот. Ребенок давится, захлебывается слезами... А потом его вырывает, что вызывает новый приступ ярости у такой симпатичной на вид мамаша. Мученицы и в то же время мучительницы.

– Это ты нарочно... Специально... Лишь бы матери насолить...

...Девочка-старшеклассница собралась в гости к подруге.

– Постой! – властным жестом останавливает ее мать. – А кофту шерстяную почему не надела? В одних колготках? Сейчас же надень теплые рейтузы! На улице вон какой холодище, осень на дворе, а она... Пока не оденешься как следует, из дома не выпущу...

– Ну что я буду ходить, как кулема, – слабо пытается возражать дочь... Сейчас никто уже такие кофты не носит... Меня подруги засмеют...

– Ничего... Пусть смеются... Зато не простудишься. Возись потом с тобой. Забыла, как в позапрошлом году две недели провалялась?

Для матери дочь – все еще та маленькая девочка,

которую надо было кутать теплым шарфом и подпоясывать поверх шубы. А дочь за последний год вон как вытянулась, заневестилась... У нее уже мальчики на уме. Вот и к подруге она собиралась не просто так, а в надежде увидиться с парнишкой из параллельного класса, при виде которого всякий раз сердце ее сладко замирает... Но в такой кофте, да еще в толстых рейтузах...

– Тогда я никуда не пойду!

– Вот и хорошо! – радуется мать. – Дома сиди. Нечего шастать невесть где... Волнуйся потом за тебя... Никогда вовремя не приходишь...

Вечер для девочки безнадежно испорчен. Кусает губы, ходит из комнаты в кухню и обратно. С ненавистью посматривает на дремлющую перед телевизором мать... И решает про себя: в следующий раз уйти из дома тайком и вообще матери ничего не говорить. Разве она что понимает!

В результате: тайная связь и ранняя неожиданная беременность...

...Взрослый сын собирается жениться на женщине с ребенком. А мать – ни в какую!

– Да ты соображаешь? Она где-то нагуляла, а ты подбирай? Мало ли вокруг девушек – чистых, порядочных? Нет, ты как хочь, а всякую б... я даже на порог не пушу...

Сын пытается уговаривать маму и так, и эдак... Но она, выросшая на домостроевских принципах, даже слушать его не желает. А ему деваться некуда, другого жилья нет и не предвидится. Приходится смириться...

А ведь какая была любовь! Такая может случиться раз в жизни, да и то не у каждого... Мать, конечно, любила сына, видела, как он переживает, но от «прынцапа» своего отступить не могла. Все надеялась, что пройдет, забудется, встретит другую. Мало ли их!

Нет, не прошло, не забылось... Сын стал попивать, задерживаться с друзьями... Прежде такой послушный, смиренный, стал огрызаться, а то и покрикивать на мать... А однажды, сев в нетрезвом виде за руль, попал в аварию. Нелепая, трагическая смерть...

Мать теперь не спит ночами... Совсем поседела. Все думает, что зря она не разрешила сыну жениться... Может, все пошло бы по-другому... Хотя бы внучек-кровиночка остался... Только – поздно...

Во всех этих случаях самый близкий, самый родной на свете человек искренне желает своему любимому чаду только добра. Но... результат получается обратным. А почему? Не потому ли, что добро, насаждаемое насильно, имеет тенденцию превращаться в свою противоположность? Как гла-

сит народная мудрость, благими намерениями устлана дорога в ад.

Казалось бы, родитель лучше знает жизнь, яснее представляет, что хорошо для ребенка, а что плохо. Но в жизни существует так называемый закон неопределенности. Согласно ему, самые добрые намерения вовсе не обязательно приводят к столь же однозначным результатам. Жизнь настолько сложна, непредсказуема, что события часто поворачивают не туда и развиваются не так, как мы рассчитываем. И то, что нам представлялось злом, оборачивается великим благом. И наоборот...

Каждый человек, в том числе и трехлетний карапуз, не желающий есть овсяную кашу, – личность. И вправе руководствоваться своим мнением, своим отношением, вкусами и пристрастиями... Пусть он ошибается, делает себе же хуже. Но он должен понять это сам, дойти своим умом. Человек потому и человек, что не только может, но и должен пройти через ошибки, заблуждения, разочарования... Пройти свой путь сам. И жизнь наглядно убеждает, что чаще всего, не пройдя через испытание горем, несчастьем, невозможно обрести и счастье. Так что попытки родителей «спрямить» этот путь и помочь своим чадам обрести «истинное счастье», минуя все трудности и испытания, заранее обречены на провал.

Зря мамаша убивается, что ее дочка «принесла в подол». Пройдет какое-то время, и ее дочь, умудренная нелегким опытом жизни, обретет свое счастье, построит крепкую семью. А вот соседская дочка, так удачно, казалось бы, «выскочившая» за богатого, вскоре разведется и пойдет «по рукам»...

Каждый из нас совершил в своей жизни немало ошибок... Сделал что-то не так, упустил счастливый шанс, не использовал все возможности. Но это наш путь! Собственный, выстраданный, единственный. Думаю, не надо бояться неверных шагов в жизни и больше доверять собственной интуиции, чем нажиму других – пусть даже самому разумному. Жизнь-то ведь наша, и прожить ее надо нам, а не кому-то другому.

СПАСИБО ДЕДУ...

На первом курсе университета я попал в пренеприятную ситуацию. Дело-то было, по нынешним меркам, пустяковое. Как комсорг группы я должен был вывести студентов на субботник. Задание – очистить от снежных завалов участок университетского двора.

Ну, вышли мы. Почти все – народ тогда был сознательный. Хотя в субботу, после восьми часов занятий, всем хочется поскорее домой – поесть, отдохнуть. Да и к семинарам готовиться надо...

И тут ко мне подбегает кто-то из наших ребят. Я, говорит, договорился с водителем снегоуборочной машины, и он согласен за небольшую сумму (извечная российская бутылка!) пройтись по двору. Идея всем понравилась. Быстренько скинулись, всучили деньги, и машина за пятьдесят минут сделала то, на что нам потребовалось бы два-три часа. Довольные, разошлись по домам.

И вот из этого-то случая принялись раздувать дело с «политической подкладкой». Кто-то «капнул» в курсовое комсомольское бюро (явно кто-то из своих – кто же еще?) Меня вызвала к себе замсекретаря бюро – симпатичная черноглазая однокурсница из параллельной группы, впервые в жизни избранная на этот пост и больше всего озабоченная тем, чтобы оправдать «столь высокое доверие». Я не мог отрицать очевидных фактов. И получил «принципиальную оценку» своего «безобразного, аполитичного, более того, соглашательского поступка».

И как она только такие слова находила! «Дискредитация идеи коммунистического субботника...» «Пренебрежение воспитательным значением мероприятия...» «Использование буржуазно-меркантильного принципа вместо привития нового, коммунистического отношения к общественному труду...» На дворе стояло начало 1950-го года, а девушка училась на отделении марксизма-ленинизма – эдакого инкубатора партийно-комсомольской элиты... Так что партийной демагогией она владела отлично.

Просто чтением нотации дело не ограничилось – мне было объявлено, что мое персональное дело выносится на очередное заседание комсомольского бюро...

Как раз в эти дни навестить меня приехал из деревни дедушка. Я ему обо всем рассказал. Хотел, мол, как лучше, а повернули вон как... Дело осложнялось тем, что в это время по университету прокатилась волна арестов. Вдруг исчезал то один студент, то другой... Брали в основном тех, кто как-то выделялся из общей массы – либо писал и печатался, либо был активистом... И кто знает, как могли повернуть мое персональное дело...

Запомнились дедушкины слова:

– Удивляться тут нечему... Что бы ты ни делал, тебя скорее всего поймут не так, истолкуют твои намерения совсем иначе, найдут тайные умыслы там, где их никогда не было. Это – закон жизни. Ты вступаешь в самостоя-

тельную жизнь, а она не всегда гладит по головке. Чаше бьет под дых...

Мне тогда было не до философии. «Хорошо, говорю, а что мне сейчас-то делать? Может, пойти в партком? Рассказать, как было дело? Ведь идея-то не моя, ее поддержали все...»

– Ни в коем случае! – отвечает дедушка. – Никого больше не впутывай – пришьют коллективное дело... А начнешь ходить по инстанциям – ни за что не докажешь свою правоту. Ты думаешь, они тебя пожалеют, войдут в твоё положение? Нет, каждый дрожит за собственную шкуру. Боятся, что его обвинят в мягкотелости...

Дедушка в своё время прошёл через «раскулачивание» и на себе испытал все прелести нашей системы. И смог дать мне единственно разумный совет: тебе, говорит, надо на какое-то время исчезнуть. Те, кто в тридцать седьмом году уехал в Среднюю Азию, ещё куда-нибудь – остались целы... Ты думаешь, им лично ты нужен? Нет, им надо свою партийную принципиальность показать. Поехали со мной в деревню! Вот увидишь, за время твоего отсутствия всё утрясётся само собой.

На следующий день я пошёл в медпункт. Женщина-врач попалась добрая, умеющая войти в положение. Скажи прямо, говорит, чего ты хочешь? Освобождения от занятий? «Устал, – говорю, – переутомился (а у меня и вправду от бессонных дум и переживаний начали дрожать пальцы, в глазах мелькали черно-зелёные круги). Дайте мне справку, что я нуждаюсь в академическом отпуске». (С этим тогда было строго, прогуливать занятия никому не позволяли.)

Она и дала мне справку, что я нуждаюсь в санаторном лечении. И диагноз поставила: «Начальная стадия неврастения. (По этому поводу было немало шуточек среди моих сокурсников. Девчата даже стишок такой сочинили: «...ничего не несёт, кроме смерти, неврастеника Рафки любовь...»)

По совету врача я пошёл с этой справкой в профком. Путевку в санаторий мне, конечно, не дали – очередь, надо подавать заявление за несколько месяцев вперед. Зато в деканате мне пошли навстречу (сейчас я думаю – тоже не случайно, кое-что слышали, понимали, чем это может обернуться). Предоставили мне трехнедельный академический отпуск для поправки здоровья.

Вечером того же дня я уже ехал в поезде с дедушкой в общем вагоне. И по мере того, как удалялся от Казани, постепенно обретал спокойствие, веру в себя и вкус к жизни...

Когда вернулся в Казань, комсомольское бюро было

занято другими делами и заботами. Кого-то за это время сняли, кого-то – двинули выше... Моя знакомая, замсекретаря, при встречах виновато отводила глаза – говорили, что ей и самой за что-то крепко попало... А может, и поумнела немного... Короче, никто про мое персональное дело больше не вспоминал. Там подошла весенняя сессия, затем летние каникулы. А в начале второго курса я по совету бабушки благополучно избавился от комсоргства и в дальнейшем старался держаться подальше от руководящих постов.

Говорят, жизнь учит... Верно. А еще лучше, если попадется добрый советчик. Такой, как мой нигде не учившийся, но такой мудрый дедушка. Спасибо ему!

ОТ ДОБРА ДОБРА НЕ ИЩУТ?

Лет пятнадцать назад я побывал в Тюмени и Тюменской области, посетил дома-музеи, где жили ссыльные декабристы.

Что меня поразило и запомнилось? Хотя бы то, что дома, где они жили, сохранились до сих пор. Сложенные из толстых лиственничных бревен, они почернели, приникли к земле, но даже не покосились. Сохранилась и обстановка – письменные столы с гнутыми ножками, старинные трюмо, бюро, шкафчики из красного дерева, даже тканевая обивка бревенчатых стен.

А больше всего меня поразила одна цифра, приведенная в экспозиции музея. Оказывается, ссыльных декабристов было всего 121 человек. Пятерых повесили и 121 человека сослали в Сибирь на разные сроки.

– Может быть, только сюда, под Тюмень столько? – переспросил я. Нет, оказывается, на всю Россию. Это что же получается? Сколько работ написано о восстании 14 декабря 1825 года... Создано романов, фильмов, спектаклей... Декабристы составили целую эпоху российской истории, о которой знает любой школьник. Одна из главных и самых протяженных улиц Казани названа в честь декабристов – по ней когда-то везли ссыльных (тогда она была просто проезжим трактом, ведущим из Москвы в Сибирь). А речь-то идет, оказывается, всего о какой-то сотне с небольшим...

Да в тридцать седьмые годы по одному только делу султангалеевцев, в одной лишь нашей республике было привлечено несколько тысяч человек! Историки до сих пор не могут установить точную цифру. Причем большинство из них было приговорено к ВМН (высшей мере наказания),

и приговор без промедления был приведен в исполнение. Пострадали не только они сами, но и члены семей «врагов народа». Многих сослали в Сибирь. Однако, в отличие от декабристок, жен близко не подпустили к мужьям, даже переписку не разрешили...

Султангалеевщина – это еще громкое дело, особенно если брать в масштабах республики. Искусственно раздутое, во многом высосанное из пальца, но все же оставившее след в нашей истории. А сколько было «дел» менее громких, менее известных? Дело о «контрреволюционной религиозной организации», о «Бугульминском контрреволюционном центре», о всевозможных сфабрикованных «филиалах» «троцкистов», «бухаринцев», «зиновьевцев»... Сотни дел по одной республике... И по каждому проходят сотни, а то и тысячи человек... А в целом по стране?

Полагают, что всего от политических репрессий в нашей стране пострадало около 20 миллионов человек – это 20 таких городов, как современная Казань.

Нет, что ни говори, а прогресс все же есть... Там действительно был заговор, вышли на Сенатскую площадь тремя полками... А тут и заговоров-то никаких не было, и о том, чтобы убрать Сталина, в большинстве случаев даже не помышляли... Наоборот, верили со всей истовостью обреченных... А масштабы жертв и репрессий – просто несопоставимы...

И еще одна мысль пришла мне тогда в голову и не дает покоя до сих пор. Кто создавал тайные общества и готовил заговор против царя? В основном – высшее офицерство, дворянство, аристократия.

И чего им, спрашивается, не хватало?

Павел Иванович Пестель был сыном генерал-губернатора Сибири. Получил блестящее образование. Полковник. Пользовался неизменным успехом среди дам высшего света. Начитаннейший человек, знавший несколько иностранных языков. Командир Вятского пехотного полка. Участник войны 1812 года. Казалось бы, все у него было. Нет, надо было создавать тайные общества... И чего он добился? Повешен в тридцать с небольшим лет...

Другой декабрист, М. Орлов, в 26 лет стал генералом. Почести, богатство, крепостные, дома, поместья, квартиры в столице... И всего в одночасье лишился...

Еще один декабрист, И. Анненков, менее известен, чем два первых. Но вот что привлекло мое внимание в документах о нем. У него в доме было 150 лакеев, 14 поваров... Закатывал балы и обеды на сотни персон. В Париж ездил чаще, чем в собственное имение...

В тридцать седьмые годы тоже в основном пострадали сливки общества – партийная элита. Правда, не по своей воле. А эти – по своей. Знали ведь, на что шли – не маленькие. Презреть блестящую офицерскую карьеру, лишиться всех богатств и привилегий, даже гражданских прав, поменять дворянское звание и офицерскую честь на кандалы и каторжную работу в сибирских рудниках... Вот тебе и «презренный эксплуататорский класс»!

Логика их поступков кажется непостижимой. А почему? Потому что мы, сами того не осознавая, руководствуемся холопской логикой. А холопы на такое дело ни за что бы не пошли. С голодухи, доведенные до отчаяния – все равно помирать! – может быть. А так? От добра добра не ищут...

УЛОВКИ БЮРОКРАТА

Мне много раз приходилось иметь дело с «крапивным семенем» – нашей достославной бюрократией, и я имел возможность досконально изучить их уловки. Вот одна из них – простая и безотказная.

Настоящий бюрократ никогда не откажет сразу. Будут жаловаться, пойдут в высшие инстанции. А зачем ему лишние неприятности? Поэтому он непременно ответит: «Что ж, оставьте заявление. Рассмотрим. Изучим вопрос. Проконсультируемся... Зайдите через недельку...»

Через неделю вы приходите к нему, а он: «Я бы со всей душой, полностью согласен с вами... Сочувствую... Но...» И намекает на какие-то препятствия, на то, что «кто-то там наверху» настроен против вас (а сам об этом даже не заикался, пальцем не пошевелил). Еще раз заверив в своем полном расположении к вам, он просит зайти еще «через недельку». И ведь прекрасно знает, что через неделю уедет в длительную командировку, но об этом – ни гу-гу...

После командировки он сразу уходит в отпуск, затем какое-то время находится на больничном... После этого он целыми днями пропадает на каких-то совещаниях, и секретарша не может вас соединить с ним даже на минутку...

Короче, ваш вопрос мурыжится до тех пор, пока не отпадает сам собой – время ушло, поздно говорить об этом.

Еще об одной уловке мне рассказывал по секрету бывший работник квартбюро, много лет проработавший на каких-то второстепенных, незаметных должностях, «сделавший» квартиры не только себе, но и всем родным и знакомым, порядком нагрешивший на этом руки и благополучно

вышедший на пенсию (в то время как несколько начальников, сидевших над ним, расстались с партбилетами и угодили под суд).

– Все думают, что начальник решает все. Формально оно, конечно, так... Его подпись стоит под всеми документами, он – юридически ответственное лицо, и в случае чего к ответу привлекут именно его. Но документы готовят подчиненные. И порядок их решения тоже чаще всего определяют именно они. Что сверху положат, то и подпишет. А если не положат – так и будет лежать под сукном.

Сколько раз так бывало. Начальник говорит: дадим квартиры таким-то и таким-то. Ладно, мы что – пешки. Как начальство скажет, так и будет. И вот наступает день распределения. Приносим документы на подпись. Начальник смотрит – а где такая-то справка? Справка-то вроде пустяковая, а как без нее понесешь документы выше? Сразу завернут – непорядок. Начальник ругает нас – куда смотрели? А мы пожимаем плечами – сами просители не принесли. Не будем же мы ходить по домам? А времени уже нет – подперло. И начальник, скрепя сердце, подписывает то, что подсовываем ему мы – тут уж все с документами в порядке, комар носу не подточит...

Если короля играет свита, то решения большого начальника определяют его подчиненные.

О КАПИТАНЕ ТЕПЛОХОДА «МУСА ДЖАЛИЛЬ»

Более четырех месяцев я проплавал на теплоходе «Муса Джалиль». И все это время приглядывался к капитану, Роману Александровичу Довгалю, ныне покойному. Это был очень интересный, глубоко интеллигентный человек. Прекрасно знал английский (впрочем, для капитана дальнего плавания это неперемнное условие), отлично рисовал, вырезал, играл на пианино. С ним можно было поговорить и о музыке, и о литературе, и о новых течениях в живописи...

Самое же главное, это был решительный, волевой человек, человек действия. В будничной обстановке, когда море спокойно, все нормально и вахты идут своим чередом, он явно томился. Пытался чем-нибудь занять себя – лепил, читал, вырезал всякие фигурки, ухаживал за аквариумными рыбками, иногда просто хандрил. Но в штормовых условиях, когда море встает на дыбы и теплоход швыряет, как щепку, он весь преображался. Решения принимал мгновенно, команды отдавал четкие, ясные. Не сходил с мостика, пока не минует опасность. Точно так же он

вел себя и при проходе через узкие проливы, и при сложной швартовке. В такие минуты на него приятно было смотреть. Глаза горят, весь собран – комок решительности и нервов.

Моряки рассказывали такой случай. В одном из южных зарубежных портов надо было перешвартовать теплоход на другой причал. Акватория порта довольно сложная – вокруг кишат суда и суденышки. А вдоль береговой линии проходит магистральный нефтепровод. На него обращали особое внимание. Если ненароком заденешь – пиши пропало, будут неприятности международного масштаба, одних штрафов – на миллионы долларов.

Отчалили от пирса, подали судно немного вперед, в сторону нефтепровода. Капитан скомандовал: стоп, машина! Затем – полный назад! А «дед» (старший механик) включает «полный вперед». «Стоп!» – орет капитан. – Ты что, сдурел, такой-сякой! Полный назад!» А «дед» опять врубает «полный вперед». Бывает же так: напало на человека какое-то затмение. Он был вообще тугодум, медленно соображал. А тут то ли одурел от жары (в этих широтах в машинном отделении температура держится как в хорошей сауне), то ли перенервничал, то ли просто сказывалось вчерашнее похмелье. Разбираться некогда – до нефтепровода всего несколько метров оставалось.

Капитан кубарем скатился в машинное отделение, рывком отпихнул все еще ничего не соображающего «деда» и сам встал к управлению машиной. Вывел-таки теплоход из опасной зоны, избежал аварии.

Позднее я говорил об этом и с капитаном, и он так сформулировал закон поведения при критической ситуации – долго не раздумывать, не анализировать, не искать причин. Все это можно будет сделать потом. Действовать! Причем – немедленно. Тут нужна решительность, доходящая до жестокости. Обычные критерии поведения и моральные нормы в такой ситуации не подходят.

«Как было в войну? – вспоминал он. – Если фронт дрогнул, если кто-то, поддавшись панике, побежал назад, увлекая за собою других, что должен делать командир? Выхватить пистолет, расстрелять парочку паникеров, прибегнуть к самым экстраординарным мерам. И никто не упрекнет его потом в превышении власти, наоборот, скажут спасибо, что удержал линию фронта, спас от поражения.

В мирных условиях тоже надо действовать быстро и решительно. Можно и по морде дать. Никто потом жаловаться не будет. Потому что все понимают: иначе – хана.

ВЫВОД ЖИЗНИ

Хмурый осенний вечер. На дворе свистит ветер, раскачивая вершины деревьев, идет дождь вперемешку со снегом, темень, холод... А в комнатке Хасана Туфана на писательской даче «Лебяжье озеро» тепло, уютно. Потрескивают в печурке сухие березовые дрова. Негромко мурлычет радио. Мы с Хасаном абый попиваем душистый свежесваренный чай, беседуем о политике (это было в начале восьмидесятых годов, когда брежневский режим окончательно доказал свою неспособность вывести страну из затяжного кризиса).

И тут я задаю вопрос, который давно вертелся у меня на языке:

– Хасан абый! Вот вы прожили больше восьмидесяти лет... Знали и взлеты, и падения, и славу, и бесчестье, и тюрьму, и суму. Какой главный вывод из всего пережитого вы сделали? Так сказать, вывод жизни?

Сначала Хасан абый пытался отшутиться:

– К какому выводу приходят старики? Все к концу жизни приходят к одному: все мы смертны, все там будем...

Но потом вдруг посерьезнел и отвечал задумчиво:

– Выводов-то много... Это смотря в какой области... Вот мы с тобой говорили о политике. Сейчас-то я, конечно, остыл, а в молодости много думал об этом. Со всей серьезностью относился и к вождям, и к их политическим заявлениям. Да и время тогда было такое – аполитичность считалась одним из самых тяжких грехов.

Верил ли я в тогдашнюю идеологию? Верил. Со всей истовостью и страстью поэта. Верил и Сталину, и Кирову, и другим «вождям мирового пролетариата». Прозревал уже в лагерях, общаясь с умными людьми, которых – я уверен – там было больше, чем на воле. Прозревал медленно, мучительно, не сразу. К какому, спрашиваешь, выводу пришел? Очень простому.

Суть политики сводится, в сущности, к нехитрой схеме: каждый последующий правитель сваливает все беды, несчастья, ошибки и просчеты на того, кто был на вершине власти до него. Так было и во времена римских императоров, так было и есть и в нашей стране.

Когда к власти пришли большевики, они все беды и несчастья свалили на царя и царское правительство. И национальное угнетение, и отсталость России, и даже преступность. Все, мол, идет оттуда, это, мол, «пережитки капитализма в сознании людей». Просто и доходчиво: при царе все было из рук вон плохо, все шло не так, зато

теперь все будет хорошо. Даже в лагере иные из руководящих работников, «загремевшие» в тридцать седьмые, продолжали верить в эту схему. Казалось бы, сами пострадали, должны бы поумень. Нет, талдычат об эксплуатации человека человеком, о том, что во всем был виноват царский режим, а теперь наступила эра новой жизни и впереди нас ждут сияющие вершины коммунизма.

Конечно, были в лагерях и люди, которые ясно видели, что Сталин – сатрап почище царя. Такой полнотой власти, такой бесконтрольной возможностью распорядиться судьбами людей и их жизнью не обладал ни один из императоров.

После смерти Сталина многие вздохнули с облегчением. И я в том числе. Но ведь Хрущев, если вдуматься, в точности повторил ту же схему: взвалил все перегибы культуры, все ошибки и просчеты на Сталина. Хотя и сам был непосредственно причастен к репрессиям. В частности, на Украине. Конечно, инициатором репрессий был не он. Но неукоснительно выполнял все распоряжения из Центра. И, как говорили украинские коммунисты, скорее мог перестараться, чем недостараться. Они, конечно, выражались покрепче.

Брежнев со товарищи, свалив Хрущева, обвинил его в волюнтаризме, кумовстве, «кукурузе», припомнил кузькину мать и т.д. Та же схема!

Я-то, наверное, не доживу, но ты еще сможешь убедиться. Вот увидишь, умрет Брежнев, и на него тоже навешают всех собак. Вспомнят и «Малую землю», которую он не только не писал, но, наверное, даже не читал, и что цацки любил навешивать, и автомобили старинных марок коллекционировал. Еще и название какое-нибудь обидное для этой эпохи придумают (мы еще не знали тогда словечка «застой»). Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что правителя, пришедшего на смену Брежневу, ожидает та же участь (Горбачев тогда был где-то в тени, мы даже фамилии его не знали).

Прием нехитрый, но безотказный. Он применялся в истории великое множество раз, и всегда срабатывал как надо. Людям необходимо указать пальцем на того, кто виноват во всех их бедах, найти «козла отпущения». Узнав об этом, они успокаиваются и снова терпят – до следующего раза...

Я спросил у Хасана абый, почему он не напишет об этом. Но он только хмыкнул, убежденный, что об этом не то что писать, даже думать опасно.

ОЖИДАНИЕ КАК ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ

Анекдот: Старичку-профессору попался беспокойный сосед. Приходит за полночь, навеселе. Снимает тяжелый грязный ботинок и бах им об стенку, за которой живет профессор. Потом другой – об ту же стенку. Профессор испуганно просыпается, не может уснуть.

Терпел он, терпел, потом говорит соседу: нельзя ли, мол, потише? У меня, знаете ли, нервы... Сосед извинился и пообещал больше так не делать.

Но однажды сосед так «набрался», что забыл свои обещания. Пришел, как всегда, поздно, снял ботинок и шмяк его со всего размаху об стенку. Но вдруг вспомнил слова профессора, тихонечко снял второй ботинок и лег спать.

Под утро просыпается от стука в дверь. Открывает, а там стоит профессор в ночном белье, весь трясется:

– Когда же вы наконец второй ботинок бросите?

Анекдот верно передает муки ожидания.

Все, кто сдавал экзамены в вуз или имел к этому хоть какое-то отношение, знают: не столь мучительно пройти через «чистилище» экзаменов, сколько ждать потом результатов. Больше всего истерик, нервных срывов и выпитой валерьянки приходится именно на эти дни.

...Преступник отсидел четыре года. До окончания срока осталось не больше недели. А он, воспользовавшись удобным случаем, бежит из лагеря. И тем самым обрекает себя на новый срок, гораздо больший. А все потому, что нервы не выдержали – последние дни ожидания оказались самыми мучительными.

Искушенные в любовных уловках девушки специально опаздывают на свидание. Не так, чтобы очень, а минут на 15–20. Чтобы возлюбленный немного помучился. Больше ценить будет. Сильнее привяжется.

В искусстве дипломатии существует специальный прием: навязывание паузы. Когда стороны, казалось бы, уже пришли к соглашению, одна из сторон вдруг начинает тянуть с окончательным ответом. И требований никаких не выдвигает, и ответа не дает. Замечено, что в таких случаях другая сторона, опасаясь полного срыва переговоров, становится уступчивее.

Великим мастером навязывания подобных пауз был в свое время В.М.Молотов. Он мог тянуть с ответом неопределенно долго, не говоря ни «да», ни «нет». И добивался нужных результатов. Раздраженные его выдержкой западные дипломаты прозвали его «Молотов – Железные штаны».

К сходным приемам нередко прибегают и руководящие работники. Если, скажем, нужно высказать окончательный вердикт, начальник не спешит с ответом. Тянет, делает вид, что обдумывает. И, наконец, изрекает решение. После подобной паузы оно производит психологически более сильное впечатление, звучит весомее.

Пауза может несколько смягчить даже отрицательный ответ. Измученный долгим ожиданием проситель радуется хотя бы тому, что обрел какую-то определенность.

«ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ» ПАМЯТЬ НАРОДА

Наряду с «положительной» памятью народа о своих героях, поэтах, ученых, композиторах, певцах, есть еще и память «отрицательная». О тех, кто оставил черный след в душе народа, как говорят у татар – «Бгырен кимергн», то есть «грыз душу»

Мой неграмотный дед рассказывал мне, совсем еще мальчишке, о хане-предателе Шах-Али. Сколько вреда, слез, крови принес он татарскому народу! Будучи короткое время на казанском престоле, он распорядился залить водой пороховые погреба, утопил в Волге пушки и пищали... Позднее раскрыл врагам планы Казанской крепости, ее тайные подземные ходы и выходы. А потом во главе тридцатитысячного войска участвовал в походе Ивана Грозного против казанцев.

– Если бы не это черное предательство, – говорил дед, – врагам ни за что бы не овладеть Казанью, потому что на стороне татар были и чуваша, и горные и луговые мари, и мордва (черемисы), и башкиры, и ногайцы, и крымцы, и другие народы...

Шах-Али представлял в рассказах деда отвратительным существом – низкорослым, кривоногим, безобразным. Он замучил красавицу ханшу Сююмбике... Казнил тысячи татарских девушек и юношей, чтобы не оставлять свидетелей своих преступлений. Заносчивый со своими соплеменниками, он лебезил перед русским царем. Вползал в шатер Ивана Грозного на карачках, мел своей бородою пол, как выражался дед. Едва достигнув царского ложа, принимался лизать царю руку, показывая, что он верный пес своего господина.

Позднее, уже в студенческие годы, я рылся в исторической литературе. Многие из рассказов деда подтвердилось. Но некоторые детали (например, то, как Шах-Али вползал в шатер Ивана Грозного) я нигде больше не встречал. Они сохранились только в устной памяти народа.

Казалось бы, с тех пор столько воды утекло! Но жгучее чувство ненависти живо в душе народа до сих пор. В достопамятные годы, когда завоевание Казани трактовалось как «прогрессивный акт» в истории народа, нашлись прихлебатели, которые предлагали назвать именем Шах-Али одну из улиц Казани. Ведь он, мол, уже тогда «крепил дружбу со старшим братом – великим русским народом». Но имя предателя было окружено такой аурой презрения, что даже раболепствующие перед Москвой руководители республики не решились пойти на это.

Другой пример – имя Аксака Каратуна, «Хромого в черной шубе». По словам дедушки, это был изверг и мучитель, пытавшийся насадить среди татар христианство огнем и мечом. Такой же безобразный, жестокий и к тому же религиозный фанатик. По его указанию тех, кто принимал христианство, освобождали от рекрутчины и податей. А все эти повинности возлагали на тех, кто отказывался креститься. Приезжали в татарские аулы с ротой гренадеров. «Отказников» секли плетью – иной раз до смерти или полной инвалидности. Отбирали малолетних детей и крестили их насильно. Насиловали женщин и девушек – они, мол, все равно «нехристи», то есть нелюди. Грабили, самовольничали и объедали деревню до полного разорения. Люди бросали насиженные места и бежали в леса, степи, к башкирам, на Урал или в Сибирь. И наши предки, по словам деда, переселились тогда с берегов Волги в оренбургские степи.

Дедушка об этом рассказывал так. Прислали, мол, в деревню попа с указанием: отныне хоронить только с попом! Ну что ж, с попом так с попом! Зарыли его в могилу заживо. А сами снялись всей деревней и подались на восток в оренбургские тогда еще дикие края. Подальше от «Хромого в черной шубе».

Только приехав в Казань, я узнал настоящее имя этого изверга – Лука Конашевич. В Казанской губернии в сороковые годы XVIII века по его указанию было разрушено 418 мечетей из 536, в Сибири – 98 из 133, в Астраханской губернии – 29 из 40. На их месте была построена 241 церковь для новокрещеных. Впрочем, несмотря на все усилия Аксака Каратуна, результаты его кровавых расправ и жестокостей были более чем скромными. За 33 года миссионерской деятельности ему удалось обратить в христианство всего 14–15 тысяч татар, в основном в Тетюшском, Заинском и Мамадышском уездах. Да и эти новокрещеные, как только немного ослаб пресс, многие вскоре «отпали» от христианства.

Да, «отрицательная» память не менее живуча, чем «положительная». Поэтому те, кому наплевать на интересы своего народа, кто готов торговать языком, историей, культурой татар оптом и в розницу, – берегитесь! Проклянут не только вас, но и весь род ваш до седьмого колена...

ЭФФЕКТ СЖАТОЙ ПРУЖИНЫ

Один из законов физики гласит: действие равно противодействию. Если сжать стальную пружину, она непременно распрямится. Чем сильнее ее сожмут, тем мощнее ударит.

Закон этот действует и в человеческом обществе. Попытка смять, уничтожить кого-либо намного усиливает силу его сопротивления. Это наглядно продемонстрировала Чечня. Генеральный штаб российской армии рассчитывал, что на полный разгром чеченской армии потребуется максимум три недели.

А стоявший во главе армии генерал с птичьей фамилией готов был преподнести весть о взятии Грозного к новогоднему столу своего хозяина. И сумел убедить в этом верховную власть России. По соотношению вооруженных сил, техники, людских и прочих ресурсов так оно, наверное, и было. Но Генштаб не учел вот этого эффекта сжатой пружины. И безнадежно просчитался.

МИФ О КОММУНИЗМЕ

Армянскому радио задали вопрос:

– Можно ли в Армении построить коммунизм?

– Нет, – ответило армянское радио.

– Почему?

– Потому что Никита Сергеевич сказал, что коммунизм не за горами. А мы – за горами.

Это анекдот начала 60-х годов.

С детских лет мы твердо усвоили: социализм – это когда от каждого по способностям, каждому по труду. А коммунизм – это когда каждому по потребностям. Наш лидер Никита Сергеевич обещал построить коммунизм в нашей стране к началу восьмидесятых годов, т.е. еще двадцать лет назад. Мое поколение прекрасно помнит красочные лозунги, висевшие чуть ли не на всех перекрестках: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

На лекциях по научному коммунизму лекторы подвели под это положение теоретическую базу. Приводили цитаты из Маркса, Энгельса, Ленина... Говорили, что это будет

новая фаза в развитии человечества. Что ради этого можно пойти и на «временные лишения и жертвы», ибо великая цель оправдывает любые лишения. И мы, представьте себе, верили! Да что мы – некоторые из представителей старшего поколения верят до сих пор. Выходят на улицы со старыми лозунгами и плакатами, портретами Ленина и Сталина, всюду пытаются возродить коммунистические организации и прежние догмы.

Но давайте отрешимся от абстрактной теории и попробуем рассуждать логически, основываясь на элементарном здравом смысле. Потребности человека растут неудержимо и практически не имеют пределов. Сегодня «простой советский человек» довольствуется бараком и ситцевым отрезом в качестве премии за «ударный труд». Завтра он безмерно счастлив, переехав в однокомнатную «хрущевку» на четверых и получив «талончики на макарончики». Послезавтра ему подавай трехкомнатную, и непременно «полнометражную», на двоих. А там, глядишь, и трехэтажного коттеджа мало... Иному даже царский дворец предоставь – с мраморными лестницами, пальмами и бассейнами – и то недоволен. То же самое можно сказать насчет одежды и питания... А ведь осетрины и красной икры на всех не напасешься...

Способности же человека весьма ограничены. Если и растут, то далеко не у всех и вовсе не в такой, как потребности, геометрической прогрессии. Таким образом, «ножницы» неизбежны, и противоречие тут заложено изначально. И как это такое простое рассуждение не приходило нам в голову?

А вот религия – как мусульманская, так и христианская, всегда призывала к умеренности и самоограничению и считала, что потребности человека нельзя возводить в культ. Ни к чему хорошему это не приведет. Ведь избыточное потребление – то же варварство, кичиться им и тем более ставить целью общественного развития – дикость.

Как видим, миф о коммунизме не выдерживает элементарного критического анализа. Но это не мешает ему по-прежнему оставаться одним из самых живучих...

ОН БЕЖАЛ ВПЕРЕДИ ПАРОВОЗА...

Стою на трибуне перед переполненным залом. Встреча с читателями...

Спрашивают, как я отношусь к Горбачеву. Спрашивают не просто так, а с лукавым подтекстом. По всему видно, что спрашивающий винит Горбачева во всех нынешних

бедах. Он, мол, расшатал партию, развалил Союз, нарушил такой привычный, налаженный ритм жизни, когда у всех были и работа, и какая-никакая зарплата. Колбаса тогда стоила рубль девяносто, а водка – два восемьдесят семь, и только потом – три шестьдесят две.

Знаю. Слышал сто раз. И потому отвечаю сдержанно, но твердо. Считаю, мол, его крупным политическим деятелем, впервые посягнувшим на незыблемую до того партийную идеологию и всю советскую систему – с ее ГУЛАГами, железным занавесом, диктатом партийных органов и господством номенклатуры. Услышав нарастающий ропот – сумел-таки настроить против себя значительную часть зала! – заканчиваю: «Конечно, пророков в своем Отечестве не бывает. Но настанет время, и историки еще отдадут ему должное. Он сделал то, чего не смог сделать в свое время незабвенный Никита Сергеевич. Начал, замахнулся, но не смог довести до конца. А может, просто время тогда еще не пришло...». И рассказываю народную притчу, получившую хождение в те годы, когда Хрущева уже сняли и началось попятное движение:

«В некотором царстве, в некотором государстве было принято считать, что дважды два – шесть. И все ученые, политики, писатели, короче, весь пропагандистский аппарат с пеной у рта доказывал, что иначе и быть не может. А кто считает по-другому – отъявленные негодяи и враги народа, которых повесить мало... Что ж, шесть так шесть. Постепенно все свыклись, притерпелись и даже особо не роптали.

Но вот прошло какое-то время, и придворные говорят царю-батюшке:

– А не сделать ли нам некоторое послабление? Времена уже не те, враги притихли и непосредственной угрозы царству-государству не предвидится. А что если объявить, что дважды два не шесть, а пять?

Предложили, и сами похолодели от собственной храбрости. Но либеральные настроения дошли и до царя. Он их милостиво выслушал и согласился: «Быть посему!»

Какое тут по всей стране началось ликование! В какие фанфары ударили! Это ж надо! Новый шаг в теории и практике! Не шесть, а пять...

Но нашлись подлые людишки, которые начали сами считать и пересчитывать. И по их подсчетам – не иначе как с вражеского голоса – получалось, что дважды два не пять, а очень даже четыре. Когда об этой крамоле доложили царю, он пришел в ярость. Не умеют, нет, не умеют, мол, в нашей стране ценить новые прогрессивные веяния.

Не хотите, чтобы дважды два равнялось пяти? Так вот: отныне дважды два будет не пять и даже не шесть, а семь. Крамольники, не ожидавшие таких крутых мер, сразу прикусили языки. А кто не прикусил, тем языки вырвали. Чтоб не болтали лишнего, не мутили народ».

Закончил я тем, что если Хрущев объявил, что дважды два – пять, то Горбачев дошел до четырех. Почти...

Притча немного разрядила обстановку. Молодая часть аудитории даже заплодировала. Суть-то ведь не в цареватюшке, а в нас самих. Это мы свыклись с тем, что дважды два немного не сходится... Но самые дотошные продолжали допытываться: «Что же, у Горбачева, выходит, нет никаких недостатков? Все, что он делал, – правильно, все верно?».

Пришлось сказать и об этом. Заслуга Горбачева в том, что он несколько ослабил пресс, развязал языки, позволил обсуждать то, о чем говорить было не принято. Он выпустил джинна из бутылки, а дальше развитие пошло во многом помимо его воли и даже против его желания. Горбачев оказался в положении человека, который отпустил тормоза и побежал впереди паровоза. Все думают, что он ведет состав, указывает путь. А на самом деле паровоз толкает его в спину и заставляет бежать дальше. Быстрее, еще быстрее... И он бежит, ибо знает: стоит ему остановиться, как его просто-напросто раздавят.

В конце концов так и случилось. Стоило Горбачеву после путча гэкачепистов на мгновение остановиться в растерянности, как ему пришлось отскочить в сторону, чтобы не быть раздавленным. А поезд помчался дальше, расшвыривая в стороны осколки бывшего Союза, – уже без Горбачева. Правда, во время выборов президента в 1996 году Горбачев попытался снова вскочить на подножку, но ничего из этого не вышло – поезд ушел без него.

«ЕСТЬ МНЕНИЕ...»

Новое поколение россиян уже не понимает зловещей сути этой бюрократической формулировки. Придется пояснить. Вот, скажем, идет заседание парткома, первое после отчетно-выборного собрания. Директор только что отчитался о проделанной работе, его хвалили, о нем тепло отзывались выступающие. И вдруг присутствующий на заседании представитель райкома произносит сакраментальную фразу:

– Есть мнение отстранить директора от занимаемой должности...

И все понимают: раз «есть мнение», значит, вопрос уже

решен в высших инстанциях. А на партком этот вопрос вынесен просто так, ради игры в «партийную демократию». Большинство предпочитает «не вьякать» – себе дороже. Правда, иной раз найдется донкихот, который кинется горячо защищать заслуженного специалиста и хорошего, чуткого человека (чем-то не угодившего райкому). Его выслушают молча, отведя глаза, как будто он делает что-то неприличное. И исполняют все как приказано свыше. А потом незаметно выведут строптивца из состава парткома – не «высовывайся», не выступай, когда не просят.

Директору же наглядный урок: знай руку, которая тебя кормит. Теперь, когда он остался без работы, выбор у него небогатый: или холуйски лебезить перед начальством, или катиться вниз, в пропасть...

ПЛАМЯ И ПЕПЕЛ

Как и многие из моего поколения, я изведал всю тяжесть запретов и цензурных рогаток. Ныне они кажутся просто смешными. А мы испытали их на собственной шкуре и только горько усмехаемся, когда молодежь удивляется тупости наших бывших идеологических лидеров.

А ведь они когда-то определяли политический климат в республике. Вернее, поддерживали движение в заданном направлении. Скольких они унижали, топтали, не давали жить и дышать, довели до инфарктов, бросили в пучину алкоголизма и нищеты!

Мне, казалось бы, грех жаловаться – все же и книги выходили, и статьи печатались, и премии получал, и вообще – не спился, не потерял лицо. Но крови они и мне попортили немало. Как-то сел считать, сколько же моих статей было снято с газетных и журнальных полос, убрано из готовых сборников по распоряжению «свыше». Насчитал несколько десятков. А сколько статей безнадежно испорчено – «исправлено» по указанию М.Валеева, М.Мусина и им подобных! А сколько вообще не появилось на свет – ибо знал заранее: все равно не «пробить»!

С началом перестройки сменились идеологические ориентиры. И те, кто когда-то зажимал, не печатал, третировал как диссидента, вдруг начали передо мной заискивать: то похвалят какую-нибудь публикацию, то обронят, что они всегда мне втайне сочувствовали, только время, понимаешь ли, было такое...

Но если завтра все пойдет по-прежнему, то они будут вести себя точно так же, как раньше. Так что я не обманываюсь. Но хамить, демонстративно не здороваться, а тем

более сводить счеты не могу и не хочу. Да, когда-то мне действительно было больно. И я горел жаждой мщения. Но сейчас все перегорело. Вместо пламени остался только пепел.

ДУША И ПЛОТЬ

В аспирантские годы я жил с семьей на частной квартире невдалеке от Сосновой рощи. Ныне эти одноэтажные улочки на подходе к Савиновке снесены и вместо них построены многоэтажные дома.

У наших хозяев, тети Кати и дяди Гаврюши, была собака – настоящий цепной пес волчьей масти, со злобным лаем кидающийся на каждого, кто приблизится к воротам.

Когда я первый раз забрел сюда в поисках квартиры, он едва не загрыз меня. Молча вывернул откуда-то сбоку, едва я открыл калитку, сшиб с ног и все старался ухватить за горло. Спасло меня толстое зимнее пальто, которым я закрыл голову и шею. Выскочившие на шум хозяева еле-еле оттащили обезумевшую от ярости собаку.

Жена и двухлетний сын панически боялись пса. Задабривали его сахарными косточками, выносили объедки, и пес к ним со временем вроде бы привык. Но каждый раз, когда они выходили из дома, я их провожал и встречал. От такой собаки можно ожидать чего угодно... К счастью, это продолжалось не так уж долго.

Как-то раз, сорвавшись с цепи, пес передушил хозяйских кур (соседских, случалось, он душил и раньше). Хозяйка псу этого не простила и за стакан водки нашла мужика, который его и пристрелил.

Когда я вернулся домой, пес уже издыхал. Он лежал в луже крови, и по телу его пробегали судороги. У него даже скулить не было сил. Казалось бы, только радуйся. Но... меня поразила собачий взгляд. Прошло уже несколько десятилетий, а взгляд этот до сих пор перед моими глазами. Не просто страдающий, а по-человечески осмысленный, очищенный от всего звериного, хищного, недоброго. И уж совсем человеческими были слезы, которые одна за другой скатывались из этих полных укора глаз... Выдержать этот взгляд было невозможно – не только я, а каждый, кто тут оказался, виновато отводил глаза.

Вот я и думаю: неужели для того чтобы высветить дух, непременно надо умерщвлять плоть? И не этим ли занимались на Руси святые старцы, уходя из бренного мира в

пустынь и садясь на хлеб и воду, изнуряя плоть рубищем и веригами? А мусульманские дервиши? Они презирали материальные блага, питались черствой лепешкой, ходили в лохмотьях, принципиально отказывались от всякого имущества и мирских радостей, чтобы возвысить дух и быть тем самым ближе к Аллаху.

Выходит, есть между духом и плотью какая-то обратная связь?

УРЯК

Среди оренбургских мишарей бытует поверье об уряк. Это злобное и отталкивающее существо, нечто вроде русской ведьмы. Только ведьмы – старухи с проваленным ртом и крючковатым носом, а уряк предстает перед людьми в образе юной прекрасной женщины.

Для уряк нет преград: ни стен, ни дверей, ни окон. Чаще всего она влетает в печную трубу (чтобы предотвратить это, в татарских домах на ночь закрывают печные вьюшки). Однако это ее не останавливает, ибо уряк не телесное существо, а злой дух. А дух пролезет в любую щель, пройдет и сквозь стены.

Уряк проникает в жилище по ночам, обычно после полуночи, когда все спят. Прoberется и начнет искушать. Руки у нее холодные как лед. Губы твердые как камень. Она целует, точно мокрым снегом касается лица. И при этом ласкает так, что земля уходит из-под ног. Но ласки эти не дают удовлетворения. Наоборот, наутро человек ходит сам не свой, весь опустошенный, измученный. Бывает, что уряк доводит мужчину ночными искушениями до полного изнеможения и даже смерти. Если кто-то вдруг начинает худеть и спадать с лица, в народе говорят: не иначе как его уряк замучила.

Полагают, что уряк – это дух рано умершей или убитой молодой женщины, обиженной когда-то мужчинами и одержимой страстью отомстить всему мужскому полу. Для мести она выбирает время сна, когда человек теряет контроль над собой. Совокупляясь с мужчинами, она остается бесчувственно-холодной, хотя, согласно некоторым поверьям, и может испытывать некое хладное сладострастие.

Народная фантазия представляет уряк одновременно прекрасными, как райские девы, и ужасными, как смерть. Про чрезмерно худых, болезненных людей говорят: страшный, как уряк.

В детские годы я свято верил в миф об уряк. И

только позднее понял, что народная фантазия персонафицировала в этом образе то искушение, которое одолевает в определенном возрасте и при известных обстоятельствах (одиночество, отсутствие нормальной половой жизни и т.д.) почти каждого. Да, это действительно мука мученическая...

СТАРАЯ ДЕВА

Прямая как струнка, сухопарая... Одетая неброско, но со вкусом. Янтарный кулон, в меру наложенный макияж, короткая стрижка. Строгий взгляд, поджатые губы... Есть в ее облике что-то привлекательное, какая-то тайна. Есть и подлинная интеллигентность. Но в то же время и что-то отталкивающее: слишком умна, образованна, знает себе цену. Нахал и ловелас к такой не сунется, а мужчины попроще просто робеют.

Она выглядит моложе своих тридцати семи... Но с каждым годом это дается ей все труднее. И она понимает: давно и бесповоротно упустила свой шанс. Но все еще на что-то надеется. Да и как можно жить без надежды?

Мужчины ее поколения либо спились, либо погибли в локальных войнах и внутренних «разборках», либо сидят в тюрьмах.

Среди людей ее круга попадают и холостяки, и разведенцы. Но закоренелых холостяков в загс арканом не затащишь. А разведенцы предпочитают брать в жены тех, кто попроще и... помоложе. Кстати, ей все-таки два или три раза делали предложения. Но она отказала, так как слишком хорошо видела, что это за люди. Лучше уж вековать свой век одной, чем связываться с кем попало...

Глядя на нее, испытываешь не то чтобы жалость, но острое чувство сожаления. Пропадает великолепный человеческий материал: острый ум, образованность, хорошее воспитание, женская привлекательность (которой, правда, с каждым годом остается все меньше и меньше), по-матерински щедрое сердце (хотя это-то как раз мало кто видит). Разве не хочется ей безумства любви, порывов неуправляемой страсти – не скотской, а человеческой, красивой, романтической? Разве ей чужды заботы о самом близком, любимом человеке, не нужна опора в трудную минуту? Разве не хочется родить ребенка, вскормить грудью, вложить в него весь пыл сердца и жар души?

А она читает ночами книги по искусству Франции, старательно подкрашивает седеющие волосы и в одиночестве ходит на симфонические концерты.

ТОЛПА НА НАБЕРЕЖНОЙ

Летний праздничный вечер. На набережной Казанки возле «тарелки» цирка колышется миллионголовая пестрая толпа. Из громкоговорителей звучат праздничные гимны и бравурные марши. Они перемежаются с национальными песнями, объявлениями дикторов: «Потерялся мальчик в красной майке»... и пошловатым юмором, в который, впрочем, никто не вслушивается... Только что закончилось большое праздничное представление на Центральном стадионе. Продолжается водная регата и парад дельтапланеристов. С неба сыплются парашютисты на разноцветных парашютах, попадая точно в «блин» и вызывая восторженный гул толпы.

Кипит торговля в бесчисленных лотках, палатках, вагончиках, автолавках. На импровизированных сценах выступают коллективы художественной самодеятельности. Певцы и танцоры в национальных костюмах сменяют друг друга... Между каменными лабазами и белым бетонным забором стадиона устроили выставку собак. От оголтелого лая возбужденных псов закладывает уши. На дорожках стадиона соревнуются малыши на трехколесных велосипедах, а за них переживают их папы и мамы... Шум, крики, плач, смех...

О, это беспорядочное броуновское движение толпы! Здесь не имеет никакого значения отдельно взятая личность. В силу вступают совсем иные законы, законы больших масс. В этой пестрой толпе абсолютно не важны ни твоя профессия, ни возраст, ни имя... Не стой на дороге – затопчут. Не иди против течения – все равно не продвинешься дальше нескольких шагов. Подчиняйся инстинктам и предрассудкам толпы: так же пей из бутылок кока-колу, соки и пиво, жри сосиски и бутерброды, топчи зеленые газоны, оправляйся в кустах, швыряй в цветочные клумбы пустые бутылки, банки и пакеты... Ори утробно, когда в небе взрываются цветные огни фейерверков... Равнодушно взирай, как несколько подвыпивших верзил пристают к двум бледным от испуга девчушкам-школьницам... Старайся протиснуться поближе к парапету, откуда открывается вид на парусную регату... Выражайся покрепче, кури и смачно сплевывай на мостовую...

Короче, будь как все. А иначе будешь чужаком, на которого подозрительно косятся, могут обложить матом, в мгновение ока очистить карманы, а если поблизости не видно милиционера, то и поколотить...

Культурная столица Европы

Над Стокгольмом плывут облака... Белые, низкие, с рваными краями, готовые в любую минуту пролиться обильным коротким дождем. Когда ветер дует с моря, такой дождь случается здесь по нескольку раз на день.

Облака плывут над Старым городом с его разноцветными крышами, прихотливыми, почти сказочными старинными домами – узкими, островерхими, с мансардами и причудливыми фасадами. На первых этажах – сплошь бесчисленные магазинчики, мастерские ремесленников, крохотные кафе, ресторанчики, бары... Даже отсюда, с противоположной стороны пролива, видна пестрая толпа туристов, заполнившая улочки Старого города, и кажется, слышен разноязыкий говор.

Над Стокгольмом плывут облака и... яркие, пестро раскрашенные воздушные шары. Кстати, Стокгольм – единственная столица в Европе, где разрешен полет над городом на воздушном шаре. А это стало возможным, во-первых, потому, что город расположен на низкой равнинной местности на берегу моря. Море не просто рядом, оно как бы входит в город многочисленными заливчиками, фиордами, проливами и протоками. Город расположен на четырнадцать больших и малых островах, не считая многочисленных скалистых шхер. Отсюда, сверху хорошо видно, что примерно треть территории города занимает море. Еще треть – лесистые скалы, камни, островки дикой, почти нетронутой природы (во всяком случае, так кажется на расстоянии). И только треть занимают городские строения.

А во-вторых, в Стокгольме совсем нет небоскребов. До сих пор здесь действует закон, по которому городские здания должны быть не выше старого королевского дворца. Ведь Швеция – все еще королевство. И хотя власть короля ограничивается чисто представительскими задачами, короля здесь любят, гордятся им, при каждом удобном случае подчеркивают приверженность многовековым традициям. Впрочем, я давно уже вывел для себя такую закономерность: чем меньше у властителя власти, тем больше его любят.

Стокгольм напоминает старую часть С.-Петербурга. Только намного более ухожен, чист, почти вылизан. Улицы здесь не подметают, а моют, словно палубу корабля, с помощью специального шампуня. И с трепетной, почти мистической бережностью относятся ко всему старому. Вот,

скажем, недалеко от королевского дворца еще в средние века воздвигли туалет – нечто вроде афишной тумбы, закрывающей человека только ниже пояса. Так до сих пор и стоит. И, главное, действует... Есть, конечно, и современные платные туалеты с чудесами сантехники. Но они спрятаны под землю.

Только в Старом городе можно увидеть мощенные булыжником крутые улицы. Такие узкие, что, раскинув руки, касаешься противоположных стен. В средние века один вооруженный воин мог сдержать на такой улице натиск целого отряда. Улица извилистая – чтобы легче было прятаться от вражеских лучников. Тут каждая балка, каждый камень помнит о временах викингов – мореходов, рыбаков, землепашцев. И отважных воинов, ходивших на своих ладьях по Днепру и Волге вплоть до древней Булгарии и моря Хвалынского. Впрочем, старыми остались только стены. А внутри – современные престижные квартиры: просторные, благоустроенные, со всеми удобствами...

Стокгольм считается одним из самых красивых, экологически чистых и безопасных городов мира. Мне доводилось бывать в мрачноватом Берлине с его геометрически правильными улицами шумном, немного взбалмошном Риме, в светлых, солнечных Афинах, подавляющем своими небоскребами Нью-Йорке, где даже днем на нижних этажах не выключают света, ибо солнце не может пробиться до дна каменных ущелий. В пестром, хаотично раскиданном Стамбуле... Но Стокгольм среди всех них выделяется своей удивительной гармоничностью, спокойствием, умиротворенностью. Все здесь соизмеримо с человеком, радует глаз, рождает настроение особого душевного комфорта, как хорошая классическая музыка.

На набережных в самом центре города можно увидеть рыбаков, которые ловят на спиннинг здоровенных лососей. Значит, воды еще не отравлены. Да и воздух чист и прозрачен, хотя в Швеции немало металлургических предприятий. Этому способствует и приверженность шведов к такому экологически чистому виду транспорта, как велосипед. Возле каждого предприятия, учреждения или крупного магазина – просторные велосипедные стоянки, которые, кстати, никем не охраняются – нет необходимости. Утром и вечером после рабочего дня велосипедный поток захлестывает улицы. Есть и двухместные велосипеды, и велосипеды с детскими колясками, и грузовые, с тележками...

В достопамятные застойные времена многие наши города боролись за звание «образцового коммунистического

города». Сейчас мы уже вспоминаем об этом не иначе как с иронической улыбкой. А вот в Стокгольме все еще борются за звание... культурной столицы Европы. И для этого у города есть все основания.

Ни в одном городе, даже в Риме, я не видел столько музеев. Знаменитый и самый старый в мире Исторический музей с его спрятанной глубоко под землей импозантной Золотой комнатой, где хранятся сокровища викингов. Самый просторный (и первый!) в Европе музей под открытым небом на острове Скансен, куда со всей Швеции свезены старинные дома, сараи, амбары, предметы домашней утвари и быта... Музей естествознания... Дом бабочек в парке Хага... Музей кукол... Водный музей «Аквария»... Никакого отпуска не хватит, чтобы обойти все до единого музея...

Можно назвать еще Музей современного искусства, Национальный музей с его редкостным собранием произведений шведского искусства, Оружейную палату, где собраны образцы старинного оружия, рыцарских доспехов, великолепных королевских карет. Музей, воздвигнутый специально для поднятого со дна моря средневекового королевского парусника «Васа»... Многочисленные картинные галереи... Самой протяженной в мире картинной галереей можно назвать и стокгольмское метро, где размещены длинные полотна шведских мастеров живописи.

Знаменитый Дротнингхольмский театр, расположенный во дворце XVII века, в одном крыле которого и поныне живет королевская семья. Оперные спектакли и концерты проходят здесь «под старину», с декорациями и костюмами XVII–XVIII веков. Не менее знаменитая арена «Глубен», возвышающаяся над городом, подобно гигантскому глобусу, с залами на два десятка тысяч зрителей. Городской драматический театр, прославившийся постановками драм Ибсена... Известные на весь мир Золотой и Синий залы городской ратуши, где, в частности, проходят ежегодные вручения Нобелевских премий... Дом танца... Несколько концертных залов – классической, камерной, джазовой и современной музыки... Прославленный Королевский оперный театр, выступать в котором считают за честь лучшие голоса мира...

Общеизвестно, что Швеция – страна, где уровень жизни один из самых высоких в мире. К тому же здесь, при том же капиталистическом способе производства, социальные контрасты выражены куда менее резко, чем, например, в Соединенных Штатах. Безработные получают солидное пособие, которое может обеспечить нормальную цивилизованную жизнь. Низкооплачиваемые категории работ-

ников освобождены от налогов, зато у высокооплачиваемых налоги составляют около половины заработной платы. Предприниматели также платят в виде налогов до 60 процентов от своих доходов. Так идет перераспределение национального богатства в пользу низших слоев. На стокгольмских улицах, в кафе и ресторанах (а ресторанов в одном Стокгольме более 700) ни за что не отличишь миллионера от мусорщика. Все одеваются одинаково, да и питаются примерно так же. Этому способствует и лютеранская мораль, требующая скромности в быту и одежде. Нет здесь и «квартирного вопроса» в том виде, в каком мы пытаемся его решить на протяжении многих десятилетий. Конечно, есть квартиры более престижные и менее роскошные. Но никто не живет в трущобах, без элементарных бытовых удобств. Одним словом, богатая, обеспеченная страна.

Однако менее известно то, что в последние годы здесь уделяют все больше внимания духовным богатствам, науке и культуре.

Еще до приезда в Швецию я не раз бывал в Стокгольме – «на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме, где живет самая обыкновенная шведская семья», – вместе с героями книжки Астрид Линдгрэн Малышом и Карлсоном, который живет на крыше. И когда я бродил вечерами по оживленным улицам, я все высматривал маленький домик с зелеными ставнями и камином, в котором вечно пылает огонь. И не просто банальное пламя, а огонь настоящего искусства.

Наблюдая за шведскими школьниками, такими же веселыми, непоседливыми, озорными, как и ребята во всем мире, я вспоминал героя другой шведской писательницы Сельмы Лагерлеф – Нильса Хольгерсона («Путешествие Нильса с дикими гусями»).

По этим улицам ходили (и увековечили их своими именами) знаменитый изобретатель Альфред Нобель, ученые с мировыми именами Карл Линней, Андре Цельсий и многие другие.

Знакомые шведские журналисты иной раз с плохо скрытым лукавством спрашивали у меня, бывал ли я в Париже. И, услышав отрицательный ответ, удовлетворенно заключали:

– Вы ничего не потеряли. Париж давно уже утратил лидирующее положение в культурной жизни мира. Отныне эта роль переходит к Стокгольму. Так что считайте, что вы увидели нечто большее, чем Париж, – культурную столицу мира!

Шведская семья – модель будущего?

Уютное кафе в центре Стокгольма. Мои собеседники – шведские журналисты, с которыми я познакомился на семинаре для работников печати Татарстана, проведенном здесь в июле 1996 года. Многие из них бывали в России, немножко говорят по-русски. В крайнем случае прибегают к помощи английского, так что языкового барьера не существует. Потягивают виски с содовой, кофе. И спрашивают меня о Татарстане, поскольку представители нашей республики бывают здесь не столь уж часто: как, мол, ислам сказывается на татарской семье? И существует ли у татар многоженство?

Я отвечаю, что многоженства, конечно же, давно нет – запрещено законом. Но ислам все же сказывается. В мусульманских традициях, идущих из глубины веков, немало положительного. В частности, это проявляется в уважении к старшим, почтении к аксакалам, в более строгих нравах, требовании целомудрия женщин до брака.

Но есть в этих традициях и некоторые негативные моменты. В частности, многие мусульмане относятся к женщине как к существу если и не второго сорта, то все же в чем-то уступающему мужчине. Уступающему, как говорится в Коране, по уму, по характеру и по праву наследования.

Однако наступающая урбанизация нивелирует национальные и религиозные различия, и среди городских татар разводов ничуть не меньше, чем среди русских или людей других национальностей.

В Швеции проблемы семьи стоят не менее остро, чем у нас. Мои собеседники рассказывают, что по уровню жизни Швеция занимает одно из первых мест в мире. А по уровню рождаемости – одно из последних. В отличие от нашей страны, где женщин намного больше, чем мужчин, особенно среди старших возрастных групп, в Швеции мужчин и женщин во всех возрастных группах примерно равное количество. А вот по числу браков на тысячу человек Швеция на одном из последних мест в мире (всего пять браков на тысячу жителей). К тому же шведы вступают в брак позднее: мужчины в среднем в 28 лет, женщины – в 25 лет.

Шведы с горечью называют себя стареющей нацией: доля стариков старше шестидесяти здесь уже давно и намного превышает долю детей до пятнадцати лет. Растет число внебрачных детей. Если в 1956 году вне брака рождался каждый десятый ребенок, то в начале девяностых годов – уже каждый третий. А значит, как и у нас, в

Швеции растет безотцовщина. В результате у детей появляется чувство ущербности. А это приводит к психическим травмам и даже трагедиям.

Где же выход? Я высказываюсь в том смысле, что надо, мол, возродить многовековые традиции патриархальной семьи, опираясь на религию, нравственный опыт и обычаи своего народа. Вот, скажем, в нашей семье (а я со слов деда знаю имена своих предков до седьмого колена) никогда не было разводов. Об этом даже думать не смели. Многоженство случалось, а разводов не было.

Последнюю попытку взять вторую жену сделал мой прадед Абдулла сын Мустафы, который был сельским старостой, а значит, человеком не бедным, способным прокормить двух жен. Приглянулась ему молоденькая симпатичная вдова из байской семьи. Он уже и сватов заслал. Но этому решительно воспротивилась его первая жена. Два сына, к тому времени уже подростки, встали на сторону матери. И прадед вынужден был отступить от своего намерения. С тех пор, как рассказывает бабушка, у всех в нашей семье было только по одной жене.

Он не уставал повторять мне, что у настоящего мужчины должна быть только одна жена. Женщин может быть много, а вот жена – одна. Пусть она чем-то не нравится. Женщину, близкую сердцу и угождающую мужчине не только делом, но и телом, всегда можно найти. А вот мать своих детей – никогда. Он исходил из того, что величайшая ценность на свете – это дети. Развод – удар прежде всего по ним. В сущности, это значит оттолкнуть и потерять их. А смысл жизни он видел в ее продолжении в новых поколениях. Потерять детей – значит потерять смысл жизни, перечеркнуть самое святое, что только может быть у человека, потерять себя.

Приезжая в Казань и замечая какие-то мелкие ссоры и размолвки в семье, дед утешал меня, что это неизбежно. Мужчина, говорил он, всегда должен уступать женщине... в мелочах. А вот в главном – гнуть свою линию. Не думай, что с другой женщиной все будет по-другому. С этой ты ссоришься по одним поводам, а с другой будешь конфликтовать по другим. Главное – сохранить семью при любых обстоятельствах. Сохранить не только самому, но и детям, и внукам своим завещать делать это...

Шведы слушали меня с вежливым интересом, но соглашаться не собирались. В противовес моей концепции мне изложили модель современной шведской семьи – той, которой, по их мнению, принадлежит будущее. До этого я знал о шведском столе, шведских спичках и высококаче-

ственной шведской стали. А вот шведская семья... Что же это такое?

Суть этой концепции, как мне объяснили, заключается в том, что каждый человек в своей жизни должен сочетаться браком и создать семью как минимум трижды. Причем это касается как мужчин, так и женщин.

Мои коллеги, шведские журналисты, в этом вопросе были на редкость единодушны. Говорили вразнобой, каждый подбрасывал все новые и новые аргументы. Записей я не вел и вряд ли смогу восстановить, кто и что именно говорил. Но это и неважно. Важна суть.

Общеизвестно, говорили они, что молодые нынче рано начинают половую жизнь, познают прелести секса. Можно как угодно относиться к этому: негодовать, запрещать. Но что толку?

Возмущаться бесполезно, а главное, неплодотворно. Лучше принять это как реальный факт и попытаться как-то сгладить негативные, усилить положительные стороны. Что в этом положительного, спрашиваете? Ну, во-первых, молодые получают опыт: опыт общения, опыт семейной жизни, сексуальный опыт. Все это пригодится им в дальнейшем. Да и с точки зрения медицины, если половая жизнь начата не слишком рано (когда организм еще не окреп), она положительно воздействует на здоровье.

Вот родители и должны следить, чтобы это не произошло слишком рано. С этой целью надо проводить профилактическую работу среди юношей и девушек. К 17–18 годам они должны быть уже в состоянии сами решать вопрос: стоит ли начинать интимную жизнь, с кем, когда, и главное, уметь предохраняться. Практика показывает, что запреты не помогают. Как говорят, запретный плод сладок. Необходимо просвещение.

Я высказал свое мнение о вреде беспорядочных половых связей, особенно в ранней юности. Рассказал о так называемых «общих девочках», которые появились в казанских тусовках. Этим девочкам «не светит» в жизни ничего хорошего: они либо подцепят какую-либо заразную болезнь, либо сопьются, станут проститутками или наркоманками, либо попадут в мафиозные группировки.

А вот в этом со мной согласились и рассказали, что для Швеции это уже пройденный этап, как и сексуальная революция. Сейчас, в век СПИДа, молодые прекрасно осознают опасность случайных связей и предпочитают заводить постоянных партнеров. В подавляющем большинстве случаев брак не регистрируется, детьми не обзаводятся (шведская молодежь в этом вопросе достаточно грамотна). Но это

именно брак, получивший название «студенческого», или «пробного». Дело ведь не в штампе о регистрации, а в сути. Шведские специалисты в области семейной жизни видят в этом первом браке немало положительных сторон. Молодые набираются ума-разума, на практике осознают такие понятия, как взаимная совместимость: психологическая, сексуальная и так далее. Пройдя через пробный брак, как мужчины, так и женщины становятся более подготовленными ко второму браку, браку законному, браку для совместного воспитания детей. Этим-то и объясняется то, что шведы вступают в брак так поздно: для подавляющего большинства это не первый брак.

К этому времени они заканчивают учебу, приобретают специальность, устраиваются на постоянную работу, заводят собственное жилье, то есть создаются все необходимые предпосылки для создания нормальной семьи. Можно ли приложить к этой теперь уже законной семье требования о единобрачии? В какой-то степени, да. Но лишь до известного предела.

К сожалению, половая любовь не вечна. Как и все на свете, она со временем выдыхается, хиреет, умирает. Сказки о любви вечной и единственной, на всю жизнь остались в далеком прошлом. Психологи установили, что средняя продолжительность любви семейной пары составляет три-четыре года. Если нет детей. Каждый родившийся ребенок удлиняет этот срок еще на три-четыре года. А так как детей сейчас больше двух почти не заводят, а чаще ограничиваются одним ребенком, то срок совместной жизни в любви и согласии подсчитать нетрудно. А уж там нередко начинается сущий ад.

Шведские специалисты в области семейной жизни выступают сейчас не против разводов вообще, а против ранних разводов. Если уж сочетались вместе для того, чтобы растить и воспитывать детей, будьте добры сначала поставить их на ноги. Если вам дороги дети, не наносите им душевных травм. Не ставьте их перед невыносимым выбором между папой и мамой. Дождитесь того момента, когда ваши дети почувствуют себя взрослыми и готовыми вступить в самостоятельную жизнь. Вот тогда они уже переживают развод родителей не столь болезненно. Более того, тяготятся излишней опекой.

Если и после этого момента в семье сохраняется любовь и согласие, слава Богу. Но по большей части супруги за годы совместной жизни успевают до того надоесть друг другу, у них накапливается столько «взаимных болей, бед и обид», что они только и ждут, как бы «разбежаться».

Да, развод – это всегда трагедия. Он зачастую сопровождается склоками, взаимными имущественными и иными претензиями. Но этот вопрос у шведов строго регламентируется законодательством. Кроме того, у них входят в моду брачные контракты, когда молодые, вступая в брак, заранее договариваются, что и кому будет принадлежать в случае развода. И так, второй – законный – брак тоже распадается.

Надо ли воспринимать это как трагедию? Мужчине под пятьдесят... Женщине за сорок с небольшим... Это, конечно, не первая молодость. Но и не старость. Сейчас средняя продолжительность жизни шведских мужчин превышает 72 года, женщин – 77 лет. Так что есть еще время для создания новой семьи. Семьи не ради воспитания детей и не ради сексуального удовлетворения, а прежде всего ради душевного комфорта. Большинство шведов так и поступают. Некоторые при этом возвращаются к своей первой юношеской любви. Другие находят друга по интересам, общим склонностям, увлечениям. Не последнюю роль играет и нерастроченная нежность, стремление помогать друг другу, заботиться в трудную минуту. К этому возрасту подступают болезни, всяческие недуги. Так что люди особенно нуждаются в тепле и ласке. Выйдя на пенсию, супруги часто отправляются в совместные путешествия, смотрят и познают мир, тратят на себя накопленные деньги. Одним словом, живут не для кого-то, а для себя.

Я высказал опасение, не сказывается ли третий или какой там по счету брак на отношении к детям? Ведь дети, даже двадцати-тридцатилетние, для родителей все равно дети. У них могут возникать свои проблемы. И они так же нуждаются в любви и внимании. Но мне ответили, что шведская молодежь очень самостоятельна: она предпочитает сама улаживать возникающие проблемы и, больше того, не терпит, когда вмешиваются в ее дела.

Когда же родители жертвуют собой во имя счастья детей, не устраивают своего семейного счастья, то они вольно или невольно предъявляют к своим детям повышенные требования, ждут ответной любви, благодарности за то, что сделали для своих детей все, а в ответ, как им кажется, не получили ничего. Вот тогда неизбежно начинаются трения между родителями и взрослыми детьми, которые ни к чему, кроме усиления взаимной неприязни, не приводят. И я вынужден был с этим согласиться.

Со времени поездки в Швецию прошло уже несколько месяцев. Многие забылось, многое отступило на второй

план (впечатления о поездках, посещении музеев, театров, картинных галерей и прочего). А вот разговор все не идет у меня из головы, все тревожит, будоражит ум и сердце. На чьей же стороне правда? Какая модель лучше? Так до сих пор и не разобрался.

ЧЕТВЕРТЫЕ ПОХОРОНЫ СТАЛИНА

...На могиле кости гложет
Красногубый вурдалак¹.

А.С.Пушкин

Мне было, наверное, лет семь. Мы жили тогда в Москве. Родители взяли меня с собой на первомайскую демонстрацию. Помню длинный яркий суматошный и очень утомительный день. Гром оркестра, мельтешенье красных знамен, таких же красных транспарантов и лозунгов, бесчисленных портретов вождей (больше всего было, конечно, портретов Сталина, да и размером они, помнится, были побольше)... Долгое стояние в каких-то переулках, самодеятельные пляски, пение революционных песен. Передвижение рывками – то бегом, то шагком, то снова долгое стояние...

На Красную площадь я въехал на плечах отца. «Смотри – Сталин! Вон стоит Сталин! Смотри, смотри!» – восторженно повторял отец. Я старательно пялил глаза. Но до трибун было далеко – мы шли в левых колоннах, ближе к зданию ГУМа, и я ничего толком не разглядел. К тому же на трибуне было столько усатых, и все – в полувоенных фуражках и кителях, что я так и не разобрался, который из них Сталин.

Это не мешало мне с гордостью рассказывать потом дворовым мальчишкам:

– Я самого Сталина видел!

– Ну?! – ахали они, не зная, верить или не верить. – Какой он из себя?

– Усы – во! Фуражка... И вообще весь из себя...

И я шире расправлял плечи и выпячивал грудь, изображая вождя.

Первый раз Сталина хоронили в марте 1953 года. С величайшими почестями, траурной музыкой, речами и в

¹ *Вурдалак* – зловещее мифическое существо, встающее по ночам из могилы и пьющее кровь людей. Согласно народным поверьям, в вурдалаков оборачиваются после смерти злые, мстительные ведуны, ведьмаки, проклятые Богом и людьми. Чтобы избавиться от них, надо раскопать могилу, окропить ее святой водой, произнося слова молитвы, и вбить в труп осиновый кол. При этом обязательно надо попасть прямо в сердце вурдалака...

неимоверной давке, унесшей сотни жизней его ревностных поклонников.

Я учился на филфаке Казанского университета и, как и все, страшно переживал: что теперь будет со страной и народом, как мы будем жить без Сталина?

Все мы были комсомольцами, все дружно вставали и долго аплодировали, когда на собраниях упоминалось имя Сталина, а упоминалось оно через каждые два слова. Из-за этого собрания затягивались до глубокой ночи. Но уйти домой никто даже думать не смел – такое вот было «идейное» время.

После смерти Сталина некоторые наиболее рьяные поклонники вождя ездили в Москву на похороны. Попасть к телу им, конечно, не удалось (слава богу, хоть живы остались в этой страшной давке). Но они привезли, как величайшую святыню, зеленые еловые веточки от венков, которыми была уставлена Красная площадь.

Нас, студентов КГУ, собрали в бывшей молельне (ныне университетский музей), и мы целый день стояли в торжественном молчании. Сквозь траурную музыку слышались всхлипывания, сдвоенные рыдания. То одна, то другая слишком истовая поклонница, не выдержав духоты и чудовищного напряжения, падала в обморок... Их молча, деловито выносили. А остальные стояли, стояли... Да, всеобщее идолопоклонство не миновало и наиболее передовую, мыслящую часть общества...

Второй раз Сталина похоронили в феврале 1956 года на XX съезде КПСС. Устами незабвенного Никиты Сергеевича Хрущева «верный ученик и ближайший соратник Ленина, продолжатель учения и дела Маркса, Энгельса, Ленина, Великий вождь и учитель Коммунистической партии и советского народа» («Краткий философский словарь», М., 1954) был признан виновным в массовых репрессиях и беззакониях, гибели миллионов ни в чем не повинных людей и развенчан как политический деятель. 13 октября 1961 года мумию Сталина вынесли из мавзолея и похоронили во второй раз у Кремлевской стены.

Похороны продолжались все «великое десятилетие», пока правил Хрущев. Во всех партийных организациях страны от Калининграда до Чукотки обсуждали Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». Началась реабилитация жертв сталинских репрессий – чаще всего посмертная.

Именно тогда, как свидетельствует молва, на могиле Сталина на Красной площади стали появляться венки из колючей проволоки и таинственные буквы: ПР от ПР.

Венки уберут, буквы, высеченные на камне, сотрут, а на следующую ночь они появляются снова. Пробовали выстав- лять охрану – бесполезно. В ЦК партии долго гадали, что означают эти таинственные письма. Наконец, Никита Сергеевич обратился к старому большевику-ленинцу, отм- тавшему срок в лагерях. Он и объяснил ему смысл надпи- си: «посмертно репрессированному от посмертно реабили- тированного».

Я услышал изложение доклада Хрущева о культе личности в Воткинском районе Удмуртии, где после окончания Казан- ского университета работал корреспондентом районной газе- ты. Случилось это во время командировки в одном из отда- ленных колхозов. Как передать словами впечатление, произ- веденное докладом? Духовное потрясение, ощущение разор- вавшейся бомбы? Все не то. Дело в том, что я и раньше задумывался об этом, слышал о массовых репрессиях, по- нимал, что поколение революционеров, делавших вместе с Лениным революцию, не могло все сразу, в одночасье вдруг стать «врагами народа». Постепенно накапливалось все больше и больше фактов, подтачивавших веру в непогр- ешимость «великого вождя и учителя». Но я не давал им ходу, подавлял в душе. И вдруг – как плотину прорвало...

Впрочем, лучше всего мое тогдашнее настроение (как и настроения моих сверстников, так называемых «шестиде- сятников») передает мое юношеское стихотворение, напи- санное вскоре после этого события. Наивное, несовершен- ное в литературном отношении, но искреннее.

Районный клуб. Битком полно народу.
Старухи благочинные сидят...
Приезжий лектор, отпивая воду,
бубнит о культе личности доклад.
Читает складно – ничего не скажешь.
Вздыхают бабы: видно, голова...
А у меня на сердце муть и тяжесть,
и накаплиют горькие слова:
– Палач! Убийца! Деспот низколобий!
Рябой некоронованный царек!
И это – тот кумир, тот бог,
в кого мы поверили, как в верности залог?
Поверили с наивной простотою,
не чувствуя, не признавая ложь.
Поверили, как в самое святое,
как может верить только молодежь.
Да разве в нас беда?
Ведь неужели могли мы хоть подумать о таком,
когда мы это имя с колыбели
всосали с материнским молоком?

Когда нас трупным ядом отравляли
и радио, и школа, и печать.
И от родных отцов мы отрекались,
чтоб этим именем их палача назвать.
Обиднее не плюнуть прямо в душу.
Насмешки не придумать хуже, злей...
Теперь уже мы стали равнодушной,
а может быть, и чуточку умней.
Кто был обманут, не поверит дважды,
какие бы там громкие слова ни говорили
те, кто так отважно лягает ныне сдохнувшего льва.
И как бы нам о партии ни пели,
мы извлекли из прошлого урок.
И видим, где грызутся за портфели
и где другой рождается царек.
Неужто это называть свободой?
За то ль отцы прошли огонь и ад?
За то, чтоб лектор, отпивая воду,
читал нам лицемерный свой доклад?

Стихотворение, конечно, осталось ненапечатанным. Ведь содержащиеся в нем мысли были крамольными не только по отношению к Сталину, уже развенчанному, но и по отношению к новому, нарождавшемуся «культуку» и к его окружению, которое под громкие заклинания о «коллективном руководстве» и «повышении роли партии» сводило сче-ты друг с другом. И даже по отношению к святая святых того времени – самой партии.

Требуют комментариев и строки: «и от родных отцов мы отрекались, чтоб этим именем их палача назвать». Нет, мой отец не подвергался репрессиям, хотя, как я сейчас понимаю, грозовые тучи, вероятно, нависали и над его головой. Ведь он тогда был курсантом Военной академии РККА им.Фрунзе, в которой в конце тридцатых годов пересажали половину преподавателей и многих слушателей. Просто мне доводилось участвовать в комсомольских собраниях, на которых дети репрессированных отрекались от своих отцов во имя другого отца – «отца народов». И делали это, как мне казалось, вполне искренне, от души.

Во всяком случае, мой университетский товарищ, рассказав мне под большим секретом о том, что его отца репрессировали (и, вероятно, расстреляли) в 37-м, добавил:

– Мама не верит, что он был вредителем. Да и кто верит? Но я все-таки думаю, что, раз его посадили, значит, было за что. У нас зря не сажают...

Со временем он, конечно, переменял свое мнение, но это его признание глубоко запало мне в душу. Впрочем, у половины нашей группы отцы были репрессированы. На эту тему не больно-то откровенничали. Но

думаю, что большинство тоже полагало, что «у нас зря не сажают», хотя в отношении конкретно их отца произошла «роковая ошибка».

После снятия Хрущева в октябре 1964 года началось обратное движение. Сначала просто перестали упоминать имя Сталина в отрицательном контексте. Даже навязшее в зубах выражение «культ личности» исчезло из политического обихода. А потом постепенно, шаг за шагом началась реабилитация. Говорили о роли Сталина в организации победы в Великой Отечественной войне, в разгроме «троцкизма» и «правого оппортунизма», в подготовке и проведении Великой Октябрьской революции. Конечно, упоминали и об ошибках – «отступлениях от ленинских норм партийной жизни», «нарушениях законности». Но об «ошибках» говорилось все глуше, а об «успехах» и «достижениях» – все громче.

А как к этому относился народ? За исключением отдельных диссидентов и разглагольствующей по кухням интеллигенции, в общем и целом вполне одобрительно. Тоска по «сильной руке» и «порядку», наводимому «ежовыми рукавицами», в массах была настолько ощутима, что ветровые стекла чуть ли не всех грузовых и легковых автомобилей в эпоху застоя были заклеены фотографиями Сталина.

Правда, нельзя утверждать, что это происходило стихийно. Когда мы с семьей отдыхали однажды в Гаграх, я своими глазами видел, как грузинские гаишники тормозили машины, не имевшие таких портретов, и не пускали их дальше. Купи, мол, портрет Сталина (а он стоил-то всего рубль), наклеи на стекло, тогда поедешь. Покупали, наклеивали...

Весной 1985 года с приходом к власти Михаила Сергеевича Горбачева и началом так называемой перестройки начались третьи похороны. Сначала то тот, то другой печатный орган, набравшись храбрости, ставил под сомнение гениальность и прозорливость «великого вождя». После этого все с замиранием сердца ждали: что будет дальше? А ничего не было. Началась эпоха гласности. «Наверху» с явным сочувствием относились к таким демаршам. Ну и пошло-поехало... Наибольший вклад в дело похорон Сталина внесли, пожалуй, следующие органы печати: самый массовый и до этого считавшийся вполне официальным журнал «Огонек» под руководством Виталия Коротича, до этого мало кому известная газета «Московские новости», прежде рассчитанная исключительно на зарубежного читателя и, наконец, журнал «Дружба народов», где печатался роман Ан.Рыбакова «Дети Арбата».

Как член редколлегии журнала «Дружба народов», считаю себя в какой-то мере причастным к публикации этого романа. Помнится, на заседании редколлегии высказывались сомнения, серьезные опасения: а так ли нас поймут? Стоит ли будоражить общественное мнение? Большинство членов редколлегии, в том числе и я, высказывались все же за публикацию романа. К тому же главный редактор Сергей Алексеевич Баруздин взял всю ответственность на себя. Запомнились его слова: «Это будет последний осиновый кол в могилу палача и душегуба. После этого Сталину уже не встать из гроба...».

Обычно пронизательный Сергей Алексеевич на этот раз ошибся. Не успела улечься мощная волна общественного мнения, поднятая романами и публикациями в «Огоньке», как вновь начался отлив. Увешанные орденами и медалями пенсионеры снова выходят на площади с портретами Сталина. Во время коммунистических митингов и демонстраций (конечно, не столь многолюдных, как прежде) звучат лозунги:

– Руки прочь от Сталина!

– Не позволим обливаться грязью вождей мирового пролетариата Ленина и Сталина!

И уж совсем как в прошлые времена:

– Дело Ленина–Сталина живет и побеждает!

Да, маятник общественного мнения вновь качнулся в обратную сторону. Пожалуй, наибольшей высоты маятник просталинских, прокоммунистических настроений достиг во время выборов президента России. Президент победил с незначительным перевесом. Больше трети избирателей отдали голоса за коммунистов и тем самым доказали свою приверженность ленинско-сталинской идеологии.

Очередная волна реабилитации Сталина идет параллельно с ростом имперских амбиций, желанием возродить былую державность и могущество ныне распавшегося Советского Союза. О Сталине тоскуют те, кто жаждет твердой централизованной власти, полного подчинения личности государственному монстру, а всех малых наций и народностей – «старшему брату». Нет ничего удивительного и в том, что коммунисты смыкаются с монархистами, «патриоты» – с «державниками». И те, и другие дружно выступают за «богоизбранную» «единую и неделимую» Россию. И чем хуже живется в том или ином регионе, чем больше задерживают зарплату и пенсии, тем эти настроения сильнее.

Как-то у меня состоялся тяжелый, неприятный разговор с соседом по даче, фронтовиком, бывшим разведчиком, неоднократно контуженным, раненым и награжденным таким ко-

личеством боевых наград, что для них не хватает места на кителе. Обычно я избегаю разговоров на эту тему – зачем обострять добрые соседские отношения? Но тут избежать щекотливой темы не удалось. Я зашел навестить его после очередного приступа стенокардии. На коленях лежала газета.

– И что пишут, что пишут, – сразу начал возмущаться он. – Дескать, Сталин сажал невиновных... Да он и не знал об этом! Вы сначала разберитесь, кто сажал-то! Подсчитали, сколько миллионов он репрессировал. А сколько в войну погибло? За Родину, за Сталина? Почему об этом не пишут?

Я пытался перевести разговор на другое, как-то успокоить его. Но он уже «завелся»:

– Сталин народу всегда правду говорил! Согласен? Нет, ты скажи, согласен или нет?

Я осторожно, с максимальной тактичностью попытался напомнить ему доклад Сталина на знаменитом параде 6 ноября 1941 года перед колоннами, которые потом прямо с Красной площади отправлялись на фронт. В нем он приводил такие цифры: у нас к этому времени убито 340 тыс., пропало без вести 378 тыс., ранено 1 млн. 20 тыс. У немцев же потери убитыми, ранеными и пленными составляют 4,5 млн. человек.

На самом же деле, согласно документам из архива Министерства обороны, проверенным по спискам боевого состава Красной Армии, у нас к декабрю 1941 года насчитывалось: убитых – около 2,5 млн. человек, пленных – более 3 млн., раненых тоже намного больше, чем назвал Сталин. У немцев же к тому времени было убито и пропало без вести 200 тыс., ранено 500 тыс. человек. Так что же, Сталин не знал этого? Или сознательно лукавил?

– Тогда война шла... Надо было поднимать боевой дух армии...

– Ну что ж, – согласился я. – Допустим. А как же насчет расстрелянных в Катыни польских офицеров? Сталин не просто распорядился расстрелять тысячи ни в чем не повинных людей... Причем в мирное время, без всякой государственной или иной необходимости. (Те из польских офицеров, кому случайно посчастливилось выжить, позднее принимали непосредственное участие в войне с гитлеровцами в составе созданной у нас Польской народной армии.) Он еще взвалил вину за этот расстрел на немцев. Конечно, этот обман в конечном счете обернулся против самого Сталина, против нашего государства. Немцы пригласили на место катынских расстрелов международных экспертов и раздули невероятную пропагандистскую шумиху. Тоже ложь во спасение?

Но переубедить того, кто уверовал в легенды о мудрости и дальновидности «великого Сталина», невозможно. В ответ на его слова о роли Сталина в победе над врагом я пытался приводить неоспоримые, казалось бы, исторические факты. Сколько раз перед самым началом войны Сталина предупреждали о готовящемся нападении. И Зорге, и другие разведчики. Даже точную дату называли. Но Сталин не внял предупреждениям, верил, что его новый «друг» Гитлер не обманет, упорно продолжал требовать, чтобы наши войска «не поддавались на провокации». Не этим ли объясняются наши колоссальные потери в начальный период войны?

Ну ладно, допустим, что в начале войны он ошибся, «недоучел» коварство врага. А как было в начале 1942 года? Несмотря на данные разведки и предупреждения военных, он приказал сосредоточить все силы на московском направлении, именно тут ожидая главного удара. А немцы ударили в незащищенное подбрюшье, по Сталинграду, как об этом и предупреждала наша разведка. В результате – сокрушительный разгром, беспорядочное отступление, бесчисленные жертвы... В конце концов обстановку под Сталинградом удалось переломить. Но какой ценой! Впрочем, на море солдатской крови Сталин никогда не обращал внимание.

И только весной 1943 года Сталин дал себя переубедить. Он согласился подождать, пока немцы под Курском начнут наступление, и только после этого ответить сокрушительным контрударом. Маневр удался, а все лавры за победу под Курском достались Сталину.

Не только мой дачный сосед, но почти все фронтовики верят, что победой в Отечественную войну наш народ обязан Сталину. А начнешь говорить об ошибках и просчетах Сталина – не верят.

Как признают сегодня почти все историки, как советские, так и зарубежные, войны могло вообще не быть, если бы не сталинские репрессии конца тридцатых годов. Гитлеровские генералы предупреждали фюрера о мощи Красной Армии и об опасности войны с Россией. Но он полагал, что Красная Армия после массовых «чисток» и репрессий настолько ослаблена, что сломить ее сопротивление будет нетрудно.

Это мнение разделяют и некоторые крупные военачальники, например, такой авторитет, как маршал А.М.Василевский, который в годы войны возглавлял наш Генеральный штаб.

«Вы говорите, что без 1937 года не было бы поражений 1941-го, а я скажу больше. Без 1937 года, возможно, не было бы вообще 1941 года. В том, что Гитлер решился

на войну в 1941 году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, которая у нас произошла» (Лит.газета, 1996, 19 июня).

Удивительно, что самыми рьяными «сталинистами» являются люди старшего поколения, на собственной шкуре испытавшие все прелести сталинского режима: голод, войну, репрессии, нехватку самого необходимого, скудное, жалкое жилье... Еще более удивительно, что им удается втянуть в число своих сторонников и часть молодежи. В основном тех, кто оказался не у дел, в растерянности от развала старой идеологии и отсутствия новых идей.

В последние годы о масштабах сталинских репрессий написано немало. Однако отношение к этим фактам, как сейчас говорят, неоднозначное. Немало таких, кто действия Сталина не только не осуждает, а даже одобряет: он, мол, начальство сажал, держал его в ежовых рукавицах, а о простом народе заботился, цены снижал. При виде недавно выстроенных коттеджей злобно замечают: «Нет на вас Сталина. Он бы вам показал, где раки зимуют...».

Ну, ладно, оставим в покое пресловутый 37-й год, хотя простого народа тогда пострадало ничуть не меньше, чем высокого начальства. Обратимся к такому не менее кровавому, но менее привлекшему внимание прессы преступлению, как геноцид в отношении целых народов. В докладе Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС об этом говорится так:

«Чудовищны акты, инициатором которых был Сталин и которые являются грубым нарушением основных ленинских принципов национальной политики Советского государства. Мы имеем в виду массовую высылку из родных мест целых народов вместе с коммунистами и комсомольцами, без каких-либо исключений,— эта высылка не была продиктована никакими военными соображениями... Ни один здравомыслящий человек не поймет, как можно обвинять в изменнической деятельности целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, как можно применять против них массовые репрессии, обрекать их на бедствия и страдания за враждебные акты отдельных лиц и групп».

Оставим на совести Никиты Сергеевича постоянные оговорки о «коммунистах и комсомольцах». Если бы репрессии не коснулись коммунистов, разве от этого они стали бы менее чудовищными? Но в главном он прав. Никакая мораль, в том числе и коммунистическая, не может оправдать репрессии против целых народов. Они начались в первые

месяцы войны с высылки немцев Поволжья. Тогда в этом тоже не было особой необходимости, но все же это можно было как-то объяснить условиями войны с немцами. Но какой военной необходимостью объяснить высылку карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар? В сотрудничестве с немцами и «предательстве» обвинили поголовно всех. И тех, кто воевал в это время с немцами с оружием в руках, был награжден орденами и медалями, даже Героев Советского Союза (например, среди чеченцев и ингушей было 36 Героев Советского Союза). И членов их семей – престарелых матерей, стариков, малолетних детей. И даже еще неродившихся. Все они поголовно считались «спецпоселенцами», были ограничены и ущемлены в самых элементарных человеческих правах.

Истоки нынешнего чеченского конфликта также кроются в той чудовищной несправедливости по отношению к чеченскому народу, которую нельзя ни забыть, ни простить.

Вспомним, как происходила высылка, скажем, крымских татар. В ночь с 18 на 19 мая воинские части окружили крымские аулы. На каждые 3–5 тысяч мирных жителей выделялся один мотострелковый полк или часть МВД. На сборы предоставлялось 15 минут. Из вещей можно было захватить лишь то, что можно унести с собой. Всех спешным порядком под конвоем погрузили в эшелоны и повезли на места ссылки. Эшелоны до Узбекистана добирались более 11 суток, до Красноярского края – 3–4 недели. И все это время «спецпереселенцев» не кормили, зачастую не давали даже воды. Смертность в пути была громадной, умирали прежде всего дети. Смерть продолжала косить голодных, раздетых, неустроенных людей и после прибытия на место. Как показывают документы, за первые 18 месяцев ссылки умерло от голода и болезней 110 тысяч крымских татар, в первую очередь детей. Это составляет 46 процентов всего крымско-татарского народа.

О конкретной судьбе той или иной разбитой семьи, того или иного ребенка, задохнувшегося в душном вагоне или умершего от голода, Сталин, конечно, не знал. Но высылку санкционировал именно он. И ответственность за эти преступления тоже несет он.

Сегодня историки пытаются подсчитать, сколько же загубленных человеческих душ на совести Сталина (хотя слово «совесть» тут не очень уместно). Именно об этом и шла речь в той газете, которую читал мой сосед. Октябрьскую революцию и гражданскую войну грех валить на одного

Сталина. Он был тогда на второстепенных ролях. И голод 21-го года, вызванный не столько засухой, сколько большевистской продразверсткой, и вынужденная эмиграция интеллектуальной элиты, и массовые расстрелы в подвалах ЧК – все произошло бы и без Сталина. Как бы там ни было, население Российской империи сократилось в 1914–1924 гг. почти на 20 млн. человек.

Но вот коллективизация конца 20 – начала 30-х годов целиком и полностью лежит на его совести. Создание колхозов сопровождалось массовым раскулачиванием, расказачиванием, раскрестьяниванием. Без всякого суда и следствия, простым решением комбедов и сельсоветов более или менее зажиточных крестьян объявляли «кулаками» или «подкулачниками» и высылали в Сибирь, на Север...

Допустим, кулак «виноват» в том, что работал от зари до зари, не пьянствовал, не лодырничал, снабжал себя и страну хлебом и накопил кое-какое имущество. Ну а в чем виноваты члены его семьи? Старуха мать, малолетние дети? За что их-то ссылать и выгружать посреди снежной тайги, обрекая тем самым на верную смерть?

Сейчас никто не в состоянии точно подсчитать, сколько же было всего «раскулаченных». Ясно лишь, что счет идет на многие миллионы. Лишь по косвенным данным, сравнивая показания переписей населения и подсчитав общую убыль населения в стране, историки пришли к выводу, что сплошная коллективизация, включая искусственно вызванный голод в 1932–1933 годах, когда подчистую забирали из колхозов весь хлеб, обошелся нашей стране в 22 миллиона жизней. Жизней не высокого начальства, а простых мужиков – сеятелей, кормильцев.

Под репрессии 1935–1941 годов попало еще 20 млн. человек. Большая часть из них тоже погибла, а выжившие получили тяжелейшую моральную травму, несмываемое пятно на всю жизнь.

Отечественная война, которая во многом стала следствием агрессивной, захватнической политики Сталина и которую, как мы уже говорили, вполне можно было избежать, унесла еще 27 млн. жизней. И, наконец, массовый геноцид и послереволюционный террор унесли еще 9 млн. жизней наших людей.

Это сколько же получается? Полностью стерто с лица земли население таких мировых держав, как Франция, Германия или Англия. Если человек, пусть самый заслуженный, уважаемый, убил одного человека, надругался над одним ребенком, суд признает его убийцей и растлителем, несмотря на все его прежние заслуги. О каких же заслугах Сталина,

якобы оправдывающих все его преступления, можно говорить?

Если бы Россия сумела каким-то чудом избежать Октябрьской революции и всех последовавших за этим катаклизмов, то население России уже к середине 70-х годов достигло бы, по подсчетам демографов, 500–600 млн. человек.

Проходя утром 7 ноября мимо Парка культуры и отдыха им. Горького, я невольно попал в самую гущу демонстрантов. Их было немного, сотни две-три, но вели они себя очень воинственно: размахивали портретами Ленина и Сталина, красными флагами, нестройным хором пели революционные песни, дружно проклинали Горбачева и Ельцина, задиристо переругивались с прохожими:

– Ну и что, что сажал? Вредителей, диверсантов...

– Зато при нем порядок был! А водка тогда знаешь сколько стоила?

Некоторые, узнав меня в лицо, принимались упрекать в «отступничестве». Мол, Джалиль, о котором я писал и пишу, был коммунистом, посвящал стихи Сталину. А Мустафин...

При таких общественных настроениях вполне возможно появление нового Сталина – волевого, беспощадного к «хлюпикам» и «оппортунистам» (т.е. вечно недовольной интеллигенции), знающего «великую цель» и уверенной рукой ведущего к ней страну и народ. Может быть, этот будущий «великий вождь» уже сидит в верхних эшелонах власти, дожидаясь своего часа: какого-нибудь громкого теракта или другого чрезвычайного происшествия. А далее сценарий возможных событий уже апробирован и достаточно «обкатан» в мировой и отечественной истории: введение чрезвычайного положения, отмена всех и без того достаточно эфемерных и зыбких демократических свобод, цензура печати и массовые репрессии.

Конечно, такой сценарий воскрешения Сталина существует пока лишь как возможность, о которой все мы обязаны помнить, чтобы вовремя предупредить. Я все же надеюсь, что пик просталинских, прокоммунистических настроений уже достиг высшей точки и даже перевалил через нее. Скорее всего, маятник вот-вот качнется в обратную сторону. Этому должны способствовать уже достигнутые демократия, гласность, выборность. Не нужно никого «пропагандировать», заставлять верить в антикоммунистические идеалы. Достаточно придерживаться правды. Правды истории. Правды личности. Правды фактов...

А уж они, эти факты, пронзят сердце вурдалака, как осиновый кол. Неизбежны четвертые похороны Сталина. Надеюсь, на этот раз окончательные.

В ЭТО ТРУДНОЕ ВРЕМЯ

Как когда-то гордо говорили: «В наше славное, героическое время, время побед и новых свершений», так теперь стало дежурным штампом повторять: «В наше сложное, трудное, непростое время...». Можно подумать, что когда-то были легкие, простые, благословенные времена! Не было и не будет никогда! Каждое время по-своему трудно, по-своему непросто. Жаловаться на трудности и некрасиво, и неблагородно, потому что трудности не только неизбежны, но в известном смысле даже необходимы.

Закон физики учит, что действие равно противодействию. И мощь человеческой энергии проявляется в зависимости от того сопротивления, с которым она встречается. Чем труднее, чем яростнее сила сопротивления, тем больше возможностей для проявления человеческой воли, предприимчивости, смекалки. Иное дело, что в годы так называемого застоя мы растеряли эти качества. Привыкли жить пусть не очень богато, зато бездумно, не заботясь о будущем. Мы как тот медвежонок, что вырос в тепличных условиях неволи и привык брать корм с рук: выпусти его в лес на вольную жизнь – погибнет. Либо сдохнет от голода, не сумев добыть себе пропитание, либо попадет под пулю охотника.

Сейчас нарождается новое поколение – поколение предприимчивых, энергичных, нахрапистых молодых людей, не слишком-то отягощающих свою совесть всякими моральными категориями и даже не очень-то чтящих уголовный кодекс. Они не жалуются на трудные времена... Да и что толку жаловаться? Как сказал поэт, «времена не выбирают, в них живут и умирают».

КЛАДБИЩЕ В НОВОЙ СЛОБОДЕ

Первое воскресенье мая. Солнце, небо, облака. И деревья с набухшими почками, тянущие вверх узловатые пальцы-ветки... Запах свежей краски (красят решетки и ограды), сырой земли и сладковатого едкого дымка (жгут палые листья, ветки и прочий мусор).

Кладбище перенаселено, как старый город. А сегодня здесь народу – не протолкнешься. Чуть не каждый третий здоровается, и чуть ли не каждый второй, лежащий под могильной плитой, особенно вдоль центральной аллеи, был знаком тебе при жизни...

Землекопы копают очередную могилу. Слой черной почвы с корневищами трав и деревьев как грань между двумя мирами. В одном – пряный весенний ветер, гомонящие грачи и белые нежные облака. В другом, красно-глинистом, сыром и холодном, – наши близкие, друзья, знакомые, соседи по дому, по подъезду, по улице или городу.

Слой между жизнью и антижизнью. Что сильнее? Жизнь сильна своей одухотворенной преобразующей силой. Но и смерть не слабее, т.к. в конечном счете прибирает все и вся.

В общем, как ни крути, как ни философствуй – все там будем...

ИНФЛЯЦИЯ

Жизнь в эпоху скачущих галопом цен и неудержимой инфляции – как жизнь в осажденном городе.

Каждый, кто может, делает запасы впрок. Накупают ящиками соль, спички, муку, сахар, крупы, консервы... Намного вперед не планируют. Лишь бы продержаться год-другой, а там посмотрим... Больших покупок не делают. Не на что. Да и деньги копить невозможно – тут же обесцениваются. Далеко не ездят – тоже дорого, да и небезопасно. Стараются меньше ходить по вечерам – преступность растет вместе с ценами.

Но люди ко всему привыкают. И эта психология постепенно сделалась привычной и никого уже не удивляет. Многие махнули рукой и живут сегодняшним днем. На всю жизнь не запасешься. К тому же запасы портятся. Мука горкнет, спички сыреют, соль мокнет, в крупе заводятся черви. От стиральных порошков, рассованных по всей квартире, начинается аллергия – жестокий чих и неудержимый насморк. А бочки с бензином, хранящиеся про запас в индивидуальных гаражах, не раз загорались и взрывались, приводя к пожарам и разрушениям.

Так и живем, вернее, выживаем...

РУКИ

С детских лет запомнились слова песни в исполнении Клавдии Шульженко:

Руки, вы словно две большие птицы,
Так вы летали, так изменяли все вокруг.
Руки, как вы могли легко обвиться,
И все печали снимали вдруг.

До примитивности просто, банально, но – трогает. И главное, верно. Да, человеческие руки – поистине великое чудо природы. Эволюции потребовалось несколько десятков миллионов лет, чтобы создать их, приспособив сначала к лазанию по деревьям, хватанию за ветки (у ранних приматов). А потом, с переходом к прямохождению, к использованию орудий труда: палки, дубины, камня, кремниевого ножа.

Человеческие руки могут все: пахать землю и шлифовать алмазы, разливать расплавленную сталь и гнуть под пламенем хрупкое стекло, ласкать любимую и извлекать чудные звуки из музыкальных инструментов.

Но они же могут и хапать, и грести под себя, и бить под дых, и стрелять в затылок беззащитной жертвы.

Одни руки можно целовать в исступлении. Другие же не отмыть от вьезшейся крови.

БОЛЬШАЯ ДЕРЕВНЯ

Каждый вечер миллионы телезрителей с нетерпением припадают к «ящику»: как там в Чечне? Что заявил Клинтон на очередном выступлении перед Конгрессом? Поймали ли террористов в Париже? Каковы последствия землетрясения в Японии и наводнения в Западной Европе?

Благодаря средствам массовой информации, и прежде всего телевидению, мир все больше превращается в одну большую деревню, где все про всех знают, всем интересуются, где ни от кого ничего не скроешь. Я так и представляю себе эту всемирную деревню – огромную, со своими завалинками и крылечками, где сидят остроглазые всезнающие старухи, все примечают и комментируют...

ВЪЕЛОСЬ

За годы Советской власти и тоталитарного режима мы прошли через худшую форму рабства – рабство духа. И до сих пор все еще не можем очиститься от этого рабства. Да, выдавливаем по капле, а выдавить нужно – океан.

В ранней юности я напряженно, до головной боли размышлял о смысле жизни. Сейчас у меня голова от этого не болит, ибо твердо знаю: прежде всего человек в своей жизни должен осуществиться, реализовать себя, раскрыть свои способности и таланты. Но многие ли, умирая, могут сказать, что сделали в своей жизни все, что могли, на что были способны? Я, например, не могу...

НОРОВ ВЕЩЕЙ

*Есть у вещей свой норов, свой характер.
И чем сложнее, тем капризней нрав.*

Наша старая скороварка, всегда выручавшая нас в трудную минуту, когда неожиданно нагрянут гости или надо кормить проголодавшихся детей, могла вдруг ни с того ни с сего начать по-змеиному шипеть и злобно плевать. И жена успокаивала ее, как капризного ребенка: «Чу, чу, тихо, тихо...» Легонько постукивала по крышке, похлопывала по бокам, уменьшала огонь. И глядишь, та послушно затихает, успокаивается и в двадцать минут готовит жаркое.

А вот выдавший виды переносной телевизор работал только из-под палки. Включаешь – ни звука, ни изображения. Одно лишь шипение и полосы, бегущие по экрану. Крутишь одну рукоятку, другую. Переключаешь каналы, вертишь антенну. Полосы то убыстряются, то замедляются, шипение заменяется свистом. Но ничего похожего на изображение. Наконец, потеряв терпение, трахаешь его кулаком «по кумполу». И тут же появляется картинка и звук. Проходит какое-то время, удар забывается, и телевизор снова начинает капризничать: картинка есть – звука нет. Или наоборот: есть звук, а картинка вся перекошенная, ноги есть, а головы не видно. Приходится снова прибегать к силовым приемам. Иной раз достаточно показать кулак или сделать вид, что поднимаешься с места, чтобы телевизор испуганно заработал.

А зеленый мотороллер «Вятка», на котором мы ездили на дачу... То неделями работает безотказно. А то вдруг возьмет и остановится. Изображая из себя бывалого шофера, я продуваю карбюратор, протираю свечи, проверяю подачу топлива и масла. Все вроде в порядке. А он не заводится и все. Хоть плачь. Тогда, отодвинув меня пле-

чом, к делу приступает жена. В технике она вообще не разбирается, я по сравнению с нею профессор. Берет лаской, уговорами. «Родненький, хорошенький, миленький. Совсем ведь немного осталось... Ну что тебе стоит довезти нас до дома? А там я тебя помою с мылом, протру досуха. Обещаю!»

Я со скептической улыбкой наблюдаю эту сцену. Но стоит после этого нажать на педаль и чуть крутануть на себя рукоятку газа, как мотик заводится и послушно везет нас до дома.

Газовая же колонка на Парижской Коммуне – старая-престарая, латаная-перелатаная – работала без всякой автоматики, можно сказать, на одном честном слове. Мастера-газовики, смотревшие ее, удивлялись, как она вообще может работать – хоть всухую, хоть при слабеньком напоре. Не выносила только одного – нашего отсутствия. Приедешь после отпуска на юге или долгого отсутствия летом на даче, а она не загорается. Коробок спичек изведешь, изнервничаешься – ни в какую!

Что делать? Выход был только один: сделать вид, будто мы давно уже дома и все идет как обычно. Умыться пока холодной водой, заниматься другими делами, время от времени заглядывая и в ванную. Потом как можно небрежнее чиркнуть спичкой, поднести к трубочке, двинуть рычажком – и – ура! – загорелась. Жена грозит пальцем – тише, мол, не особенно выражай свой восторг, а то снова закапризничает...

Конечно, мы, интеллигенты, с техникой не в ладу. Какой-нибудь технарь, наверное, разговаривает по-другому. А нам приходится и заискивать, и прилаживаться к ее норову, и повторять «спасибо», «пожалуйста», «будьте так любезны...».

О ПОЛЬЗЕ ТОЧНОСТИ

Когда я работал на телевидении, произошел такой случай. Во время какой-то длинной скучной передачи оператор развлекался тем, что ловил в объектив юное личико хорошенькой помощницы режиссера. Ну и доигрался – кадр проскочил в прямой эфир, вызвав немалое удивление телезрителей.

Оператору объявили выговор за то, что «пропустил в эфир грязь». Он потом долго возмущался: какая же это грязь? Это же живое человеческое лицо – не в пример

тем постным сморщенным физиономиям, которые в это время показывали с экрана.

Так что же такое грязь? Не обязательно что-то плохое, мерзопакостное. Грязью может быть и отличный шоколад, если он размазан по новому платью. Грязью может оказаться даже золото, если крупинки его попали, скажем, между линзами телескопа. В связи с развитием производства и технологий ученые были вынуждены дать точное определение грязи. И пришли к такому выводу: грязь – это вещество не на своем месте. Просто и остроумно!

В другой раз, изнывая от скуки на каком-то совещании, я задумался: а что такое скука? Где-то я то ли слышал, то ли читал, что скука – это когда человеку сообщают ту информацию, в которой он не нуждается. Но это, пожалуй, частный случай. А точное определение я нашел у Даля: скука – это тягостное чувство от косного, праздного, недейтельного состояния души.

ОДА СМЕРТИ

Когда я вижу непробиваемую, тупую подлость, торжествующую несправедливость, когда я смотрю на важных чинуш-аппаратчиков – сытых, гладких, ухоженных, одетых в импортное шмотье и дубленки, абсолютно уверенных в своей неуязвимости (действует круговая поручка и корпоративная взаимовыручка, хотя с удовольствием могут и подставить друг друга), я с горьким злорадством думаю: но ведь на свете есть рак и инфаркт, инсульт и камни в мочевом пузыре. Интересно, что они запоют, если болезнь возьмет их за горло? Как поведут себя, когда смерть бестрепетно заглянет в их стекленеющие зрачки?

Смерть уравнивает всех – богатых и бедных, высоких и низких, всевластных и ютящихся в самом низу социальной лестницы. Все равны перед смертью. Но все же людям с чистой совестью умирать легче, чем тем, кто запятнал свою совесть несмываемой грязью. Посетит ли их в эту минуту позднее, бесполезное раскаяние?

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА

Душная угарная теснота... Пыльные герани. Пожелтевшие фотографии в общей деревянной рамке. Огромная беленая печь. Ягнята, прыгающие по саке...

Летом на дворе куры копаются в белой мучнистой пыли и голубовато-серой куче кизячной золы... Коровьи лепешки и птичий помет среди дьявольски живучей, не поддающейся вытаптыванию гусяной травки.

Но, пожалуй, самое экзотичное воспоминание (этого уж точно не знает нынешняя молодежь!) – «ту брррге клллемсе» – лепешки из мерзлой полусгнившей картошки.

В войну и в первые послевоенные годы к весне, когда подводило животы от вечно сосущего чувства голода, мы, еле дождавшись, когда слегка подтаает земля, брали лопаты и шли перекапывать огород. Изредка кое-где попадались мягкие, как кисель, черные, перезимовавшие в земле картофелины. Набирали полное ведро дурно пахнущей темно-коричневой жижи.

Мама отмывала более или менее целые картофелины в холодной воде и пекла на слегка смазанной маслом сковороде большие черные лепешки. И такими они казались вкусными – пальчики оближешь. А сейчас, пожалуй, и в рот не возьмешь.

Я часто вспоминаю об этом, когда дочь кормит внука, а он капризничает: не буду манную кашу! Не хочу котлеты... Ничего не буду. Как ни трудно сдержать себя, молчу. Зачем попрекать молодежь трудностями совсем иного времени?.. Ты еще вспомни, как на мамонтов охотились, ядовито заметит дочка. Или еще что-нибудь в том же духе.

А для нас, детей военного поколения, слова «ту брррге клллемсе» – своего рода пароль, по которому мы легко узнаем друг друга и тут же находим общий язык.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Меньше доверяйте всяким новомодным теориям, говорит в своей знаменитой книге о воспитании детей Б.Спок. И больше – своему собственному здравому смыслу. Поразительно мудрая и здравая мысль! Без всяких педагогических знаний и методов каких детей вырастили наши предки!

Это верно не только в отношении воспитания детей. Элементарный здравый смысл, жизненный опыт, чутье, инстинкт, подсказка сердца – незаменимый компас в человеческих взаимоотношениях. Например, в такой специфической области, как любовь. Теорий тут накручено много. Есть целые тома научных исследований. Но многие ли

сверяются с ними, выбирая подругу жизни? Здравый смысл и тут оказывается глубже, вернее, мудрее, надежнее самых знаменитых философских концепций, советов самых гениальных мыслителей.

КРУГ ЖИЗНИ

Жизнь каждого – замкнутый круг. Хотя на каждом отдельном отрезке он и может показаться прямой или слегка искривленной линией – восходящей или нисходящей. Линия эта может оборваться в любом месте, на подъеме или спаде. А может и продолжаться, постепенно загибаясь и замыкая круг.

Все закономерно. Придя из небытия, мы уходим в небытие, завершая свой жизненный круг. Трагедии нет. Есть только закон природы – непреложный, не знающий никаких исключений.

Легко рассуждать об этом вообще. Но когда дело касается тебя самого или твоих близких...

НЕ ЗАВИДУЙТЕ

Не завидуйте тем, кто сладко ест, мягко спит.

Убедился за долгую жизнь: самая дорогая, изысканная пища не стоит куска черствого хлеба, съеденного с отменным аппетитом и чистой совестью.

ПРОШЛОЕ – БУДУЩЕЕ

Ради чего старались большевики? Ради того, чтобы покончить с «проклятым прошлым», с его голодом, нуждой, несправедливостями... Чтобы приблизить «светлое будущее», когда не станет нищих и обездоленных, все будут равны и человек человеку станет «друг, товарищ и брат». Сегодня это звучит иронически, приходится брать в кавычки. Но когда-то ради этих лозунгов отказывались от нормальной человеческой жизни, шли на фронты гражданской войны, отдавали молодость, здоровье, жизнь...

Вот, например, Шамиль Усманов – видный писатель и драматург, большевик с дореволюционным стажем. С восемнадцати лет, будучи слесарем на одной из ткацких фабрик Акчуриных, он втянулся в революционную борьбу. Устраивал стачки, проводил митинги, организовывал красногвардейские отряды. Когда на его пути встал дво-

юродный брат, не колеблясь, собственноручно застрелил его и перешагнул через его труп (в самом прямом, буквальном смысле).

Комиссарил на фронтах гражданской войны, писал боевые пьесы-агитки, призывающие к борьбе за новую жизнь, и по праву назывался «татарским Фурмановым». Страстно мечтал о том времени (через двадцать лет после победы Октябрьской революции), когда не будет классов и классовой борьбы. Всего будет вдоволь, все будут сыты и довольны. Детей будет воспитывать общество, а не мещански ограниченная семья.

Он твердо верил, что в будущем не будет не только классов, но и такого наследия проклятого прошлого, как нации. Выступал за скорейшую латинизацию татарского алфавита, чтобы сблизить татарский народ с пролетариями всех стран. Готов был даже отказаться ради этого от родного языка и ратовал за искусственный, но зато общепонятный язык эсперанто (в память об этом одна из улиц Казани носит это название).

И вот наступило долгожданное двадцатилетие Великого Октября – 1937 год...

Его взяли в числе первых – слишком дерзок, независим, смел, неуправляем... А главное – негибок, держится за старые лозунги, не чувствует конъюнктуры. Начались изнурительные допросы, требования признаний, покаяния. Мог ли он, положивший всю жизнь на алтарь революции, признать, что он – агент империалистических разведок, да не одной, а сразу нескольких? Дело в том, что в той интернациональной бригаде, которую он создал из числа военнопленных и с которой прошел боевой путь от Волги до Амударьи, были и немцы, и австрийцы, и венгры, и румыны, и чехи, и поляки...

О его смерти среди заключенных ходила такая легенда. Измученный ежедневными побоями, систематическим лишением сна, «выстойкой» (сутками стояли у стены с руками, заложенными за голову), он наконец «сломался», т.е. согласился подписать протокол с чудовищными обвинениями. Ему придвинули протокол, дали ручку со стальным проржавленным пером. Он помедлил немного, и вдруг, размахнувшись, проткнул себе этой ручкой не только глаз, но и мозг...

Потом, когда открылись секретные досье НКВД и КГБ, легенда эта не подтвердилась. Оказалось, что его просто-напросто забили до смерти. А ведь ему не было еще и сорока, и по физической силе и выносливости с

ним не мог соперничать ни один из татарских писателей... Возможно, что поводом для этой легенды послужило то, что палачи, которых в 1938 году самих привлекли к ответу «за недозволенные методы следствия», пытались свалить вину на Шамиля Усманова и выдвигали версию о его самоубийстве.

Сколько средств, усилий, жизней потребовало строительство Беломорско-Балтийского канала, знаменитого Беломорканала! Его берега на протяжении 227 километров усеяны костями заключенных, собранных со всей страны на «перековку», «перевоспитание». Каждый из 19 шлюзов унес не менее тысячи жизней. Канал освящен именем Горького, оправдавшего это грандиознейшее преступление, сравнимое по масштабам с Нагасаки, Хиросимой или Освенцимом.

Людей положили ради будущего. А нужен ли будущему этот канал? Большую часть года он находится подо льдом и снегом, а в остальную часть года его эксплуатация и поддержание в рабочем состоянии обходятся дороже той прибыли, которую он дает...

Или возьмем «великие стройки коммунизма» – волжские плотины. Теперь уже всем ясно, что стоимость выработанной каскадом электростанций энергии меньше стоимости сельхозпродукции, потерянной в результате затопления земель. А ущерб природе, рыбным богатствам, а гниение Волги, резко замедлившей свое течение...

Нет, никакие жертвы в настоящем ради иллюзорного и далекого будущего не могут быть оправданы...

НА РЫБАЛКЕ

Речка. Солнце. Тальники. Облака плывут по воде. Шарики-комарики покусывают. Поплавок неподвижен. С самого утра не клюет. И я от нечего делать размышляю...

До чего ж примитивно: леска, крючок, наживка. Придумано еще на заре человеческой цивилизации. А все же рыба попадается. Пусть не всякая, а самые глупые...

Не так ли и люди? Клюют на самую примитивную наживку: «пузырек раздавить», «травки нюхнуть», «побалдеть от души», «не отстать от других»... А в результате – сломанная, изувеченная жизнь.

ПЕРЕСТРОЙЩИКИ

Кто сегодня у кормила власти?

В основном те же, что и вчера. Это те, кто привычно рвал рубаху на груди в идейном верноподданничестве. А сегодня с тем же пафосом обличает прошлое и служит новым антикоммунистическим идолам. Те, кто привык получать привилегии виляя, юля и прислуживаясь. На словах они разоблачают прежние порядки. А на деле быстренько приватизировали государственные квартиры, машины, садовые участки, построили себе коттеджи и уже разевают рот на новый, более пышный каравай.

Они привыкли идти по служебной лестнице, шагая по чужим спинам, а то и по костям. И сегодня больше всего озабочены своей карьерой. «Обличители» и «демократы», когда надо, они в то же время слюняво работают, когда это им выгодно. И демократия в их понимании – это безропотное выполнение малейших указаний сверху.

О ВЕЧНОМ И ТЛЕННОМ

Мой знакомый завмаг был хапугой, бабником, пьяницей... Брал от жизни все... что плохо лежит. Воровал, но с умом, не попадался. Пил, но соблюдая чувство меры. Всякую гадость не пил, только лучшие коньяки под хорошую закуску. Баб имел много, но презирал их, впрочем, как и они его. Это всегда бывает взаимным. Так что особого счастья они не могли ему принести.

Любил рассуждать о вредности своей профессии. И действительно, годам к пятидесяти нажил целый букет болезней: язву, остеохондроз, холецистит, стенокардию, камни в почках, аденому и пр., и пр. Советам врачей, рекомендовавших изменить образ жизни и сесть на диету, не внял и вскоре после выхода на пенсию отправился в мир иной (в шестьдесят один год). Оставил после себя завещание, по которому большую часть накопленных денег наказал истратить на мраморный памятник себе. Родные хоть и со скрипом (такие деньги!), но выполнили это завещание (им тоже кое-что перепало). Теперь этот памятник – один из лучших на кладбище в Старо-Татарской слободе.

И вот я думаю: выходит, он, живший сиюминутным, преходящим, тленным, думал о вечности? Хотя бы в последние годы жизни. Хотел как-то увековечить себя в

глазах потомков. Остановить мгновение, сделать его вечным, нетленным. Что это было? Жгучий протест брэнной жизни против все сметающей смерти? Против бесследного растворения в земле и листьях деревьев? Или обыкновенное тщеславие?

ЗАГАДКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Покойный тесть любил рассказывать такой анекдот.

Приехал иностранец в Россию тридцатых годов. Слышит оживленные возгласы: «Масло дают!» Смотри-ка, думает, в Советском Союзе масло дают. Нам до этого еще далеко... Потом то же самое слышит насчет хлеба, сахара, молока, и удивление его все возрастает. Наконец, слышит: ботинки выбросили! Не вытерпел, пробился сквозь очередь к прилавку, посмотрел, даже руками пощупал и говорит:

– Ну, такие ботинки и у нас бы выбросили.

Да, иностранцам порою трудно понять оттенки богатого и могучего русского языка.

Помнится, в начале хрущевской оттепели в Москву приехал немецкий писатель Леон Небенцаль. Он родился и вырос в России, учился в русской гимназии (мать – русская, отец – немец). Потом уехал с семьей в Германию и всю жизнь прожил там. По-русски говорил очень чисто, без малейшего акцента. Порою это ему даже мешало. Скажем, надо купить куда-нибудь билет, его без очереди не пускают, посылают подальше (принимают за русского). А жене его Ильзе, которая по-русски говорила очень плохо, с чудовищным акцентом – пожалуйста, без очереди, без всяких проблем.

В то время в наш язык вошло пущенное Хрущевым выражение «культ личности». Слыша его ежедневно по радио, по телевидению, читая в газетах, Небенцаль никак не мог понять, что ж тут плохого? По аналогии с культом тела, культом духа, он воспринимал это выражение как прославление свободы отдельной личности, в противоположность массе, коллективу, и уверял меня, что нам давно надо было провозгласить культ личности, поскольку нас и так на Западе обвиняют в недооценке отдельного человека, отдельной личности.

Потребовалось немало лет, чтобы уяснить: если слово не очень в ладу с русским языком – значит, оно служит своего рода дымовой завесой для прикрытия каких-то не-

благовидных явлений. Таким стало, например, широкоизвестное выражение «ограниченный контингент». Сказать «войско», «армия», «вторжение» как-то неприлично, вот и придумали спасительное словечко, и оно вошло во все официальные документы.

Когда в конце семидесятых годов стала остро ощущаться нехватка основных продуктов питания, пришлось их жестко нормировать, вводить талоны. Но чтобы «там» не подумали ненароком, что мы возвращаемся к карточной системе военных лет, их называли «приглашением купить такой-то товар в таком-то магазине и в таком-то количестве». Помнится, «Голос Америки» ядовито издевался над этой «прогрессивной формой торгового обслуживания». Они взяли интервью у какого-то шишки из Министерства торговли. Уж как тот извивался, как уходил от прямых ответов – до сих пор не могу вспомнить без улыбки.

Иностранцам трудно было объяснить, что означают такие специфически советские слова и выражения, как «льготник», «персональный пенсионер» («разве остальные получают пенсию коллективно?»), «выделить» квартиру из директорского фонда». А все многочисленные словечки с приставкой «спец»: спецбольница, спецстоловая, спецбуфет, спецлечение... Их было не меньше, чем в районе словечек с приставкой «рай»: райком, райотдел, районо... Но если приставка «рай» вовсе не означала райской жизни, то приставка «спец» очень даже означала...

Одно из последних (по времени, но не по сути) выражений такого рода – гуманитарная помощь. Столько о ней кричали по радио, по телевидению, писали в газетах. Но большинство нуждающихся ее так и не увидели. Куда она делась, по каким каналам распозлзлась? Впрочем, очень скоро в поликлиники и больницы стали привозить детей работников райисполкомов и социальной службы с признаками жестокой аллергии: краснота, экзема, понос, боли в животе... Объелись даровых и не очень-то экологически чистых западных сладостей...

ВОЗМОЖНА ЛИ ГАРМОНИЯ?

(Экологические раздумья)

I. Профиль равновесия

МЫ ОДНОЙ КРОВИ

Как прекрасно голубое небо с барашками белоснежных облаков! Как легко дышится в зеленом, просвистанном птицами, шумящем кронами лесу! Какое разнообразие цветов на нескошенной поляне!

Нам кажется, всегда так было. А раньше, когда человек еще не успел загадить все вокруг, еще лучше. Говорят же старики, что раньше и солнце светило ярче, и мороз был покрепче, и вода пожиже... А если заглянуть не на сто или двести, а на миллионы, миллиарды лет назад?

Изучая отложения земных пород, возникших несколько миллиардов лет назад, ученые пришли к выводу, что первичная атмосфера Земли состояла из вонючего, непригодного для дыхания аммиака, смертельного для всех животных угарного газа и не менее ядовитого метана. В этой убийственной атмосфере плавали пары ядовитых соединений тяжелых металлов (например, цианистого калия). В атмосфере почти не было кислорода. Не было и защитного озонового слоя. Жесткое ультрафиолетовое излучение, способное погубить все живое, пронизывало эту первичную атмосферу Земли и проникало глубоко в воды океана.

Впрочем, и океан тогда вовсе не был таким ласковым и синим. Он представлял собой растворы кислот и соединения тяжелых металлов, и в водах его не было ничего живого. Добавьте к этому адскую жару, извержения бесчисленных вулканов, непрерывные грозы, бушевавшие над планетой... Вот в таких-то далеко не комфортных условиях зародилась жизнь на нашей старушке Земле. Как предполагают ученые, это произошло почти четыре миллиарда лет назад.

Первыми появились простейшие одноклеточные организмы, способные жить в ядовитой кислотной среде и питаться этими кислотами. Вот они-то и принялись осваивать нашу планету, изменять ее к лучшему. Им потре-

бовалось два миллиарда лет, чтобы кардинально преобразовать атмосферу. Кислоты разложились, ядовитые соединения тяжелых металлов ушли на дно и превратились в залежи полезных ископаемых. Исчезли аммиак, метан и угарный газ. Зато появился живительный кислород.

А еще через миллиард лет над планетой сформировался защитный озоновый слой. И только после этого водоросли и другие живые организмы, до этого обитавшие в толще теплой океанской воды, смогли всплыть на поверхность.

С этого времени эволюция необычайно ускоряется. В эпоху кембрия в начале палеозойской эры появились первые организмы с известковым скелетом. Ученые называли их трилобитами и копуляриями. Их конусообразные раковинки дошли до наших дней в толщах осадочных пород. Радиоуглеродный анализ позволяет установить их возраст с достаточной степенью точности – 570 миллионов лет.

Что же касается предшествующих им организмов, не имевших известкового скелета, то об их внешнем виде остается только гадать. Предполагают, что это были предки нынешних медуз, кораллов, червей, моллюсков и выглядели они примерно так же.

Жизнь зародилась в океане. Вот почему наша кровь до миллиграммов сходна по составу с соленой океанской водой. Сушу же первыми стали осваивать выброшенные волнами на берег водоросли. За ними устремились крошечные водяные скорпионы, панцирные пауки, клещи, сороконожки, другие обитатели морского мелководья. А уж вслед за ними – на охоту – выбрались кистеперые рыбы. Из первых впоследствии вышли насекомые, а из рыб – лягушки, ящеры, птицы и звери. В том числе и венец творения – человек.

За миллиарды лет сформировалась биосфера – область активной жизни, включающая верхнюю часть суши, океана, озер и рек и нижнюю часть атмосферы. По учению В.Вернадского, биосфера – это целостная динамическая система, в которой живые организмы и среда их обитания органически взаимосвязаны и активно взаимодействуют друг с другом. Это своего рода активная оболочка Земли, в которой совокупная деятельность всех живых организмов, в том числе и человека, проявляется как геохимический фактор планетарного масштаба.

МЕХАНИЗМ ВЕЛИКОГО РАВНОВЕСИЯ

Биосфера существует благодаря сложившемуся за миллиарды лет механизму Великого Равновесия. С ним ничего не смогли поделаться ни могучие планетарные силы: извержения вулканов, землетрясения, наводнения, засухи, глобальные похолодания и великие оледенения. Ни еще более мощные космические силы. Скажем, гигантские астероиды падали на Землю в среднем раз в 20 миллионов лет. Следовательно, за четыре миллиарда лет это случалось раз двести. Взрывы, равные по силе вспышкам тысяч водородных бомб, сотрясали целые материки. Тьма от поднятой при взрыве пыли закрывала солнце на многие месяцы, и наступала планетарная зима. Если же астероид падал в море, гигантская волна накрывала сотни километров суши, сметая все на своем пути. К этому надо добавить периодические взрывы сверхновых звезд, космическое излучение которых способно убить все живое на поверхности Земли.

И все же биосфера выстояла, жизнь на планете сохранилась. И только теперь, в связи с потрясающими успехами науки и техники и планетарной по размаху бесконтрольной деятельностью гомо сапиенс – человека разумного, над этим механизмом нависла вполне реальная угроза.

В чем она проявляется? Первое и самое очевидное – это загрязнения. Загрязнения воды, воздуха, почвы. Казалось бы, чего особенного – дымящиеся трубы. К ним давно привыкли и уже не обращают внимания. Но ведь этим воздухом мы дышим! Врачи говорят, что легкие всех городских жителей от мала до велика – насквозь черные, прокопченные. Нормальные розовые легкие встречаются все реже – только в сельской глубинке, в стороне от промышленных выбросов.

Пожилая преподавательница Казанского университета, биолог, рассказывала, что в годы ее молодости, когда надо было продемонстрировать студентам микроорганизмы, зачерпывали воды в любой луже и рассматривали под микроскопом всяких амёб, инфузорий и пр. А сейчас лужи мертвы – кислотные дожди, которые мы зачастую даже не замечаем, убивают все живое. По этой же причине беднеют и более крупные водоемы – нарушается первое, основное звено кормовой цепочки.

Почвы загрязняются пестицидами и ядохимикатами. А ведь продукты, выращенные на этой почве, мы едим, по-

степенно отравляя организм. Не случайно на Западе экологически чистые продукты стоят во много раз дороже...

Особенно опасно радиоактивное загрязнение, недоступное нашим органам чувств. Выпадают волосы, страдает сердце и желудок, развивается лейкоз, рак, другие болезни... Когда-то природа надежно погребла под толщей осадочных пород те ядовитые и радиоактивные вещества, которые человек добывает и снова пускает в оборот.

Промышленные предприятия сжигают накопленный кислород и выпускают огромное количество углекислого и угарного газа, сернистых соединений. Скажем, в США заводы и фабрики сжигают больше кислорода, чем его производит вся растительность этой страны.

К дефициту кислорода приводит и вырубка лесов, особенно тропических. С уничтожением лесов пересыхают родники, ручьи и речки. Другие мелеют и загрязняются. Все это сказывается на уровне подпочвенных вод и урожайности.

Аэрозоли с фреоном подтачивают защитный озоновый слой, в котором уже появились первые гигантские дыры.

Хотя обо всем этом говорится и пишется немало, но человечество, как мне кажется, все еще не осознало грозившей ему опасности. Оно до сих пор руководствуется старым принципом: на наш век хватит! После нас хоть потоп! И невдомек людям, что они обкрадывают собственных детей и внуков и что до «потопа» все ближе и ближе. А когда он разразится, кричать об этом будет поздно.

Итак, что же можно сделать? Запретить любую промышленность? Отказаться от научно-технического прогресса? Снова встать на четвереньки?

Разумеется, пути назад нет. Надо идти вперед. Есть единственно возможный путь – путь возмещения ущерба живой природе, постоянной заботы о ней. Ведь человек умеет не только гадить. Он сажает леса, орошает пустыни, разводит на месте пустырей цветущие сады. Скажем, прекрасные лебяжинские леса вокруг Казани, превращенные ныне в лесопарковую зону города, – дело рук человека.

Неправда, что человек и природа в принципе несовместимы. В подмосковном лесу, например, на единицу площади приходится больше зайцев, лис, кабанов, чем в дикой, нетронутой тайге. Такую же картину можно наблюдать и в хорошо организованных охотохозяйствах у нас в

республике. Человек не только стреляет, но и регулирует численность диких животных, подкармливает их, разводит новые виды зверей и птиц.

Не назад к дикой природе, а вперед к природе цивилизованной!

УСТОИМ, ЕСЛИ ОДУМАЕМСЯ

В процессе эволюции человек прошел через несколько этапов взаимоотношений с природой.

Этап пантеизма, т.е. обожествления Природы, поклонения Солнцу, Луне, Огню, Волку, деревьям, камням, другим природным явлениям. Страха перед Природой – грозной, могущественной, непонятной. Задабривания ее всяческими ритуалами и жертвоприношениями, вплоть до человеческих жертв.

От того времени до наших дней дошли лишь мифы, легенды, сказания (например, о Голубом Волке – К^к Б^{ре}), традиции и ритуалы (например, Курбан-байрам). Обожествление же природы сохранилось лишь в произведениях фольклора и некоторых образцах поэтического творчества.

Второй этап, длившийся несколько тысячелетий, – приспособление к природе и осторожное, неустойчивое сотрудничество с нею. В этот период первобытный человек занимался в основном собирательством, рыбалкой, охотой, т.е. такими видами деятельности, которые минимально воздействуют на окружающую среду. И тем не менее именно в эту эпоху на планете были полностью истреблены мамонты, пещерные медведи, саблезубые тигры, другие крупные травоядные и хищники.

В качестве господствующей идеологии этого этапа продолжал оставаться пантеизм, но его основы были уже поколеблены. Человек не столько трепетал перед природными силами, сколько пытался перехитрить их. Скажем, приносил в жертву уже не человека (и тем более не любимого сына), а животное.

С переходом к регулярному земледелию и скотоводству человечество постепенно переходит к третьему этапу – этапу господства над природой. В это время зреет горделивое убеждение, что природу надо покорять, завоевывать, подчинять воле и прихоти человека. «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача». И брали, не считаясь ни с чем. Уже не человек, а природа ждала милости от промышленного человека.

В век научно-технической революции эта идеология

переросла в снисходительную опеку полновластного хозяина над теми жалкими остатками, что по привычке еще величались природой. Вырубят дикий лес, зато на улицах воткнут несколько чахлах кустиков и деревьев. Перегородят могучую реку бетонными плотинами, но зато запроектируют несколько «рыбных лифтов» для подъема осетровых (куда глупая рыба почему-то не идет). И так далее в том же духе.

За последние десять-пятнадцать лет стало ясно, что антропогенная нагрузка на среду обитания подходит к той опасной черте, за которой могут начаться непредсказуемые последствия. Перечислю лишь некоторые из них.

Накопление мусора. Он копится не только на земле, но даже в космосе. Свалки вокруг больших городов занимают сотни и тысячи гектаров плодородной земли. Отравляются воздух, вода, подземные источники. Как ни крути, а без мусоросжигающих и мусороперерабатывающих заводов не обойтись. К тому же вторичное сырье может стать солидным подспорьем, послужить базой для производства бумаги, стройматериалов, дорожного покрытия и т.д.

Особенно опасны промышленные отходы, содержащие ртуть, свинец, другие высокотоксичные вещества. Пока у Казани не будет специальной промышленной свалки, их будут вываливать в пригородные леса, овраги, реки. А в результате – врожденные уродства, наследственные болезни, резкое ухудшение здоровья новых поколений.

В отравлении воды, воздуха, почвы повинны промышленные предприятия. Часто мы не представляем себе масштабов этой катастрофы. Ведь на поверхностный взгляд все вроде бы остается таким, как и было. Скажем, течет могучая, полноводная Волга, вода в которой кажется вполне чистой, манящей, прозрачной. Но достаточно взять ее на лабораторный анализ, как в ней выявляются такие вредные, ядовитые вещества, что волосы встают дыбом. «А что вы хотите? – говорили мне работники санэпидстанции. – Ведь мы пьем воду, которая многократно прошла через канализационные стоки и очистные сооружения, расположенные выше по течению». К счастью, не всегда эти вещества достигают опасных для жизни концентраций. Но многие из них, постепенно накапливаясь в организме, приводят к слабоумию, психическим и физическим расстройствам и преждевременной смерти.

Во время плавания на теплоходе «Муса Джалиль» нам не раз доводилось попадать в нефтяные пятна, после которых борта теплохода «украшались» черной траурной поло-

сой. Нефтяное загрязнение существенно снижает продуктивность морей и океанов.

Проходит дождь – теплый, благодатный, долгожданный. Так и хочется, задрав штаны, бегать по лужам и подставлять лицо и грудь прозрачным водным струйкам. Но бывает, что после дождя на листьях появляются ржавые пятна. Почему чахнут огурцы, вянут помидоры? А потому, что это был не простой, а кислотный дождь. И врачи предупреждают: если не хочешь полысеть и приобрести экзему, не ходи под дождем с непокрытой головой.

Еще страшнее и опаснее радиационное заражение. О Чернобыльской катастрофе писалось достаточно много. Но точно такая же, если не большая, по масштабам катастрофа произошла и в наших краях, под Челябинском. Сколько людей тогда пострадало! Сколько татарских и русских деревень обезлюдело, а сколько земель стало непригодным для жилья – все еще остается тайной. Опасность этого заражения в том, что внешне ничего не меняется. Буйно растет зеленая трава. Цветут цветы, растут деревья, бьют чистые прозрачные родники. Но достаточно поднести счетчик Гейгера, как слышишь бешеный стук, а стрелку зашкаливает...

К этому надо добавить появление озоновых дыр над планетой, грозящих раком кожи и другими заболеваниями. Парниковый эффект от неумеренного выброса в атмосферу углекислого газа грозит повышением уровня мирового океана и затоплением огромных территорий. Бесконтрольная вырубка лесов приводит к дефициту кислорода в воздухе.

Все это грозит не просто здоровью – самому существованию человеческой цивилизации. И вынуждает нас всерьез задуматься о переходе к новому этапу, этапу так называемой коэволюции, т.е. совместной эволюции с природой. Это должен быть этап максимального учета особенностей природы и заботы о ней. Общество информации в состоянии продумывать каждый свой шаг и строить свои отношения с природой бережно и гармонично.

Такая гармония в принципе возможна. Впрочем, другой альтернативы у человечества просто нет.

ЕСТЬ ЛИ ПРОГРЕСС?

Человечество всегда свято верило в прогресс. Большинство людей и сейчас еще верит, что завтра (через сто, двести, пятьсот лет) будет лучше, чем сегодня. Мы так

воспитаны. Верили, что к семидесятому году каждая советская семья будет иметь отдельную квартиру, к восьмидесятому – построен полный коммунизм. Потом верили, что к девяностому году будет решена Продовольственная программа и все наконец-то станут сытыми, что к двухтысячному году (уже второе обещание на памяти одного поколения) у всех будут свои квартиры...

Легче переносить жизненные тяготы, если впереди что-то светит. Даже если это нереально, нужно внушить, что светит. А не то власть имущим не поздоровится...

Но вот я прожил шестьдесят с лишним лет, и убедился, что прогресс, конечно, есть. И наука движется вперед, и города вырастают на пустом месте, и дороги появляются там, где были топи да болота. Но он идет рука об руку с регрессом. Каждый шаг вперед в масштабах всего человечества (и отдельной личности тем паче) сопровождается неизбежными потерями.

Я родился в начале тридцатых годов, еще в дотелевизионную эру. Что изменилось с тех пор? Бесспорны успехи науки и техники: телевизоры, магнитофоны, всякие там видики, машины и пр. Не только появились, но и вошли в быт. Повысился уровень жизни, комфорт. Люди в целом стали лучше одеваться, питаться. Но возрос и уровень требований. И с учетом этого возросшего уровня, как тогда, так и сегодня, не хватает жизненно необходимого: продуктов, одежды, жилья, места на кладбище. Голодающих (во всяком случае, в нашей стране) стало меньше, но – за счет суррогатов. Масло заменяют маргарином, мясо – рыбной или океанической пастой, кожу – полимером, хлопок – нейлоном.

Да, уровень жизни возрос, но окружающая среда катастрофически ухудшилась. Упала рождаемость. Резко снизилась прочность семьи. Заметно снизился уровень здоровья, особенно молодого поколения. Возросла заболеваемость раком, сердечно-сосудистыми и психическими заболеваниями, появились новые болезни типа СПИДа.

Прогресс, конечно, есть. Но весьма своеобразный. Чтобы сэкономить три аршина земли, строим крематории и замуровываем горсть праха в стену. Солнце заменяем электрическим светом. Живую улыбку – телевизионным суррогатом.

А что будет завтра? Вместо хлебных полей, рошиц, холмов, буераков, заросших полынью и кустами чилижника – конструкции из серебристого металла и разноцветных пластмасс? Вместо диких гор и ущелий – каменные

утесы городов, занимающих весь лик планеты? Один сплошной копошащийся муравейник, где люди работают, отдыхают, убивают друг друга, корчатся от наркомании, алкоголизма и неведомых нам болезней?

Да, эволюция прошла огромный путь от амебы до человека. Но в какой-то точке регресс может сравняться по темпам с прогрессом и начаться обратный процесс – к той же амебе, плавающей в редких лужицах на дне бывших морей и океанов, к паукам и тарантулам, ползающим по красной пыли радиоактивных пустынь...

КТО КОГО ПОЗНАЕТ...

Человек познает природу... Острым аналитическим умом, талантом, интуицией, гениальными прозрениями. С помощью тончайших современных приборов и серий хитроумных и дорогостоящих экспериментов.

Истина, казалось бы, настолько бесспорная, что даже говорить об этом неловко. Все знают, что Ньютон открыл закон всемирного тяготения, Эйнштейн – закон относительности, Менделеев – периодическую систему элементов. Примеры можно приводить бесконечно. Понятно, что научные открытия делаются наиболее пытливыми, одаренными личностями, такими, как Ломоносов, Пастер, Дарвин, Павлов, Козырев, Арбузов...

А может, все обстоит наоборот? Не человек, как единственное разумное начало на планете, познает природу, а природа, создав венец творения – человека, его умом, глазами, ушами, сознанием познает самое себя? И вся человеческая наука и культура – биология, математика, философия и т.д., включая художественную литературу и искусство, – продукт многовековой титанической работы природы?

Какая вроде бы разница? Что в лоб, что по лбу...

Но разница есть, и весьма существенная... Ведь если человек – только орган, созданный природой для самопознания и самоосмысления, ему нечем особо гордиться и, главное, противопоставлять себя природе. Человечеством все больше овладевает мысль, что оно – часть природы, живая и неотъемлемая. И, следовательно, природу надо не «покорять», не «ставить на колени», а жить единой с нею жизнью, жить в ней и вместе с нею.

В коллективном знании, которое складывается из открытий, больших и маленьких, почти начисто отсутствует личностное, индивидуальное. В трудах корифеев и перво-

открывателей еще можно найти какие-то субъективные черты, но по мере накопления новых знаний, уточнения деталей, исправления неизбежных ошибок и неточностей эти особенности стираются, нивелируются. Идет поступательный процесс познания природы и человека, осмысления мира, в котором мы живем. Избавляясь от прекрасных мифов, созданных на заре человечества, мы теряем поэзию, но приобретаем точное знание.

В эпоху НТР крупные открытия делают не талантливые одиночки, а научные коллективы. Процесс познания давно утратил случайный характер и приобрел черты закономерного процесса. Если где-то откроют что-то существенно важное (скажем, в военном отношении), утаить это надолго практически невозможно. По прошествии какого-то времени это откроют в другой стране или в другом научном коллективе. Весь вопрос только во времени и в средствах. Поэтому запрет на какие-то области знания (скажем, в области генной инженерии) не срабатывает. Остановить процесс самопознания природы невозможно. Он может прекратиться только вместе с гибелью человечества. Но тогда природа будет познавать себя где-то в другом уголке Вселенной с помощью иных разумных существ. Возможно, более разумных, чем мы с вами.

ПРИРОДА ЛЕЧИТ...

Природа не просто кладовая природных ресурсов и не только место отдыха, так необходимого человеку в наш напряженный, сумасшедший век. Природа – это богатейший источник духовных ценностей.

Когда мы бываем на природе – на даче или на берегу Волги, в лесу или на озере, – наше настроение приходит в норму, внутренняя жизнь как-то организуется. Нервная система, издерганная постоянными заботами, мелочной суетой, конфликтами, стрессами, приходит в норму. Настроение, навеянное природой, как музыка. Грустная или веселая, но всегда умиротворенная, светлая, добрая. После общения с природой мы уже не столь подвержены случайным колебаниям настроения, стрессам и депрессии.

Природа лечит душу. Ведь красота природы – это кладезь положительных эмоций. Издавна, когда людьми овладевала хандра, когда терялся вкус к жизни, люди пускались в путешествия и разгоняли скуку новыми яркими впечатлениями. Не случайно Оскар Уайльд советовал, ког-

да человеку плохо, лечить душу ощущениями, прежде всего общением с природой.

Об этой стороне природы мы редко вспоминаем. И только когда нам совсем плохо или оказавшись на чужбине, понимаем, что она значит в нашей жизни.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Несколько лет назад на юго-востоке республики произошла вспышка популяции непарного шелкопряда.

Весной в лесу обильно порхали стаи серых мотыльков – на первый взгляд, совершенно безобидных белых бабочек. А с середины июня на деревьях начали плодиться отвратительные зеленые гусеницы. Мохнатые, жирные, они росли прямо на глазах. Работали челюстями так, что скрип стоял по всему лесу. Деревья за какие-нибудь одну-две недели потеряли всю свою красоту. В безветрии шевелились ветки и листья деревьев, с них на паутинках свисали объевшиеся гусеницы. Они падали, устилая землю и траву, цеплялись за одежду, заползали за шиворот. Вскоре лес, съеденный подчистую, до последнего листика, приобрел мертвенный вид. Безмолвный, опустошенный. Даже птицы покинули его.

Ученые спорили, в чем причина. Одни говорили – из-за бесконтрольной вырубki и оставленных в лесу веток (заготавливали так называемый веточный корм, да так и бросили, не удосужившись вывезти). Другие полагали, что дело в неумеренном употреблении ядохимикатов, приведших к резкому сокращению числа птиц. Не знаю, кто прав. Скорее всего и те, и другие. Ясно одно: виноват человек, его непродуманные действия.

К осени лес снова ожил, оделся листвой. Но в зиму ушел неподготовленным, и многие деревья не выдержали холодную зиму, замерзли.

Это было грозным предупреждением: впредь быть осторожнее, осмотрительнее. Ведь если нарушится экологическое равновесие, нас ждет катастрофа куда больших масштабов.

II. Женские руки яблонь

ЛЕТНИЙ САД

Солнце, небо, облака... Кипение июльского сада... Женские руки яблонь, полные земных плодов и горячего ветра. Плодов еще зеленых, кислых, но предвещающих богатый

урожай. Мельтешенье теней под ветками. Кучи выполотых мною сорняков, источающих острый дурманящий запах. Живая плоть земли и тлен увядания...

Сад – символ и прообраз человеческой жизни. Краток миг расцвета и долг сон небытия. Жизнь как тень – легкая, бесплотная, кипение мыслей и вихрь чувств. И кружится пепел отжившего...

ЗАКАТ В АВГУСТЕ

Огромное багрово-красное солнце повисло над кромкой горизонта. Оно уже не отбрасывает теней и на него совсем не больно смотреть. Фактически солнце уже скрылось за краем земли и видишь его только благодаря преломлению света, как монету в стакане воды.

А на столе моем лежит другое солнце – разрезанный пополам спелый камышинский арбуз. Его сочная алая мякоть подернута сладким беловатым инеем. Черные блестящие семечки посверкивают, как девичьи глаза. Татарские, с раскосинкой... Выбираю их липкими от сока пальцами и вонзаю зубы в это багровое закатное солнце.

ГРОЗОВОЕ ЛЕТО

С утра держалась вязкая, липкая духота. Мутное солнце с трудом просвечивало сквозь туманную дымку. Парило так, что съезживались и бессильно опали притихшие в безветрии листья.

Только под вечер листья слегка зашевелились, зашумели. Вздывая пыльные смерчи из бумажек и мусора, пронеслись горячие вихри. Красное разбухшее солнце бежало в просветах набегающих клубящихся туч, словно лисица с огненным пышным хвостом. Оно ныряло то под одну синелиловую тучу, то под другую, и вскоре скрылось совсем.

Где-то далеко-далеко загрохотала по булыжникам небесная арба. По сонно притихшему озерцу пронеслись пятна ряби. Тревожно поглядывая на небо, разбежались последние купальщики. И вот плети ливня с силой ударили по листьям, по шиферу крыш. Уже не арба, а мчащийся на всех парах скорый поезд грохотал по рельсам. Я выглянул в окно – ливень с градом, с грохотом и блеском молний шел стеной, так что не было видно соседнего дачного домика. Горошины града плясали на крыше веранды, устилали дорожки.

Через полчаса все стихло. Грохочущая, перевитая мол-

ниями туча переместилась на восток. С жемчужно светящегося неба летели последние капли, и при порывах ветра шумно вздыхали яблони.

Я вышел в сад. Сорванные шквалом листья и ветки плыли по ручейкам вдоль тропинок, где кучками белели недотаявшие градины. В изобилии валялись трупы бабочек-капустниц, жучков, гусениц. Для ос, шмелей и других насекомых это была настоящая термоядерная катастрофа – в их масштабах.

Я с болью рассматривал сломанные ветки яблонь с уже начавшими наливаться плодами, побитые грядки с огурцами, поваленный на землю горох, поломанные помидоры.

Да, гроза порезвилась, похозяйничала вовсю. Но зато какая свежесть, какой воздух! Хоть стаканами продавай, как газировку. И как довершение дня – огромная закатная радуга, такая яркая, что глазам больно...

СВИТОК НЕБА

На вершине желтеющего холма над просторами Волги стояла перед мольбертом юная художница в синем беретике. Держа в одной руке кисть, в другой – палитру, она сосредоточенно посматривала на глубокое осеннее небо, на которое с одного края уже напоздали фиолетово клубящиеся тучи, делала быстрые, резкие мазки. Работала.

Проходя мимо, я ненароком глянул на холст и увидел кусок бутылочного цвета Волги и огромного, во весь холст, ярко-голубого неба.

Но вот тучи напоззли на солнце, скрыли остатки ясного неба. Враз потемнело, похолодало, посеял мелкий, постепенно набирающий силу дождь.

А художница скатала небо в плотный свиток и унесла его с собой.

ШЕЛЕСТ ПАЛЬМ

Запомнился первый выход в город в сирийском порту Латакия.

Благоустроенная набережная над синими волнами Средиземного моря. Белоснежные виллы богачей. Решетки, увитые розами. Ряды королевских пальм, раскачивающих огромными, неправдоподобно красивыми опахалами. И странный, неживой, какой-то металлический стрекот, дре-

безжание. Я растерянно огляделся, ища источник этого непривычного, в чем-то даже неприятного звука. И не сразу сообразил, что так стрекочут под напором морского бриза длинные стрелчатые жесткие, подобные металлическим пластинкам, листья пальм.

Этот жестяной звук так резко отличался от мягкого, влажного шепота лиственных лесов под Казанью, что я почувствовал легкий ностальгический укол в сердце.

ХЛЕБНЫЙ АВГУСТ

Лежу во ржи, раскинувшись привольно.

Жмурясь от яркого солнца, держу в зубах желтый крепкий стебелек, слегка отдающий солодом.

А над колосьями проносится горячий ветер августа. Шуршит спелыми колосьями, позванивает, словно перебирает струны золоченого неба.

НОЧЬ БЕЛЫХ БАБОЧЕК

После угольной тьмы ноябрьских ночей, пыльных вихрей и гриппозной слякоти наконец-то пошел снег. Сначала робко, мелкими молевыми мотыльками. Потом все гуще, крупнее, увереннее.

Вокруг сразу посветлело, повеселело, потеплело. В воздухе стоит вкрадчивый шепот от вздохов ветра и трущихся друг о друга снежинок. И особый, неповторимый запах зимы. Запах чистого, хорошо замороженного белья. В белесой тьме, окутавшей город, кружат миллиардные стаи белых бабочек. Толкутся вокруг фонарей, мнутя под ногами, грязно-желтыми ошметками разбрызгиваются под колесами машин. И все валят, валят из глубин щедрого неба.

Перед глазами стоит образ этой ночи – огромная белая бабочка, раскинувшая исполинские крылья над всей Казанью, всем Татарстаном...

ВЕСЕННЕЕ МАРЕВО

Нагая земля покорно ложится под гусеницы, еле слышно постанывает под натиском грубого лемеха, маслянисто поблескивает на обороте борозды, дымитя испариной. За трактором вьется стайка деловитых маслянисто-черных грачей-санитаров.

Сквозь влажную дымку облаков светит горячее майское солнце. Над полями дрожит парное марево, легкое, как женская улыбка. Идет весенний сев. Совершается великое таинство жизни. И всеми порами своего существа ощущаешь дрожь оплодотворяемой земли.

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Пью черный кофе ночи, пропитанный горьковатой терпкостью горных трав и крепким звездным ароматом. В нем растворены легкая грусть и увядшие мечты, несбывшиеся ожидания и забытая любовь, вдруг всплывшая со дна памяти, – светлая, безответная и прекрасная.

ЗОЛОТОЙ НАЛИВ

Срываю яблочко «золотой налив» – спелое, янтарно-желтое, местами совершенно прозрачное от сладкого, пропитавшего мякоть сока. Вонзаю в него зубы и ощущаю на губах восхитительный вкус солнечного света и густого июльского зноя.

Вспоминаю то ясное майское утро, наполненное свежим ветром и деловитым жужжанием насекомых, когда бело-розовая, в подвенечном наряде яблонька понесла.

ЗАКАТ

Клубок солнца катится к горизонту, наматывая нити лучей, краснея и набухая на глазах. Восточный край неба потемнел, приобрел фиолетово-зеленоватые оттенки, подчеркнутые золотистыми параллельными полосками облаков. Другая гряда – еще более густая и фиолетовая, с золотистой оторочкой, наползает с Запада.

И где-то вызревает дождь, пропахший ржавой кровлей...

ЛИСТОПАД ЛЕТ

Закатное солнце туманным восковым пятном стоит за опадающими деревьями. Пахнет грибной свежестью и терпкой горечью листьев. В воздухе стоит шелест – шуршат под ногами опавшие листья, другие летят, струятся по ветру, кувыркаясь и задевая за ветки. Подставляю ладонь под

ярко расцвеченный пятипалый кленовый лист. Но лист, как маленький дельтаплан, делает неожиданный вираж и плавным кругом уходит вбок.

Осень жизни подходит... Струится годов моих замедленный листопад. Не оттого ли в воздухе разлита щемящая, сдвливающая сердце грусть? Еще держусь, не показываю вида, хотя в сердце давно уже угнездился запах тлена, холодный, не греющий свет октября.

ХОЛОДНО

К концу зимы установились сухие, обжигающие холода. Мертвенные, космические, окутавшие землю сизой, почти не пропускающей солнечный свет морозной мглой. Иней припудрил деревья, и они четко выделяются на фоне стылого стеклянного неба. Во все стороны, насколько хватает взгляда, расстилаются тусклые алюминиевые снега.

Над миром плывет тишина – с легким потрескиванием, осиным жужжанием. Холод и тишина, навевающие мысли о вечности и смерти.

АЙСБЕРГ ДНЯ

Наш дом стоит на отшибе, у самого края только что отстроенного микрорайона панельных десятиэтажек. Дальше идут намытые желтые, но сейчас покрытые снегом пески, рыжие заросли краснотала, темные купы деревьев, за которыми угадывается невидимое отсюда русло Казанки.

Каждое утро, выглядывая в окно, я вижу, как в сиянии февральских снегов поднимается над миром огромный, сверкающий айсберг дня. Айсберг, приплывший откуда-то из Заполярья вместе с устойчивым антициклоном и ночными морозами, сменившими череду пасмурных дней с мокрыми вьюгами и оттепелями.

ВЕСЕННИЙ КОСТЕР

Зябкими весенними вечерами люблю разжечь костерок. Сначала идет белый тугой дымок от сухой травы – сыроватой, слегка пахнувшей снегом и еще как следует не занявшейся пламенем. Есть в нем завораживающая прелесть – мягкость и густота горностаевого меха.

Но вот огонь пробился сквозь ворох прошлогодней травы и бурьяна, дым озарился изнутри, стал синим и едким. Потрескивает рыжая хвоя, взлетают искры.

Ветки постепенно разгораются, дым светлеет, исчезает и над костром пляшут расплавленные струйки воздуха, дрожащие, как жидкое стекло. Потрескивают полешки. Опадают, изгибаясь и чернея, тлеющие угольки. Ветер раздувает гудящее пламя, обжигает лицо, выжимает слезы из глаз. Насытившись, пламя успокаивается, остается лишь ровный сухой жар мерцающих угольков. Ворошу их, подвигаю головешки.

Вот в такие минуты в душе и выпадают кристаллы мудрости.

ПРЯМОУГОЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

А если Казбек помешает – срыть!
Все равно не видать в тумане.

Вл. Маяковский

«Заставим Волгу работать на коммунизм!». Заставили. В результате – ни коммунизма, ни Волги – цепочка насквозь отравленных прудов с затхлой, стоячей водой.

«Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача». «Химию – на поля!». Взяли, и химию не пожалели. В результате урожайность возросла, а дети все чаще рождаются уродами.

Куда же дальше? Вывести все сорные, «ненужные» травы, оставив только «культурные» растения? Хищников истребить или посадить за решетку? Прогладить море утюгом? Накрыть улицы крышей – от превратностей погоды? Выходя из дома, надевать противогазы?

БАБЬЕ ЛЕТО

Тянется бабье лето серебряной ниткой паутины... над темными, уже начинающими рыжеть лесами... над сжатыми опустевшими полями... Над влажными скошенными лугами и белыми плесами...

Вдеть его в иглу мгновения, запечатлеть на бумаге. Простить насквозь эти светлые дали, озаренные неверным солнцем и пропахнувшие хлебным духом да дымом догорающих соломенных куч...

ВЕСЕННИЙ ШОРОХ

Конец апреля. Наконец-то пахнуло настоящим весенним теплом – как из печи. То в пальто зябли, а сегодня и в одной рубашке жарко. На лесной опушке слегка парит. А тишина стоит такая, что уши закладывает...

Присев на трухлявый пенек, я разомлел под солнцем, забылся. Кажется, даже вздремнул немного. И вдруг с отдаленными ребячьими голосами и скрипом пролетающих ворон уловил еле слышный шорох. Что это? Возится под землей крот? Мышки скребутся? Муравьи тащат по траве своей нелегкую ношу?

Долго не мог найти ответа, внимательно оглядываясь вокруг. Наконец до меня дошло: красноватые шильца весенних ростков протыкают и шевелят слежавшийся под снегом слой прелых листьев и травы.

КЛЮЧИЦЫ

Высокий правый берег Волги. Июньская свежая зелень и огромная синева. Красные склоны с белыми вкраплениями известняков и необъятные волжские дали, тающие в голубой дымке.

Налетающий с волжских просторов ветер шумит в вершинах. Слышен скрип трущихся стволов, время от времени – треск ломающихся веток. В воздухе летит рыжая хвоя, гулко падают на сухую землю шишки. В такие минуты особенно ясно чувствуешь, ощущаешь, что ветер – мускулистый.

Прохожу немного вперед, и передо мной открывается труженица Волга с пароходами, баржами, плотами, моторками. Над кудрявыми тальниками звучит щемящая, хватящая за сердце песня жаворонка, ставшего уже редкостью в наших краях.

Небо, летящие облака, мускулистый ветер и восторг в сердце – вот чем мне запомнились Ключицы.

Настанет час, и мы покинем этот мир. Но пока мы живы, надо дорожить им, вбирать всем сердцем, слушать музыку бытия...

УРОК

Молодой специалист Н., прибывший на предприятие по распределению, начал зарываться. Работает без году неделя, и уже «выступает». И то ему не нравится, и это. Критика, конечно, нужна, кто же спорит? Но во всем надо знать меру! Кто дал ему право задевать начальство? Дескать, если б мы отказались от услуг посреднической фирмы, предприятие из убыточного сразу стало бы прибыльным. И зарплату рабочим платили бы вовремя. И премии бы получали, и вообще жили припеваючи... А того не понимает, дурья башка, что во главе посреднической фирмы стоит родственник директора, и денюжки, заработанные трудом многотысячного коллектива, текут прямехонько в его карман. Немалые, между прочим, деньги. Хватает и на трехэтажный коттедж на берегу Волги, и на иномарки, и на отдых на Канарах... И еще сколько-то оседает на счетах в зарубежных банках. Кто ж от таких денег откажется по доброй воле из-за ворчания какого-то молодого специалиста? Еще молоко на губах не обсохло, а туда же...

Пробовали с ним говорить по-хорошему. Хочешь, оформим на дополнительную ставку? Будешь получать вдвое больше! Только не выступай! Нет, уперся рогом. Связался с такими же, как он сам, горлопанамии. Устраивают заседания, шумят, собирают подписи. Что ж, не хочешь по-хорошему, можно и по-плохому. Подкараулили его как-то у подъезда собственного дома трое специально нанятых «качков». Отдубасили на совесть – три недели провалялся на больничном. Вышел после больничного – и снова за свое. А рабочие приставили к нему свою охрану – встречают, провожают... Не подступишься! Не иначе как задумали скинуть директора и поставить этого молокососа... Но и директор не лыком шит! Придумал новый ход.

И вот как-то приходит на молодого специалиста «телега»: дескать, занимается хищением драгметаллов в особо крупных размерах. А его отдел действительно имел дело с золотом, серебром, платиной. Только специалист не имел к этому никакого отношения – ответственность за их хранение несли совершенно другие. Но сигнал есть сигнал... Проверки, заседания, объяснительные...

А однажды ночью в квартире молодого специалиста раздался оглушительный звонок:

– Открывай! Милиция!

Вошли, можно сказать, ворвались трое в милицейской форме, один в штатском и с ними двое понятых. Предъявили ордер на обыск. Печать, подпись прокурора – все честь по чести. Перевернули в квартире все вверх дном. Даже в подгузнички плачущего ребенка и в ночное белье перепуганной жены заглянули. Выдернули цветы из горшков, отодрали плитуса, порошки. Разрезали подушки, местами ободрали обои... Ничего, конечно, не нашли. Но такой погром устроили – век не забудешь. А главное – моральный удар. После этого соседи с подозрением косились на него и старались обходить стороной: дыма без огня не бывает, к честному человеку ни с того ни с сего с обыском не нагрянут... Даже собственная жена и та засомневалась: а вдруг? Чужая душа – потемки... Говорили ей, что у него есть краля на стороне. Не верила. А может, ей и таскает?..

Начать дело легко, а остановить не так-то просто... Вызовы в прокуратуру... Допросы... Подписка о невыезде... Пока суд да дело, администрация благополучно избавилась от других «горлопанов». Кого уволили «за пьянку», кого – «за прогул», большинство – «по сокращению штатов». А что он мог поделывать один, к тому же находясь под следствием? Оплеванный, опозоренный? Уволился по собственному желанию...

МЕРТВЫЕ ДУШИ

Многие читали (или, по крайней мере, смотрели кинофильм) «Мертвые души»... Ахали, сочувствовали, переживали... Но все ли знают, что «мертвые души» попадают и в нашей действительности?

Об одном из таких случаев мне рассказывал наш дальний родственник, много лет проработавший ревизором контрольного управления, ныне пенсионер.

Приезжают они как-то с проверкой в одно крупное государственное учреждение. По бумагам – все в ажуре: штатное расписание не нарушено, незаконных выплат нет, баланс сходится копейка в копейку. Казалось бы, пиши акт и с легкой душой пей «Столичную» на положенных в таких случаях банкетах.

Но наш родственник – тертый калач, просматривая ведомости на получение зарплаты, обратил внимание на

одну фамилию. Человека этого он знал – то ли вместе учились, то ли жили по соседству. Фамилия, имя, отчество, год рождения – все сходится! И он действительно работал в этом учреждении. Но... года три назад скончался. И наш родственник самолично присутствовал на его похоронах, бросил горсть праха на его гроб.

А по документам он продолжал работать. Три раза был в отпуске, ежеквартально получал премии «за добросовестный труд», дважды ему выдавали довольно солидную матпомощь. Больше того, после смерти он даже активизировал свою деятельность и внес несколько ценных предложений, за что, естественно, получил положенное вознаграждение...

Наш родственник стал копать дальше и обнаружил целый несуществующий отдел. Единого помещения у предприятия не было. Работали в разных местах по всему городу. Какие-то отделы закрывались, какие-то открывались. Так что никто, кроме директора, главного бухгалтера и еще двух-трех лиц, ничего не знал. Не все в этом отделе были «мертвыми душами». В основном – родственники, директора, главбуха, еще кое-кого. Появлялись на своих «рабочих местах» только в дни выдачи зарплаты. Но премии «за добросовестный труд» тем не менее получали...

Спрашиваю у него, чем же дело кончилось? Посадили расхитителей народного добра и нарушителей закона? Отвечает как-то неопределенно: зачем сажать, когда можно наказать другим способом? Кому от этого легче? И только потом, через других, я узнал, что наш родственник купил у этого директора за чисто символическую плату дачу на Волге. Можно сказать, получил в подарок. А дача отличная – я бывал там: двухэтажная, из красного импортного кирпича, с фигурными башенками, балкончиками, террасками и прочими архитектурными излишествами. А какой там вид, какой воздух! Вот тебе и «мертвая душа»!

МЫСЛИ ВСЛУХ

Годы жизни убедили: если кто-то яростно обличает других в продажности, подлости, распущенности и т.д., то чаще всего он просто проецирует свои черты на других. То есть, избобличая других, он обнаруживает собственную сущность.

* * *

Есть люди, умеющие говорить, но совершенно не умеющие слушать. Они настолько погружены в собственные мысли

и переживания, что другие им просто неинтересны. Им важно выговориться, а другие для них как бы не существуют вовсе.

* * *

Все мы сидим в поезде, который на всех парах мчится к пропасти. И вполне возможно, что день сегодняшний – это последний полустанок, а следующая остановка – смерть. К счастью, в пропасть падают не все сразу, а преимущественно поодиночке. Поезд же продолжает свое стремительное движение – в никуда...

* * *

Есть философия как строгая отвлеченная наука. Здесь пишут монографии, защищают диссертации и получают ученые степени.

И есть философия как опыт жизни, житейская мудрость, размышление о пережитом, прозрение о смысле бытия. Если о первой философии большинство не имеет ни малейшего представления, то без второй не обойтись. Она помогает в трудные минуты, утешает в несчастье, снимает напряжение в стрессовой ситуации, подсказывает выходы из жизненного тупика.

* * *

Прожил на этом свете почти семь десятков лет. Много думал и о народе, и о всенародном признании. И твердо уяснил для себя одно: если ты не нужен своим родным и близким – значит, ты никому не нужен.

* * *

Состояние во время болезни: мучительно, тошно, не по себе... И все же болезнь надо лечить, а не лелеять ее. Не носиться с нею, как с писаной торбой, а стараться вытеснить ее на периферию сознания. Тренировать и презирать ее. Тогда она скорее уйдет, обиженная твоим невниманием...

* * *

В редакции часто приходится сталкиваться с людьми, уровень притязаний которых очень высок (осчастливить человечество новым эпохальным открытием – не меньше), а уровень реальных возможностей и, соответственно, достижений – крайне низок. Такие болезненно реагируют на

малейшую критику в свой адрес, чуть что – лезут в бутылку. Иной раз такой скандал закатят – ужас! Самая неприятная категория посетителей...

* * *

В целом я отношусь к людям положительно. Все люди, все человеки... Каждый хорош и необходим на своем месте... Но все же попадаются такие экземпляры, от которых лучше держаться подальше. Психологи называют их негативными личностями, или просто вампирами. Это те, кому доставляют удовольствие унижение и страдания другого. Когда другому хорошо, у них пропадает аппетит. Они получают психическую подзарядку, поглощая энергию другого. При длительном контакте с такими, даже если они ничего плохого тебе вроде и не сделали, испытываешь не просто дискомфорт – приходишь до полного морального и психического истощения.

* * *

У моего знакомого Н. случился психический срыв. Дело дошло до невроза. А в чем причина? Дело в том, что в нем живет неистребимая потребность доминировать, быть лидером, властвовать над другими. А он по долгу службы вынужден подчиняться, выполнять чужую волю. Самое же главное, сам он этого не замечает и хочет подвести под свой конфликт принципиальную базу. Уже пять начальников сменилось, ни с одним не ужился... Беда в том, что когда-то он упустил момент, не воспользовался возможностями служебного роста. А теперь тяга к независимости ему только мешает... Как ему втолкуешь: виноват не начальник, вину прежде всего надо искать в самом себе?..

БЛАТ

Решили однажды люди покончить с блатом. Вырыли могилу, положили его в гроб. Глядь, а гвоздей-то нет! И достать их можно только по блату. Пришлось выпускать на волю...

Народная притча советского периода

Этого слова нет в словаре Даля. Оно появилось только в советские годы и сопровождалось в первых толковых словарях пометкой: разговорное, вульгарное, новообразованное. Толкуется же так: «По блату – получить что-либо

незаконным способом». Возможно, таков был первоначальный смысл. Но в мое время это выражение имело уже несколько иной оттенок. По блату – не просто незаконно, не просто в обход существующих правил, а по знакомству, по протекции, с чьей-то, чаще всего небескорыстной, помощью.

...Маме потребовалось лекарство для глаз. Импортное. А годы – застойные. В аптеках говорят: «Бывает редко... Заходите...» А какое «заходите» – слепнет на глазах... Иду к родственнице – двоюродной сестре. Она работает в хлебном магазине и, в отличие от меня, кое-что может. Выслушав меня, тут же набирает номер телефона – звонит знакомой заведующей аптекой. Та у нее торты покупала к праздникам – тоже, между прочим, большой дефицит в те времена. Разговор, как водится, начинается издали. Как живете, как здоровье... После положенного обмена любезностями та, очевидно, спрашивает: не заболела ли? Может, лекарство какое надо? Да нет, отвечает родственница. Сама-то я, слава Аллаху, здорова. Но вот тетя моя глазами мается. Выписали ей такое лекарство, а достать не можем... Та соглашается: да, лекарство действительно редкое, сейчас его нет... Но такого-то числа мы должны получить партию медикаментов, в том числе импортных. Звоните, чем смогу – помогу...

В назначенный день родственница звонит мне: срочно беги в аптеку! Перед этим загляни ко мне... В общем, бросаю все, бегу сначала к родственнице, покупаю коробку «Ассорти» (а их, между прочим, в те времена тоже просто так, бывало, не купить!). Потом со всех ног несусь в аптеку. Тут у двери заведующей приходится выстоять порядочную очередь – не я один нуждаюсь в дефицитных лекарствах. И все со свертками, сумками. Кто кур несет, кто рыбу копченую, кто колбаску сервелат... Когда я наконец попал к ней, и без того тесный кабинет был набит дарами просителей – под стульями, на подоконниках, прямо на полу – всюду свертки...

Говорю, от кого пришел и что мне надо, протягиваю свой сверток. Она подает мне небольшой свиток с какой-то неразборчивой надписью и посылает в отдел. Там без всяких проволочек находят нужное лекарство, называют цену. Отбиваю чек и получаю – наконец-то! – спасительное лекарство. Между прочим, само лекарство тогда стоило копейки – дешевле той коробки конфет, которую я вручил в виде презента.

Ситуация довольно типичная, по тем временам даже

обыденная. Будучи в какой-то мере снобом, я старался не прибегать к блату, считал это унижительным. Для себя лично ни за что не пошел бы. Но когда дело касается матери – тут уж не до принципов. А многие – например, та же наша родственница – так и жили: ты – мне, я тебе... По блату доставали все: краску, обои, пиломатериалы, деликатесы... По блату получали выгодное место, въезжали в новую квартиру, устраивали сына в вуз... Как говорилось в популярной юмореске того времени: я ему мешок воблы, а он мне – жену из комиссионного магазина...

Между прочим, слова «блат» нет не только у Даля, но и – насколько мне известно – ни в одном из западных языков. Нет и слова, и самого понятия. У них слова «достать» и то нет (в нашем понимании). Есть только «купить». А купить можно действительно все. Что похуже – подешевле. А то, что дорого, – ни по какому блату тебе задешево не уступят. Скажем, тебе предстоит серьезная операция, и ты хочешь попасть к хорошему хирургу. Плати денежки – и дело в шляпе. Даже если этому хирургу тебя порекомендует сват или брат – он дешевле с тебя не возьмет. Иначе он роняет свое реноме... Не хочешь выкладывать, скажем, десять тысяч долларов – иди к тому хирургу, что берет всего тысячу... Но уж на последствия не обижайся...

Сейчас, по мере укрепления рыночных отношений, и у нас блат постепенно уступает место обыкновенной купле-продаже. В магазинах всего полно – хочешь красной икры или той же воблы – пожалуйста... Понадобилось дефицитное лекарство – выкладывай 120 у.е., и дело с концом... Правда, пенсия твоя при этом с трудом дотягивает до 20 у.е. ...

И по мере вытеснения этого понятия переосмысляет ся и само слово. Сейчас «блатыги», «блатные» означают не берущих по знакомству, а представителей преступного мира, всякое жулье, мафиозников. И когда мой внук говорит: «Ну, эта училка! Достала меня...» – он имеет в виду совсем другое.

ОШИБКА БЮРОКРАТА

Знакомый пенсионер, один из «бывших», рассказывал: – Я его, понимаешь, можно сказать, из грязи вытащил... Кто он был до этого? Его и за человека не считали, держали за дурачка... Ни тебе образования, ни ума или опыта... А я сделал его заведомом, а потом и замом поставил...

Знаю я этот начальственный прием: подбирать кадры

не сильнее, а слабее. Чтобы на их фоне выделяться самому. Начальник уйдет в отпуск, а у зама дела идут ни шатко ни валко... Начальство звонит, а он ни одного вопроса решить не может. И «наверху» убеждаются: заменить «самого» некем. Кроме того, слабый будет по гроб жизни благодарен. Как же, приблизили к монаршей особе: должен же человек соображать, что его подняли не за личные заслуги, а исключительно из начального расположения... Но расчет оправдывается далеко не всегда.

– Все, все ему сделал: квартиру в престижном доме, дачу на Волге, рядом с дачами первых лиц города, поездки за границу... А он на меня – телегу в обком. Воспользовался какими-то упущениями, промахами. У кого их не бывает? Нет чтобы прийти и по-свойски поговорить. А сразу – телегу... Ей, может, и не дали бы ходу... Но тут сменилась конъюнктура, пришли новые люди, а с ними новые веяния. Надо было показать, что они борются с коррупцией. Ну и отыгрались на мне. А кого поставили? Да он в десять раз больше коррупционер, чем я! И дача у него побольше, и квартира, и счет в банке. Да не только в нашем – еще и в швейцарском. А туда же – борец за демократию!

Я молча киваю, поддакиваю. А сам думаю, что винить ему некого. Сам же подбирал такого – беспринципного и гибкого... Умеющего и угодить, и подольстить. А уж на благодарность такого рассчитывать было глупо. Он ждал только удобного момента, чтобы спихнуть шефа и самому перебраться в его кресло. И дождался! Так что все закономерно, жаловаться не на что.

МЫ И ЗАПАД

Не мною замечено: люди у нас в России добрее, отзывчивее, чем на Западе. Первое, что бросилось в глаза, когда я в составе группы глав администраций прилетел в Нью-Йорк, – это какие-то отрешенные глаза американцев. Ни интереса, ни элементарного любопытства... Хотя даже по норковым шапкам и утепленным кожаным пальто было видно, что мы прилетели из другого – холодного полушария, считай, с другой планеты. Сами американцы ходили в легких удобных курточках и кепках-бейсболках... Своим взглядом они как бы возводили стеклянную стену между собой и нами. Людьми не просто чужими – явно второго сорта...

Позднее я имел возможность многократно убедиться в правильности этого самого первого – и самого верного – впечатления.

В Америке нет традиций многочасовых задушевных разговоров – ни за «рюмкой чая», ни за кружкой пива. Если кто начинает изливать душу, на него посмотрят с недоумением: это твои проблемы! А у нас и своих хватает. И если тебе плохо – иди к психоаналитику. Вот он тебя действительно выслушает – за большие, между прочим, деньги! – облегчит душу, даст дельный совет или выпишет лекарство.

Вначале это возмущает, задевает за живое, рождает ностальгические воспоминания: а вот у нас в России... Но потом я начал приходить к мысли: а может, так и надо? Да, у нас люди добрее, но по большей части это какая-то дряблая, бесхребетная доброта. Да, тебя выслушают, особенно «под пузырек», посочувствуют... Но чаще всего этим дело и ограничится. На какую-то иную, более конкретную помощь не рассчитывай... Американцы куда эгоистичнее. Но в тех случаях, когда они могут помочь чем-то реально, например, вызвать полицию, показать, как управляться с газонокосилкой, подвезти раненого в автокатастрофе до ближайшего медпункта – они это непременно сделают.

У нас с детских лет культивировался коллективизм: один за всех и все за одного. В США же – откровенный, ничем не прикрытый эгоизм: каждый отвечает за себя. Но это еще не означает, что они – хуже, а мы, соответственно, лучше. Практика показывает, что эгоист способен добиться куда больших успехов, чем коллективист, ибо он рассчитывает только на себя и больше приспособлен к конкурентной борьбе. Наши же альтруисты, как ни странно, чаще всего оказываются никчемными: горькими пьяницами, больными, увечными...

Эгоист работает вроде бы только на себя. Но способен обеспечить своей семье сносные условия жизни. Во всяком случае, его жене нет необходимости разрываться между работой и кухней, беготней по магазинам и больными детишками... Да еще выносить при этом куражи пьяного мужа.

Что же лучше? Альтруист, которого надо кормить, поить, обстирывать, приводить в чувство после очередной попойки... или эгоист, который способен сам содержать жену и детей?

ПАРКИ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА

Почему бы не написать исследование о парках культуры и отдыха? Скажем, докторскую диссертацию... Обо всем же пишут!

Тут же возникает первая серьезная проблема: почему чуть ли не все они носят имя великого пролетарского писателя А.М.Горького? Что, Алексей Максимович был зачинателем и основоположником парков? Классиком зеленой архитектуры? Селекционером, который вывел новые сорта парковых деревьев? Проблемы этой лучше не касаться – вразумительного ответа все равно не добьешься.

Следующая неразрешимая загадка: почему все они называются парками КУЛЬТУРЫ? Ну, отдыха – еще понятно: люди могут посидеть на скамейках, подышать свежим воздухом. А культура тут при чем? Она что, в пьяных драках и поножовщине по ночам? В уродливых гипсовых фигурах с обломанными конечностями, из которых торчит железная арматура? В заплыванных и вечно бездействующих фонтанах? В открытой эстраде, действующей только по большим праздникам? В скамейках, обычно занимаемых алкашами? В жалких аттракционах?

Самой больной проблемой наших парков является их унылое однообразие. Никакой выдумки! Ничего свежего, оригинального, способного привлечь посетителей. Только в последние годы начали появляться передвижные зоопарки, луна-парки и другие аттракционы, способные выбить из посетителей немного денег. Об аквапарках западного типа, открытых кафе и приличных танцплощадках мы пока только мечтаем. Я уж не говорю о такой сказочной стране, как Диснейлэнд...

Наши парки – типичное порождение советского периода... Период-то кончился, а парки остались в прежнем социалистическом виде. Те же штаты, получающие хоть мизерную, но твердую зарплату. Хоть чай гоняй, хоть в лепешку разбейся – больше не получишь. Никто и не разбивается. Те же неухоженные цветники и газоны. И то же вопиющее бескультурье.

«КАРА САКАЛ»

Есть такие люди – нигде подолгу не задерживаются, то и дело переходят с места на место. Одни – потому что дружат с зеленым змием. Другие – из-за непомерных ам-

бий. Все им кажется, что их недооценивают, не воздают должного их способностям и трудовому вкладу. Третьи – по неуживчивости характера... Такие во всех своих жизненных неудачах винят кого угодно, только не самих себя. Чаще всего – непосредственное начальство. Изображают из себя пострадавших за правду, за справедливость. И сами искренне верят в это. Их берут – в надежде на то, что на новом месте будут работать и вести себя по-новому... Тщетно...

Есть у татар такая поговорка: «Татарның кара сакалы Җизе белгән йҗри»... То есть куда бы татарин ни пошел – черная борода идет с ним. «Кара сакал» – это доля человека, его судьба. А она складывается из его характера, привычек, отношения к людям. Можно менять место работы, начальника, сослуживцев. Но судьбу свою не изменишь. Пока не изменишь себя...

МИФЫ ОБ АМЕРИКЕ

Лечу в Соединенные Штаты Америки... Позади многочасовая очередь за визой в посольство США, собеседования с посольскими работниками, таможенный и пограничный контроль, нервотрепка с билетами... Вокруг – молчаливые интеллигентные пассажиры в мягких креслах, предупредительно-вежливые стюардессы, проплывающие за иллюминаторами пуховые облака. А впереди меня ждет Америка – далекая, незнакомая, загадочная.

Пытаюсь вспомнить, что я знаю об Америке. На память приходят в основном идеологические штампы и мифы, которые нам вбивали с детских лет: что Америка – страна контрастов. Что-то, а уж это я усвоил твердо – чуть ли не с детского садика. На одном полюсе – акулы капитализма, воротилы большого бизнеса. Их в журнале «Крокодил» изображали то чрезмерно жирными, то тощими и длинными, но с непременной сигарой во рту. Дядюшка Сэм... Развалился в кресле, ноги – на столе. В руках – дымящийся револьвер, из кармана торчит пачка долларов. Широкий оскал приоткрывает длинные острые зубы. Чтобы не было сомнений в национальной принадлежности, на шляпе Дядюшки Сэма обязательно красные полосы и звезды американского флага.

На другом полюсе – бедные, несчастные американские безработные. Тощие, голодные, запуганные. Они копаются в помойках возле своих трущоб и полуразвалившихся хижин. На дальнем фоне просматривается статуя Свободы,

как символ Америки. На ближнем – жирный полисмен с резиновой дубинкой...

Чем же занимаются американцы помимо эксплуатации человека человеком? Линчуют негров... В том же «Крокодиле» часто можно было видеть куклуксклановцев в белых балахонах, похожих на привидения, вздергивающих на виселицу очередного чернокожего. Занимаются пропагандой секса и насилия... Готовятся к новой войне против социалистического лагеря... Вот, пожалуй, и все. Больше знать было не положено. И даже опасно.

При первой же встрече с реальной Америкой мифы эти развеялись как дым. Я увидел процветающую страну – сытую, ухоженную. Уверенных в себе людей с белоснежной улыбкой, как на рекламе жевательной резинки «Орбит». Впрочем, более подробно я рассказал об этом в своем очерке «Сельскохозяйственная Америка»...

ПОДВИД ЧЕЛОВЕКА

Этого понятия нет не только в словаре Даля, но и в изданном в тридцатые годы четырехтомном Толковом словаре русского языка под редакцией проф. Ушакова. А для нас нынче это самые расхожие, общепонятные слова: бомж, бомжиха, бомжовый... И мало кто задумывается о том, что слово это представляет собой аббревиатуру, образованную из начальных букв милицейского термина: «без определенного места жительства»...

Вот один из них стоит у входа в кафе (в само кафе его не пускают). В замызанной курточке с поднятым воротником и драной шапке-ушанке, очевидно, подобранных на помойке, таких же грязных брюках и дырявых башмаках... Лицо небритое, землистое, с фиолетовыми прожилками на бесформенном носу... Ежится от холода, перебирает замерзшими ногами... Но не уходит, выжидает момент, когда гардеробщица на минутку отвлечется и ему удастся прошмыгнуть в спасительное тепло, подобрать какие-нибудь объедки, а если очень повезет, то и допить недопитое пиво...

Входящие в кафе морщат носы – такой от него несет воню. Сам-то он уже притерпелся, не замечает... Брезгливо обходят за несколько шагов – еще подхватить какую-нибудь заразу, вон как лихорадочно блестят у него глаза...

А ведь, если приглядеться внимательнее, ему, должно

быть, не больше тридцати... Рослый, плечистый... Казалось бы, самый пик жизненных сил – живи и радуйся. И другим приноси радость. А он ночует по теплотрассам, мается от голода, холода, а больше всего от сжигающей душу жажды.

Конечно, сам виноват, кто спорит... Спился, растерял человеческий облик... Его и скотиной-то назвать язык не поворачивается. Животные, как правило, чисто плотны, вольнолюбивы, самоотверженно заботятся о своем потомстве и никогда не опускаются до такой степени...

И все же... Пусть не человек, но – подвид человека. Существуют же общества защиты животных, всякие движения по спасению дикой природы! Неужели никаких надежд вытащить его из этой трясины? На Западе для таких создают бесплатные столовые, ночлежки, благотворительные фонды... А мы – проходим равнодушно...

ПРИТЯЖЕНИЕ МОЛНИЙ

Во время одной из поездок по районам мне показали черное обугленное дерево. Это была старая-престарая ветла, вся обломанная и искалеченная. Она стояла на окраине села, на небольшом пригорочке, немного на отшибе. Еще живая – кое-где трепыхали на ветру зеленые веточки.

Рассказывают, что при малейшей грозе в это дерево бьют молнии. Года два назад на этом месте убило случайно забредшего сюда теленка. Главное, молнии никуда больше не бьют, а сюда их как магнитом притягивает. Просто какое-то заколдованное место! Во время дождя жители стараются держаться от него подальше...

Одни полагают, что во всем виновата нечистая сила. Другие считают, что молнии притягивают какие-нибудь руды, близко лежащие к поверхности. Третьи – что все дело в подпочвенных водах... Как бы там ни было, но факт остается фактом. И такого рода мест, притягивающих гнев небес, немало.

Но я подумал вот о чем. Ведь и среди людей встречаются такие, которые, как магнитом, притягивают к себе всяческие несчастья. Не знаю, как другим, а мне доводилось встречаться с такими. С виду они вполне обычные люди. Но если ураганом срывает с крыши кусок жести, то он непременно падает именно на их голову...

Был у нас в школе один. Его мама уронила в детстве с четвертого этажа. Выжить-то он выжил, но на всю жизнь

остался каким-то «чокнутым». Все знают, что завтра не учимся – День учителя. А он приходит в школу, слоняется по коридорам, попадает на глаза директору и... до вечера дежурит у входа. Кто-то разбивает окно, все ухитряются отвертеться («Я?! Да меня в то время и в классе не было!»), а его родители раскошеляются.

Всей школе делали уколы, а ему занесли какую-то инфекцию, и он чуть ли не полгода пролежал в больнице. Летом поехали на природу. Кто-то потревожил улей. А пчелы искусали его – причем до потери сознания. В вузе старался больше всех, а учился на троечки, так как билеты попадались ему самые каверзные. На пятом курсе студенты придумали тайное общество. Изучали Бухарина, Троцкого, Султан-Галиева, другие запретные в то время книги. В сущности, это была юношеская бравада, детская игра... Конечно, общество вскоре раскрыли. Всем как-то сошло с рук. А его, хотя он и не входил в число организаторов и вообще был сбоку припека – выгнали из института и так и не дали получить диплом.

Он и на работе продолжал оставаться тем же козлом отпущения. Выговоры сыпались на его голову как манна небесная. Когда надо послать человека в дальнюю командировку – его. А как премировать поездкой за границу – совсем другого. Сколько раз его лишали премии, причем за чужие огрехи, понижали в должности так, что дальше некуда... Он уж и сам давно свыкся с этим и принимает свои несчастья как должное. Его шпыняет жена, ни в грош не ставит собственный сын. А он ни на кого не обижается.

Приходит он, скажем, на собрание, садится на стул. А стул под ним разваливается... Может, он и догадывается, что ему специально подсунули такой. Но зла ни на кого не держит. Даже косо не посмотрит... Только потирает ушибленную поясницу да виновато улыбается...

Вроде бы и человек неплохой – непьющий, работающий. А надо же – кому-то пироги и пышки, а этому синяки и шишки...

КЛАВОЧКА

Невысокая, симпатичная, с ямочками на щеках... Мягкая, округлая, пахнущая сдобой. Глаза задорно блестят, с губ не сходит доброжелательная улыбка... В любую минуту может прыснуть со смеху – и по поводу, и без повода. Сослуживцы, даже малознакомые, называют ее

не иначе как Клавочкой. А между собой – симпомпончиком...

Открыта, бесхитростна, расположена к людям... Всегда в ровном и приподнятом настроении. Старики, правда, ворчат порой: ей бы только посмеяться... Почувствовав недобрый взгляд, она пытается стать серьезной и сосредоточиться на работе, т.е. на переписывании бумажек. Но долго огорчаться не умеет. Уже через минуту, услышав какую-нибудь плоскую шутку или бородатый анекдот, она заливисто хохочет, вызывая у кого улыбку, а у кого – усталый вздох: дескать, что с нее возьмешь? Не дал Бог ума...

Людей к ней тянет, молодые мужчины так и выются около нее роем... Хотя она давным-давно замужем, мать двоих детей... Умного совета от нее ждать не приходится. Она может посочувствовать чужому горю, но близко к сердцу не принимает. Только что, слушая рассказ товарки, вздыхала и делала трагические глаза. Глядишь – уже обо всем забыла и весело что-то напевает себе под нос.

На нее приятно смотреть, но дружить с нею долго невозможно – вскоре она начинает раздражать своей легкомысленностью. Как специалист она – пустое место. Но не выгонять же на улицу мать двоих детей! Кроме того, она поднимает тонус коллектива – как свет в окошке...

Однажды отдел лишили квартальной премии. Повод: не подали вовремя отчет, задержали сводки. Потом, правда, выяснилось, что коллектив тут ни при чем – просто курьерша тетя Дуня (ей, как говорится, в обед сто лет, она даже фамилии своей не помнит) отнесла отчет куда-то не туда, и он затерялся. Но отдел уже остался без вожделенной премии. А на нее рассчитывали, надеялись. Зарплата и без того маленькая, еле сводят концы с концами...

Все, конечно, злые, на чем свет стоит ругают начальство, собачатся друг с другом. Каждый повторяет: а я тут при чем? Я свое дело сделал – вовремя и аккуратно. Если кто виноват – пусть с него и взыскивают. Короче, напряженка дальше некуда. И вот тут наша Клава развеселила всех. Слезами, мол, горю не поможешь. Чего убиваться? Как-нибудь проживем, с голоду не помрем. И неожиданно предложила: давайте лучше споем! И, не дожидаясь других, первой затянула своим слабеньким, но вполне приятным голоском: «Опустела без тебя земля-я-а... Как мне несколько минут прожить...»

Как тут не рассмеяться? Тем более что премию эту потом задним числом все равно выдали...

Однажды она пришла на работу вся в слезах: муж бросил. Все ахнули: надо же, казалось бы, такой положительный. На деле оказалось, что у него мать болела раком, лежала при смерти, а Клава пристала к мужу: пойдём на концерт Майи Кристалинской... в кои-то веки приехала в наш город... Что ж теперь, заживо в могилу ложиться, что ли? Или включала телевизор на полную мощность и смотрела какую-нибудь юмористическую передачу, покатываясь со смеху. А свекровь из соседней комнаты стакана воды докричаться не могла. Все всё узнали, и все равно сочувствовали ей, а не мужу.

Но после развода не прошло и двух месяцев, как у нее объявился друг-утешитель. Правда, тоже долго не выдержал: через полгода исчез с концами. А что Клава? Повздыхала-повздыхала и завела нового... С тех пор дружья у нее менялись чуть ли не каждый месяц...

Детьми она себя тоже особо не утруждала. Младшая пропадала у бабушки. А старший сын все тянулся к отцу. В конце концов переехал к нему насовсем...

С годами она располнела, даже ходить стала впервалочку, как утка. Но характер ее нисколечко не изменился. И ума не прибавилось. Все так же хохочет, ничего не принимает близко к сердцу, всегда живет лишь сегодняшним днем.

КРОКОДИЛ В ЮБКЕ

Вот говорят, что дети ничего не понимают... Малы еще, чтобы судить о взрослых. Тем более о своих учителях. А дети все знают, все понимают. И учителя (чаще – учительницу), стоящую перед ними у доски, видят насквозь. Как на рентгене...

В шестом или седьмом классе (не помню точно) была у нас учительница по биологии. Имя-отчество не буду называть – может, еще жива. А мы называли ее «Крокодил в юбке» или просто «крокодил». Как видно уже из прозвища, ее не любили. Причем нелюбовь эта, как чаще всего случается, была взаимной.

Почему? Да потому, что очень уж она была заносчивой. Ко всем относилась презрительно, свысока. Как графиня какая-нибудь. А сама была из семьи сельской продавщицы. Какая уж там голубая кровь!

Соседей своих она называла «хамами» и «быдлом».

Пьют, шумят по ночам, песни орут... Деревенщина, одним словом. Никакой культуры... Учителя – «высочки». Слишком много мнят о себе. А перед детьми заигрывают, стараются подольститься. Никакой строгости и дисциплины... Ученики же – все невежды и тупицы. Тратишь, тратишь на них время – все без толку. Как об стенку горох. Вырастут – станут такими же бандитами, как и их родители...

Одним словом, никого она не любила, всех презирала. Впрочем, и к ней относились соответственно. Оттого и замуж не вышла, осталась старой девой. Что, конечно, не улучшило характера. Всех мужчин считала «кобелями недорезанными»... И вообще настоящих мужчин не осталось – все повывелись... Чувствовала себя глубоко несчастной, обманутой жизнью. И вольно или невольно мстила всему миру за обманутые надежды. Поскольку другого доступного объекта у нее не было, дурное настроение срывала на учениках:

– Как стоишь, осел! Вынь руки из карманов! Сколько раз можно повторять: не тяни резину! Отвечай четко и по существу! Не знаешь? Садись, два!

– Что я вам задавала? Нарисовать домашнее животное! А это что? Кошка? Это крокодил какой-то, а не кошка! Останетесь после урока и будете рисовать до тех пор, пока не получится. Ну и что, что у вас шахматный кружок! А мне плевать! Попробуйте только уйти – я вам покажу, как своевольничать...

Ну и ученики, конечно же, платили ей той же монетой. Однажды намазали ее стул клеем. Она ничего не заметила, плюхнулась на стул своей жирной задницей. В этот день на ее уроке было необычно тихо. Все ждали, когда она встанет. Она весь урок просидела не вставая, и только после звонка поднялась... вместе со стулом. Начала отдирать – куда там! не отдирается. Пришлось ей уходить вместе с прилипшим к заднице стулом.

Конечно, нажаловалась директорисе. Было нудное разбирательство. Допытывались: кто это сделал? Никто не признался и никого не выдал. Оставили весь класс без обеда. Грозилась выставить всем тройки по поведению, но угрозы своей не сдержали...

И подобных случаев было сколько угодно. Зря, конечно, она подалась в учительницы. Не ее это было дело. Шла в школу как на Голгофу. Но иной профессии нет, жить как-то надо. Вот и мучилась и мучила детей. И еще шпыняла молоденьких, только что после институ-

та, учительниц. Что, мол, вы понимаете? Все ваши теории гроша ломаного не стоят. Вот поживите с мое... До слез доводила...

ПУСТЫШКА

Смазливая мордашка, округлые плечи, высокая грудь... Глаза широко распахнуты, брови вскинуты вверх:

– Что вы говорите? Ах, как интересно! И откуда вы все знаете?

Она всегда была готова удивляться и ахать. И на лице застыло это вечно изумленное выражение. Любой, даже самый недалекий парень, чувствовал себя рядом с ней гением. Лестно же, когда тебя слушают не просто внимательно, а с восторгом и обожанием. Оттого парни и липли к ней, как мухи на мед.

Но... проходило какое-то время, и поклонники вскоре испарялись. Проводить время с пустышкой – занятие не самое приятное. Переспать – куда ни шло. А больше – ни-ни... А она удивлялась:

– И чего им нужно, чего не хватает? Я к ним со всей душой, а они...

ГУЛЬНАРА

Черноволосая, чернобровая, с открытым и приветливым лицом... Очень старательная, трудолюбивая. В школе она была круглой отличницей. В институте, правда, в зачетке появились четверки. Но не потому, что не знала, а потому, что слишком стеснительна. Иной раз, особенно когда преподаватель был слишком строг или раздражен чем-то, не могла от робости слова вымолвить. Эту ее неуверенность принимали за нетвердые знания. Вот и ставили четверки, хотя она отвечала правильно.

Это был ее крест: вечная неуверенность в себе. Первой подойти к парню – пусть даже он на нее искоса поглядывает? Ни за что на свете! Выступить на собрании? Как можно! Перед людьми, особенно незнакомыми, она терялась, старалась сделаться как можно незаметнее, прошмыгнуть мимо... И сама себе казалась уродкой – нос широковат, подбородок далеко не классический. Хотя в общем-то была довольно миленькой...

Приятели относились к ней хорошо: всегда доброжелательна, готова прийти на помощь. Когда кругом все свои – и веселая, и остроумная. Но в компании незна-

комых она замыкалась в себе, становилась «букой» и «гадким утенком»...

Может, так бы и мучилась всю жизнь от своей стеснительности. Но ее вылечила... любовь. За нею начал ухаживать взрослый парень – аспирант. Человек вполне серьезный, как говорили – будущее светило науки. У него уже было несколько научных публикаций. И то, что такой человек, о котором она и мечтать не смела, обратил на нее внимание, стал приглашать в кино, театры – сразу подняло ее самооценку. Она не перестала стесняться – могла заливаться краской по любому поводу. Но это теперь не мешало ей прямо глядеть в глаза окружающим. И учиться она опять стала на одни пятерки (хотя зубрила меньше, чем прежде, – немало времени уходило на свидания). И вся как-то похорошела, прямо расцвела...

Короче, Гульнара нашла свое счастье. Но ведь она была вполне этого достойна...

АНГЕЛИНА ПЕТРОВНА

Ангелине Петровне 52 года. Скоро на пенсию. Дочка замужем, живет в другом городе. С мужем Ангелина Петровна давно разошлась. В общем, не просто взрослый, а скорее даже пожилой человек. А пуглива как девчонка.

Вечером, ложась спать, запирает входную дверь на три замка и цепочку (наружная решетчатая дверь тоже заперта). Вздрагивает при малейшем звуке. Все ей кажется, кто-то лезет, кто-то подбирает ключи и пытается открыть замки...

Спит только при свете ночника – боится темноты. Ни за что не зайдет в темную комнату, хотя и понимает, что там никого нет и быть не может. Вечерами никуда не выходит. А уж если зимой задержится на работе (собрание там или какая-то срочная работа), вся изведется, пока доберется до дома. Неожиданно выскочившая из подворотни кошка может довести ее до сердечного приступа. Постоянно носит с собой валидол и валерьянку. Перебежит улицу (при полном отсутствии машин) и облегченно вздыхает: слава те, господи... Доберется до дому и накапает валерьянки. Кажись, все обошлось...

Вроде бы бояться ей абсолютно нечего. Да и кому она нужна? А все равно боится. Не кого-то или чего-то, а всего и всех. Так и живет всю жизнь в постоянном страхе.

ДЕТСТВО

Только под старость осознаешь, как много значит детство в твоей жизни. Все мы, в сущности, запрограммированы ранними решениями. И наша основная жизненная позиция заложена именно тогда – в раннем детстве. Тогда же написан и дальнейший сценарий нашей жизни, конечно, при активном участии родителей.

Даже случайная реплика, услышанная в детстве: «Ну ты и хилак!» или «Прямо артист!», глубоко западает в душу и может помимо воли сыграть как позитивную, так и негативную роль. Тогда же закладываются и стереотипы нашего поведения. Для взрослого человека они могут оказаться бесполезными, иной раз даже вредными (например, привычка курить, ругаться, выражаться матом, не мыть руки и т.д.), но их свято придерживаются.

К сожалению, слишком поздно осознаешь, что в каждом из нас таился принц (или принцесса). Но мы чаще всего плывем по течению, реализуемся ниже своих возможностей и превращаемся с годами в обыкновенных лягушек и тритонов.

БЫТЬ САМИМ СОБОЙ...

Казалось бы, что тут особенного? Какой ты есть – таким и будь. Чего тут голову ломать? Однако на практике оказывается, что подражать кому-то, стремиться быть как некто куда как легче, чем просто оставаться самим собой.

Чтобы быть самим собой, надо, как минимум, знать себя, свои сильные и слабые стороны. О других мы судим охотно и безапелляционно, а вот о себе зачастую имеем самое смутное представление.

Но и этого мало. Надо не просто знать, но и уважать самого себя. А чтобы уважать, надо, чтобы было за что. За честность, скажем. Или трудолюбие. Или принципиальность, прямоту. И при этом быть искренним, не лукавить с самим собой.

Итак, быть самим собой – значит быть подлинным. Не стремиться выглядеть умным, настойчивым, деловым, знающим свое дело и т.д. А быть им. Только в таком случае можно уважать себя.

Только тот, кто уважает себя, может с уважением относиться к другим. Если положительно оцениваешь самого себя, то и к другим относишься в целом положи-

тельно. Даже если ты что-то в них и не принимаешь, твоя оценка от этого не зависит. Только так рождается взаимное расположение между людьми, взаимопонимание, приятие и, наконец, – дружба.

КАК НАЙТИ ВЫХОД ИЗ КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ

Это может случиться с каждым: завалил вступительные экзамены, «срезался» при приеме на работу, потерял крупную сумму денег, пережил смерть близких, разочаровался в любимой... Что делать в подобной пиковой ситуации? Нелишне знать, что психологи разработали целую систему мер для выхода из кризиса.

1. Прежде всего надо перестать ругать себя и ни в коем случае не обобщать: такой уж, мол, я несчастный уродился... Ничего у меня не выйдет... Негативная самооценка лишает человека сил к сопротивлению и заводит в тупик. Наоборот, надо убеждать себя в том, что в общем ты ничем не хуже других – способный, энергичный, настойчивый, неунывающий. Просто на этот раз тебе не повезло. Очень полезны в такой ситуации сеансы самовнушения вечером перед сном и утром, едва проснувшись. Надо внушать себе, что в случившемся нет твоей вины, – просто так сложились обстоятельства. А человек – выше обстоятельств. Следовательно, ты способен преодолеть кризис.

2. Уяснить, что из любой кризисной ситуации существует несколько выходов. И надо непременно найти не просто один из них, а наилучший, то есть выход с наименьшими потерями. Если ты сам не видишь приемлемого решения, полезно посоветоваться с близкими, друзьями, компетентными людьми.

Зачастую человек и сам точно не знает, откуда у него возникло состояние подавленности, стресса, душевного дискомфорта. В таком случае надо прежде всего понять, в чем проблема: выбрать другой вуз, найти хорошего репетитора, возобновить поиски работы, получить иную квалификацию, изменить круг общения и т.д. Иной раз достаточно излить душу приятелю, чтобы преодолеть стресс.

3. Когда проблема прояснилась и выход найден, надо продумать и лучше всего даже записать четкий план действий: что именно и в какие сроки ты должен сделать. А затем добиваться поставленной цели с железной методич-

ностью. Из любой неудачи можно извлечь жизненный урок. И главный из них: если удача расслабляет, демобилизует, то неудача, наоборот, вызывает прилив жизненных сил и концентрацию воли. Во всяком случае, должна...

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННЫЙ

Всю жизнь он стремился к великой цели. Вынынчивал свою мечту в сокровенных глубинах души, ложился с нею спать и вставал вместе с нею.

Но дорога его почему-то все время сворачивала не туда. То женился не на той... То сделал ставку не на того. Устроился не на ту работу... Не с тем повелся, не того набрался... Набрался, скажем, сорокаградусной...

Короче, всю жизнь плутал, петлял, а до цели так и не добрался. Даже не приблизился к ней. Уже на тот свет поара, а он все болтает о великой цели...

МОРЕ ЖИЗНИ

Иные, приезжая на модный зарубежный курорт, предпочитают купаться не в море – ради которого, казалось бы, и тащились за тридевять земель, а в теплом, уютном бассейне.

Море хорошо, когда на него любишься с балкона пятизвездочного отеля. В бассейне же никогда не штормит, не захлестывает волной. А спасительное дно всегда под ногами. И на колючего морского ежа не наступишь. И на ядовитую медузу не наткнешься...

Точно так же многие предпочитают бурному морю жизни уютную, тихую заводь. Где и со штормами не нужно бороться. И грести против течения не надо. И риска никакого. Только жизнь не мраморный бассейн. И первая же нешуточная волна может накрыть с головой так, что не вынырнешь...

ВНУТРЕННИЙ СВЕТ

Прикрыла лампочку ладошкой, и ладонь засветилась теплым розовым светом...

«А что если приставить ее юное тело к мощному источнику света, скажем, к прожектору? – подумал я. – Наверное, целиком будет светиться изнутри теплым и ласковым светом»...

ДУМЫ О ЖИЗНИ

Часто думаю о том, что в общем-то мне в жизни везло. Повезло с рождением – не попал ни под страшный пресс 37-го года, ни под смертельную метлу Отечественной войны. Избежал и тюрьмы, и сумы... Из партии не исключали... Не разводился... Прожил вполне благополучную жизнь – в чистоте и уюте. Палат каменных не нажил. И в доме моем не найдете ни одной пылинки золота – чем и горжусь. Зато дети хорошие. И мама жива. Моя милая, добрая мама...

А ведь не всем, далеко не всем так везло и везет. Иной раз даже стыдно становится за свою обеспеченную, слишком благополучную жизнь. А более богатым, более обеспеченным никогда не завидовал – говорю это положа руку на сердце.

СТАТИСТИКА ТРАГЕДИЙ

Прочитал в «Комсомольской правде» (за 10 июня 1997 года) впервые опубликованную статистику жертв 1937 года. За один этот год, как утверждают специалисты, было арестовано 4 миллиона 700 тысяч человек – примерно столько, сколько жило в те годы в небольшой европейской стране. 800 тысяч из них приговорены к высшей мере наказания. И у подавляющего большинства приговор приведен в исполнение.

Статистика показывает, что это были не отдельные «нарушения социалистической законности», а планомерная, последовательная война тирана против собственного народа. Причем война односторонняя, ничем не спровоцированная. Народу наплевали в душу, уничтожили лучших его сыновей и дочерей. Даже детей, едва достигших четырнадцатилетнего возраста. А народ все стерпел.

Как и соратники Сталина. Сажали их лучших друзей, их жен, детей, братьев, сестер. А они все терпели, все принимали. И не было предела их долготерпению...

СВОБОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ

– Да, ловчил... И взятки брал, и по знакомству устраивал, и вообще... А что делать, если зарплата такая – только чтобы ноги с голоду не протянуть? А по-человечески жить – и не думай... А тут деньги сами в

руки плывут – только бери. И людям хорошо, и мне... Не было бы такой необходимости – не брал бы... Жизнь заставила. Куда денешься? Хотелось бы остаться чистеньким, да не получается. Такие в нашей системе если и попадают, то долго не задерживаются – вылетают, как пробки из шампанского...

Слушая его пьяные излияния (что с него возьмешь – человек давно на пенсии?) я пытался размышлять философски. Да, он во многом прав: платили бы чиновникам прилично – не было бы и коррупции. А так... Сколько угодно обличай – как брали, так и будут брать. Как устраивали по знакомству – так и будут... Теоретически человек свободен. И у него всегда есть выбор. Не иметь ни коттеджа, ни даже приличной квартиры, зато жить честно. А на практике искушение оказывается сильнее. Жизнь-то одна – другой не будет. Почему человек должен проводить ее в беспросветной нужде, не обеспечивая нормальную человеческую жизнь ни себе, ни своей семье? И вообще в философской дилемме свобода–необходимость реальная, жизненная необходимость всегда оказывается сильнее абстрактной теоретической свободы. Той же свободы выбора...

Постой, постой... Но если это так – значит, не надо судить взяточников и казнокрадов? Все дозволено? Все воруют, не все попадают? Все подличают, но не всех разоблачают? Если так рассуждать, честный бедняк сам виноват в своей бедности. И правы те, кто насмешливо вопрошает: если ты такой умный, почему такой бедный?

Даже если исходить из того, что большинство чиновников – взяточники и казнокрады, это еще не означает, что так и должно быть. Нет, не должно! Свобода выше необходимости! И человек всегда сам отвечает за свои поступки, ибо у него есть свобода выбора – делать или не делать подлости, брать или не брать взятки.

ТРИ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ

Всю жизнь напряженно размышляю над тайнами человеческой личности. Пытаюсь найти какой-то универсальный ключ, какой-то метод анализа. Не больно-то получается...

Но все же твердо уяснил: в каждой личности есть три самостоятельные, хотя и взаимосвязанные сферы: 1. То, что дано от родителей. 2. То, что сформировалось в детстве. 3. Взрослая сфера.

Хочешь понять человека – узнай, кто его родители. Все социальные запреты, нормы поведения, правила жизни обычно идут от «предков». Это может быть и набор весьма полезных, проверенных жизнью правил, и целый букет всевозможных предрассудков и предубеждений. Кому как повезет!

Когда человек говорит: «Я должен сделать во что бы то ни стало!» или «Не могу этого себе позволить», то есть когда вольно или невольно руководствуется какими-то нормами поведения, в нем обычно говорят принципы, приобретенные с молоком матери. В детстве мы можем даже внутренне противиться каким-то замечаниям, принимать их за скучные нотации и нравоучения. Но став родителями, невольно повторяем наших родителей – вплоть до сурово нахмуренного лба, указующего перста или неодобрительно поджатых губ.

В каждом из нас сидит ребенок. Открытый душой, доверчивый, любопытный, часто – эгоистичный, капризный, любящий сладенькое и не слишком-то любящий утруждать себя. Эта детскость души сохраняется, как я убедился на собственном опыте, до глубокой старости.

Но ведь и дети бывают разные. Бывают естественные дети – непосредственные, наивные, часто смешные в своем неведении и в то же время мудрые. Те, кому выпало такое счастливое детство, пронесят это светлое чувство и ощущение полноты жизни через всю жизнь.

Бывают дети, которых психологи называют адаптированными. Желая понравиться своим родителям, они приспособляются к их вкусам, боятся их недовольства и не позволяют себе поведения, которое не соответствует родительским ожиданиям. Такие дети и во взрослом состоянии легче приспособляются к превратностям жизни. Но они менее самостоятельны, не способны быть лидерами. Их всю жизнь преследует неуверенность в себе – особенно при общении с людьми с сильным характером – повышенная робость, стыдливость...

Наконец, бывают дети бунтующие – сознательно нарушающие дисциплину, отрицающие неприемлемые для них нормы старших. Из таких могут вырасти либо лидеры, либо – преступники...

Если понятие долга – от родителей, то внутренние влечения (хочу – не хочу, нравится – не нравится) чаще всего из нашего детства. Какой взрослый не удивляет нас своей неожиданной обидчивостью, хныканьем по малейшему поводу или наивным восторгом – из-за «ерунды»? Все это –

рецидивы детства. Детскость души естественна, хотя зачастую может выглядеть смешной и не всегда уместной. Скажем, те же детские капризы, детское упрямство, эгоизм в соответствующем возрасте понятны и простительны. Но в 30–40 лет – избави боже!

Как говорил А.С.Пушкин, блажен, кто смолоду был молод, блажен, кто вовремя созрел. А что такое зрелость? Это, выражаясь научно, способность объективно оценивать окружающую действительность. Поступать исходя из разума и взрослого опыта. Сидящий в каждом из нас взрослый должен выступать арбитром в споре между чувством и долгом, между сидящим в нас ребенком и родителем. Это вовсе не означает, что взрослый непременно должен подавлять остальные сферы личности.

Например, на дружеской вечеринке вполне естественно вести себя непринужденно, весело, расслабленно, давая волю ребенку в душе. При общении же с нашкодившими детьми или при решении каких-то деловых вопросов такой стиль поведения уже не подходит.

И я ощущаю в себе эти три сферы. Приезжая в Бавлы к матери, чувствую себя ребенком. Могу понежиться в постели и вообще расслабляюсь.

Проверяя, как выполнил школьное задание внук, я – родитель. Стараюсь привить ему трудолюбие, аккуратность, усидчивость, хотя сам далеко не всегда отвечаю этим требованиям...

А вот садясь за письменный стол, я руководствуюсь своим взрослым опытом и чистым разумом...

Прерываю работу – пора на презентацию. Спрашиваю у жены: ты не видела моего галстука, красного в черную полоску – для выходного костюма? Она могла бы мне ответить: посмотри в нижнем ящике шифоньера. Но она несколько раздражена тем, что я иду, как ей кажется, развлекаться, а она должна сидеть дома, варить обед, возиться в надоевшей кухне. И она отвечает мне по стереотипу недовольного родителя: куда положил, там и бери... Вечно разбрасываешься... А я тебе что, нянька?

Усмехаюсь про себя – не стоит обострять ситуацию и доводить дело до ссоры. Теперь я по крайней мере знаю, на какую сферу следует обратить внимание и когда какая сфера дает о себе знать.

КАК СТРОЯТСЯ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ

При всем разнообразии характеров, типов личности, темпераментов, при всей сложности жизненных ситуаций отношения между людьми строятся по одному из четырех типов:

1. Я плохой, и ты плохой. Например, закоренелый преступник ни в грош не ставит ни свою жизнь, ни жизнь своей жертвы. Он и насчет себя не обманывается (да, я сволочь, бандит, убийца, тем и горжусь). И убежден, что человек, с которым его столкнула судьба, не лучше. Просто маскируется или еще не было случая проявить свою подлую сущность. Если же, паче чаяния, человек оказывается хорошим, он либо использует это себе на пользу (ну и дурак, мол), либо выходит из себя (хочешь остаться чистеньким? Не выйдет!).

2. Я хороший – ты плохой. Если ребенка с детства слишком балуют, ничего не запрещают, во всем ему потакают, он подспудно приходит к убеждению, что он хорош изначально. Но вот другие – плохие. А как можно поступать с плохими? Только по-плохому, так как другого они не заслуживают. Такой человек в любой ситуации считает себя правым и всегда взваливает вину на кого-то другого, на время, обстоятельства и т.д.

3. Я плохой – ты хороший. Если, скажем, девушка выросла в семье алкоголика, то у нее на всю жизнь может сформироваться чувство собственной неполноценности. Такая, уж, мол, я уродилась – неудачливая, несчастная. Где уж, мол, мне добиться чего-то в жизни и вообще рассчитывать на что-то большее? Такой человек изначально считает себя хуже других и тем самым выбирает себе судьбу неудачника и изгоя.

4. И наконец, единственно верный и приемлемый тип добрых отношений между людьми: я хороший, и ты хороший. Это позиция приятя, дружбы, любви, уважения к себе и другим. Возьмите, скажем, отношения младенца и матери. Для матери дитя лучше всех на свете. И для ребенка мама – самое святое и светлое, что может быть на свете. Мама – самая красивая, самая умная, самая добрая... Таковы и отношения страстно влюбленных, когда они настолько поглощены друг другом, что не видят никаких недостатков.

Правда, застревать на этой позиции психологи тоже не рекомендуют. Например, слишком заласканный, чересчур избалованный ребенок вырастает в убеждении,

что он всегда хороший, т.е. всегда прав. А вот другие... И влюбленные, начисто лишённые критического отношения друг к другу, однажды утром просыпаются и видят рядом с собой не идеал всех времен и народов, а самого обыкновенного человека – мелочного, вздорного, не столь уж красивого...

И все-таки каждый при встрече с другим должен исходить из того, что другой – хороший, но и он не хуже. Только так можно добиться равнозначных партнерских отношений.

АНАТОМИЯ ССОРЫ

Казалось бы, ссора, особенно семейная, – вещь совершенно спонтанная и непредсказуемая. Она может начаться с любого пустяка, одного неосторожно оброненного слова. А закончиться... вселенским скандалом и разводом. И для меня было настоящим откровением узнать, что, оказывается, психологи давным-давно проанатомировали семейную ссору и установили четыре основных причины ее происхождения и развития:

1. Обобщение. Вот, скажем, муж что-то сказал своей жене. Она не расслышала. А он вместо того, чтобы более внятно и громко повторить, произносит с обидой:

– Вечно ты так... Никогда меня не слушаешь.... О чем ты, интересно, думаешь? Уж не о том ли кавалере, за которого когда-то собиралась замуж?

Или, например, муж обещал быть дома к определенному часу, но задержался на работе. И она тут же обобщает:

– На работу ты никогда не опаздываешь. А когда дело касается меня – позволяешь. Выходит, ты меня ни в грош не ставишь...

Отсюда практический вывод: если вы не хотите, чтобы ссора разгоралась в гигантский всежигающий костер, никогда не обобщайте частные факты и не позволяйте делать это другому.

2. Актуализация прошлых обид. Скажем, жена, уходя к подруге, попросила мужа вымыть посуду. Или выгулять собаку. Или проверить домашнее задание сына. А тут по телевизору транслируют футбол. И он забыл обо всем на свете: «Наши выиграли!» А жена, придя домой:

– Забыл? Небось если бы тебя эта вертихвостка попросила – не забыл бы (намек на недавнюю вечеринку, когда он «положил глаз» на соседку). Он в свою очередь актуализирует свои обиды:

– А ты... А ты... С кем ты, между прочим, ездила на юг? (А это было еще до знакомства с ним).

Совет психолога: если хотите светлой и счастливой жизни в настоящем, никогда не ворошите прошлое. Оставьте это за бортом. Наложите табу на всякие упоминания об этом.

3. Один из самых болезненных (и потому запрещенных) приемов ссоры – аргументы, направленные на слабое место, и особенно недостатки внешности, одного из супругов.

Представим себе тихий семейный вечер. Супруги дружно смотрят «мыльную оперу». И тут она простодушно замечает о главной героине: «Какая образина!» А супруг, которому героиня нравится, выдает в сердцах: «Тоже мне сказанула. Ты лучше на себя посмотри. Вот где образина так образина». Что происходит дальше, не поддается описанию.

Примерно то же бывает, когда намекают на излишнюю полноту одного из супругов или, наоборот, чрезмерную худобу, дефекты речи и т.д. У каждого есть какие-то недостатки и слабые места. И если его то и дело тыкают мордой в его «дерьмо», постоянно напоминают об этом, то обидчика можно возненавидеть...

4. Еще одна частая причина семейных ссор (которую вполне можно избежать при умелой линии поведения) – критика родственников. Муж может недолюбливать тещу – сколько анекдотов существует на эту тему! Но он должен постоянно помнить, что для жены это – мать. И никогда, ни в коем случае не говорить при жене худого слова о теще. Это – табу!

То же самое и в отношении родственников мужа. Критику в свой адрес он еще скрепя сердце может вынести. Но если она поносит его род, его близких, родных, он озлобляется и невольно ополчается против нее. Так что себе же выйдет боком!

Как видим, правила эти несложны, соблюдать их не столь уж трудно. А результат при их соблюдении может быть потрясающим!

МИР ЧЕЛОВЕКА

Что может быть интереснее внутреннего мира человека? Особенно для литератора, которому самой судьбой предназначено знать человека. Не обязательно любить, но уж понимать – непременно. И еще – чувствовать...

Стало общим местом (особенно среди нашего брата, писателей) говорить о сложности внутреннего мира лично-

сти. Верно! Но дальше этого обычно не идут. А вот психологи ушли в этом вопросе дальше и подразделяют (для удобства анализа) мир человека на четыре сферы:

1. Открытая. Это то, что человек сам знает о себе и что знают о нем другие. Вот, скажем, я могу сказать о своем сослуживце, что он человек в общем-то неплохой. Способный журналист. Хороший семьянин, отец троих детей. Есть и недостатки – отсутствие лидерской жилки. Попробовали его поставить заведомо – дело не пошло. Он предпочитает все делать сам, а заставить других не умеет. Впрочем, это, пожалуй, не недостаток, а особенность его характера. Но это то, что на виду, что известно всем, в том числе и ему самому. А вот если он выкинет какой-нибудь фортель – скажем, зарежет жену или укатит в Америку (предварительно переведя туда солидный капитал) – мы будем говорить о том, что, помимо открытой, в его душе была и другая, неизвестная нам сфера.

2. Скрытая от других. Пожалуй, самый наглядный пример – Чикатило. Отличный работник, прекрасный семьянин. Нормальный, добропорядочный гражданин. Таким его знали все, даже жена и родные дети. И – маньяк-убийца, на совести которого более сорока загубленных жизней.

Другой пример. Бывший секретарь горкома, крупный партийный босс, читал нам, литераторам, нотации и учил правилам жизни. А потом, много лет спустя, открылось, что это был хапуга и мафиози, который «заказал» убийство своего сослуживца и друга семьи (во всяком случае, такое обвинение было ему предъявлено, процесс все еще тянется, поэтому и фамилию не называю).

Не обязательно, чтобы в этой скрытой сфере непременно было что-то плохое. Писатель Диас Валеев в свое время писал об одном возчике. Он вывозил с рынка пищевые отходы. Часть отвозил к себе и откармливал свиней (у него был частный дом). Мясо продавал за вполне приличные деньги. Но вот дальше... Не пропивал эти деньги, не складывал в кубышку, даже не тратил на строительство нового дома или загородного коттеджа. А все отдавал в детские дома на одежду-обувку и кормежку детей-сирот. Причем никто об этом не знал – он все делал втайне от всех. Иначе приятели засмеют. Да и начальство сочтет сумасшедшим...

3. Неизвестная никому. Возчик по крайней мере сам знает, на что способен. Но нередко бывает так, что ни сам человек, ни окружающие не знают его скрытых до поры до времени возможностей. Сколько было таких случаев! Челю-

век доживает лет до сорока, а то и до пенсионного возраста, и вдруг открывает в себе талант художника. Да такого яркого, своеобразного, что все вокруг ахают, а работы его покупают за большие «бабки» зарубежные знатоки и ценители. Или вдруг в человеке пробуждается дар целителя. Или композитора. Или экстрасенса... Такими случаями перстрит пресса. Хотя в реальной жизни, конечно же, подобные случаи довольно редки.

Но почему? Прежде всего потому, что мы сами не знаем своих возможностей и даже не пробуем заниматься чем-то другим. Или пробуем, но не тем, чем надо бы...

Психологи полагают, что такого рода неизвестная сфера есть в душе у каждого. Но большинство так и уходит из жизни, не узнав об этом...

4. Скрытая от себя. Это та область, о которой человек либо не знает, либо обманывается, хотя все окружающие прекрасно знают.

Вот, скажем, ходит к нам в редакцию одна графоманка, убежденная в том, что она гениальный поэт. Мы-то знаем, что бездарь. Но попробуй ее убедить! На любой довод она найдет свой контрдовод. Иной раз ей и вправду удастся пристроить очередной опус в какой-нибудь захудалой газетенке. Но лучше от этого ее стихи не становятся... Уже до пенсионных лет дожила – все пробивает...

Другой пример. Человек, убеждающий всех, что он – ого-го! Что его открытия способны перевернуть мир. Но все знают (кроме него самого) что он – обыкновенный недоучка и к тому же горький пьяница. И кроме очередного дебоша ничего от него ждать не стоит...

С тех пор, как я вычитал у зарубежных психологов про эти четыре сферы, я, как мне кажется, стал гораздо глубже понимать и других, и самого себя...

ЧТО ТАКОЕ ЭМПАТИЯ

Есть в психологии такой термин – эмпатия. Переводится как «вчувствование». Словечко довольно мудреное, а явление – широко распространенное и знакомое, пожалуй, каждому.

Обладать эмпатией по отношению к кому-то – значит не просто знать этого человека, не просто понимать мотивы его поступков, а воспринимать его субъективный мир как свой собственный, ощущать душу другого – до последних глухих закоулков. Чувствовать его радость, его боль, его успехи или огорчения так же, как он это чувствует сам.

Но при этом не терять себя, не становиться другим человеком (это уже совсем другое – идентификация). Именно чувствовать человека, настроившись на одну волну с его эмоциональным миром.

Эмпатией обладает мать по отношению к любимому ребенку, страстно влюбленные или супруги, прожившие много лет вместе (да и то не всегда!). Эмпатией владеют самые близкие друзья и подруги. При этом свойством этим одарены далеко не все (иные так всю жизнь и остаются глухими к переживаниям других) и далеко не в равной мере. Есть люди, от природы одаренные умением сочувствовать и сопереживать, есть бездари и гении этого свойства.

ШТАМПЫ

Помнится, в Вашингтоне, узнав, что я из России, американцы широко улыбались и радостно восклицали: «О, рус, рус, карашо! Москва, медведь, цыгане, водка!». Я тоже в ответ улыбался и пожимал им руки. Не станешь же объяснять каждому, что медведей можно увидеть разве что в зоопарке, цыганские песни услышишь только в специальных ресторанах, а водка продается и у них.

Точно так же и в отдаленных районах России: узнав, что я татарин, иные радостно перечисляют готовый «джентльменский» набор: а-а, кумыс, ковыль, конина, ханы... А скажешь, что рядом с ними на атомной станции работают десятки татар, – удивленно разведут руками: разве? А мы и не думали...

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Возьмем лист бумаги и проведем на нем прямую линию. Теперь мысленно продолжим эту линию в обе стороны. Теоретически прямая уходит в бесконечность. А практически в земных условиях получится замкнутый круг. Земля-то круглая!

...Есть у меня знакомый... У него было тяжелое сиротское детство. Беспризорничал, воровал, состоял в разбойничьих шайках... Но все же сумел вырваться – не без помощи добрых людей! Пошел учиться, окончил вуз, стал человеком... Всю жизнь он карабкался вверх, достиг немалых высот в своей профессии: стал сначала главным инженером, а потом и директором крупного оборонного предприятия.

Но, достигнув этих вершин и осознав, что дальше вроде

расти некуда, вновь вспомнил свои прежние привычки: начал пить, кутить, манкировать своими обязанностями. Ну и загремел, конечно, вниз по той же лестнице... Так и катился, пока его не выгнали за пьянку с должности рядового инженера... Встретил его как-то – алкаш алкашом: грязный, небритый, жалкий, с трясущимися от запоя руками и бессмысленным взглядом. Цикл замкнулся. Все возвратилось на круги своя...

Но не так ли и все мы? Всю жизнь вроде бы движемся по прямой, куда-то стремимся, чего-то добиваемся... А в результате нас ожидают старческие немощи: младенческая беспомощность, детская обидчивость, забывчивость, маразм... Круг замыкается: выйдя из глины и праха, мы вновь станем глиной и прахом.

ПОДПОЧВЕННЫЕ ВОДЫ

Едем с сельским агрономом по совхозным полям. Конец июля... Лето выдалось на редкость жарким, засушливым... Почитай с конца апреля – ни одного приличного дождя. Редкие тощие колосья изнемогают под палящими лучами. Трава на пастбищах пожелтела, выгорела, прилипла к земле...

Но вдруг дорога приводит нас в поле, где стеной стоит высокая – колосок к колоску – золотая пшеница. И если на других полях ожидаемый урожай – пять-шесть центнеров с гектара, то тут – все 20, а то и 25. За полем начинается пологий склон с сочной зеленой травой и кудрявыми кустами березняка, за которыми темнеет хвойный лес.

Агроном наслаждается произведенным эффектом: «Вот что значит передовая агротехника!». Однако это меня не убеждает. Отчего же тогда на других полях не применили эту агротехнику? Что мешало? Помявшись, агроном наконец выдает нам более правдоподобное объяснение: подпочвенные воды... Видишь лес на вершине холма? Когда его не было, здесь тоже все выгорало. А когда лес поднялся, он стал аккумулировать весенние и дождевые воды и отдавать их постепенно в течение всего лета... Внизу, у овражка, забили давно исчезнувшие родники. Видишь, земля как бы потеет, ее питают подпочвенные воды.

Поехали дальше, а я все продолжал оглядываться на тот золотой оазис среди выжженных полей... И неволь-

но подумал: а ведь и в душе человека есть свои подпочвенные воды... Вроде бы все люди одинаковы. Но к одному относишься настороженно, с плохо скрытой неприязнью. А к другому – со всей душой... Испытываешь к нему необъяснимую теплоту, сердечное расположение... Не иначе как и тут играют свою роль живительные воды.

РОЗЫ НА НАВОЗЕ

Встретив его, я ужаснулся. Не поверил своим глазам. Неужели это он писал – и пишет! – нежные лирические стихи? О любви, о природе, о высоком предназначении человека?

Грязный, небритый, в съехавшей набок шапке, с мутными, ничего не видящими глазами... Стоит, покачиваясь, между бытием и небытием... Вот-вот свалится... Окружен винными парами – поднеси спичку, и вспыхнет! Огонь высокой поэзии?

Сизая слива ноздреватого носа, нездоровый румянец склеротических щек, пегие спутанные космы... Что-то бормочет себе под нос: неужели стихи? Похоже, и вправду стихи... В конце концов, и розы вырастают на навозе...

ЧАЙКИ

Волны – телята-несмышлениши – гулко тычутся мокрыми носами в борта нашего судна. Не встретив ответной ласки, обиженно откатываются назад. А вслед за ними тычутся новые...

У кромки очерченного циркулем горизонта висит желтый наклонный парус молодого месяца. Солнце уже закатилось, а звезды еще не зажглись. И только Венера смотрит влажным влюбленным взглядом.

Чайки кружат за кормой. Протяжно скрипят, пикируют на оглушенную винтами серебристую рыбешку, садятся на воду и покачиваются на волнах, как утки. Глядя на них, невольно вспоминаешь старинную легенду о том, что души утонувших моряков превращаются в чаек. Оттого-то в их криках столько тоски и щемящей горечи...

Парадоксы жизни

Парадоксы жизни	3
Похороны	3
После поездки «за бугор»	3
Прослойка	5
Метаморфозы	5
Березы на болоте	5
Не гасить огня	6
Когда не хватает неба	6
Умом Россию не понять...	7
Закат в тропиках	7
Жемчужное утро	8
В гостях у неба	8
Фантомные боли	9
Параллельное время	10
Обаяние незавершенности	11
Причуды памяти	12
Шагаловский вечер	12
Сын	12
Два ангела	13
В ресторане	13
Логерея	14
О смелости	14
Две России	14
В волчьей стае	15
Боковое зрение	16
Мысли в дороге	17
По глазам	18
Период большого хапка	18
Кто автор?	18

Лирические миниатюры

Сосна над обрывом	19
Мотылек	19
Льдинки	19
Девочки предместья	20
Бавлы	20

Комнаты	20
Предчувствие	21
Позднее прозрение	21
Как все...	21
Почему человек чувствует себя несчастным?	22
Извечный российский вопрос: кто виноват?	24
Что такое дефицит?	25
Промежуточные состояния	26
Интеллигенция снова оказалась крайней...	27
Забег к уху	28
Пара	29
Гонка на лафетах	29
Детский сад	30
Коровья смерть	31
Тыбы	32
Свобода личности и преступности	32
Если ты такой умный...	33
Поступь прогресса	33
Непредсказуемость	34
Показуха	34
Рассказ прокурора	36
Логика абсурда	38
Авария	39
Свет истины	41
Парадоксы истории	41
Единство несоединимого	42
Коварный крокодил	43
Дорога по костям	43
Как птица в полете	45
Сила иносказания	45
Свет и тьма	46
Клубок	47
Эпоха Интернета	47

Аристократы наших дней

Двоемыслие	48
Накопитель	48
Искусство медленного чтения	49
Маразм – болезнь заразная	49
Падший ангел	50
Виртуальная личность	50
Приживалка	51
Ведьмы	52
Двенадцатилетний цикл	52
«Любители» природы	53

Круговая порука	54
Пенсионерка и Крутой	57
Герой или злодей?	58
Унижение великих	59
«Подталкивание» чувств	60
Аристократы наших дней	60
Девятый вал «черного нала»	61
Шило на мыло	62
Немытая Россия	63
Поздний «реабилитанс»	64
Казанские Куропаты	64
Директорский корпус	65
Магия подписи	67
Многогранность личности	68
На чьей совести?	69
Не место красит человека	70
Своим – нельзя	71
Какая погода в Италии?	72
Август. Дача	73
Звательный падеж	73
Ворожба	73
Несоответствия	74
Малярийный плазмодий	75
До и после	76
Страна Специаль	76
Иванушка-дурачок	77
Апокалипсис	78
Любовь к нации...	79

Корни сердца

Принцип Пастера-Редди	80
Взлет и падение	80
Глоток пустыни	81
Дурман покинутых деревень	82
Разбитый ангел	83
Живое пламя	83
Календарь	85
Корни сердца	85
Музыка пламени	85
Ограниченность разума	86
Потерять лицо	87
Итог пережитого	88
Интеллигентный человек	88
Нужен взгляд сверху	89
Три типа личности	90

У каждого свое прошлое	90
Прозрение	91
Насилие добра	92
Спасибо деду...	94
От добра добра не ищут?	97
Уловки бюрократа	99
О капитане теплохода «Муса Джалиль»	100
Вывод жизни	102
Ожидание как дипломатический прием	104
«Отрицательная» память народа	105
Эффект сжатой пружины	107
Миф о коммунизме	107
Он бежал впереди паровоза...	108
«Есть мнение...»	110
Пламя и пепел	111
Душа и плоть	112
Уряк	113
Старая дева	114
Толпа на набережной	115
Поездка в Швецию: впечатления и раздумья	116
Культурная столица Европы	116
Шведская семья – модель будущего?	120
Четвертые похороны Сталина	125

Мысли вслух

В это трудное время	137
Кладбище в новой слободе	137
Инфляция	138
Руки	139
Большая деревня	139
Въелось	139
Суд	140
Норов вещей	140
О пользе точности	141
Ода смерти	142
Из воспоминаний детства	142
Здравый смысл	143
Круг жизни	144
Не завидуйте	144
Прошлое – будущее	144
На рыбалке	146
Перестройщики	147
О вечном и тленном	147
Загадки русского языка	148

Возможна ли гармония?

I. Профиль равновесия	150
Мы одной крови	150
Механизм великого равновесия	152
Устоим, если одумаемся	154
Есть ли прогресс?	156
Кто кого познает...	158
Природа лечит...	159
Предупреждение	160
II. Женские руки яблонь	160
Летний сад	160
Закат в августе	161
Грозное лето	161
Свиток неба	162
Шелест пальм	162
Хлебный август	163
Ночь белых бабочек	163
Весеннее марево	163
Южная ночь	164
Золотой налив	164
Закат	164
Листопад лет	164
Холодно	165
Айсберг дня	165
Весенний костер	165
Прямоугольное мышление	166
Бабье лето	166
Весенний шорох	167
Ключищи	167

«Кара сакал»

Урок	168
Мертвые души	169
Мысли вслух	170
Блат	172
Ошибка бюрократа	174
Мы и Запад	175
Парки культуры и отдыха	177
«Кара сакал»	177
Мифы об Америке	178
Подвид человека	179
Притяжение молний	180
Клавоочка	181
Крокодил в юбке	183
Пустышка	185

Гульнара	185
Ангелина Петровна	186
Детство	187
Быть самим собой...	187
Как найти выход из кризисной ситуации	188
Целеустремленный	189
Море жизни	189
Внутренний свет	189
Думы о жизни	190
Статистика трагедий	190
Свобода и необходимость	190
Три сферы личности	191
Как строятся отношения между людьми	194
Анатомия ссоры	195
Мир человека	196
Что такое эмпатия	198
Штампы	199
Замкнутый круг	199
Подпочвенные воды	200
Розы на навозе	201
Чайки	201

Литературно-художественное издание

Мустафин Рафаэль Ахметович

О ВРЕМЕНИ, О ЖИЗНИ, О СЕБЕ

Арабески

Редактор *Г.М.Хасанова*

Художник *Р.Ш.Садыков*

Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Н.Н.Мусиной*

Корректоры *А.Г.Хамитова, Н.И.Максимова*

Лицензия на издательскую деятельность № 04184

от 6 марта 2001 года

С оригинал-макета подписано в печать 23.10.2002. Формат 84×108^{1/32}.

Бумага офсетная. Гарнитура «Сувенир». Печать офсетная.

Усл.-печ.л. 10,92+ф.0,21. Усл.кр.-отт. 11.55. Усл.-изд.л.11,88+ф.0,36.

Тираж 2000 экз. Заказ Б-535.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

Государственное унитарное предприятие издательско-полиграфический комплекс «Идел-Пресс». 420066. Казань, ул., Декабристов, 2.